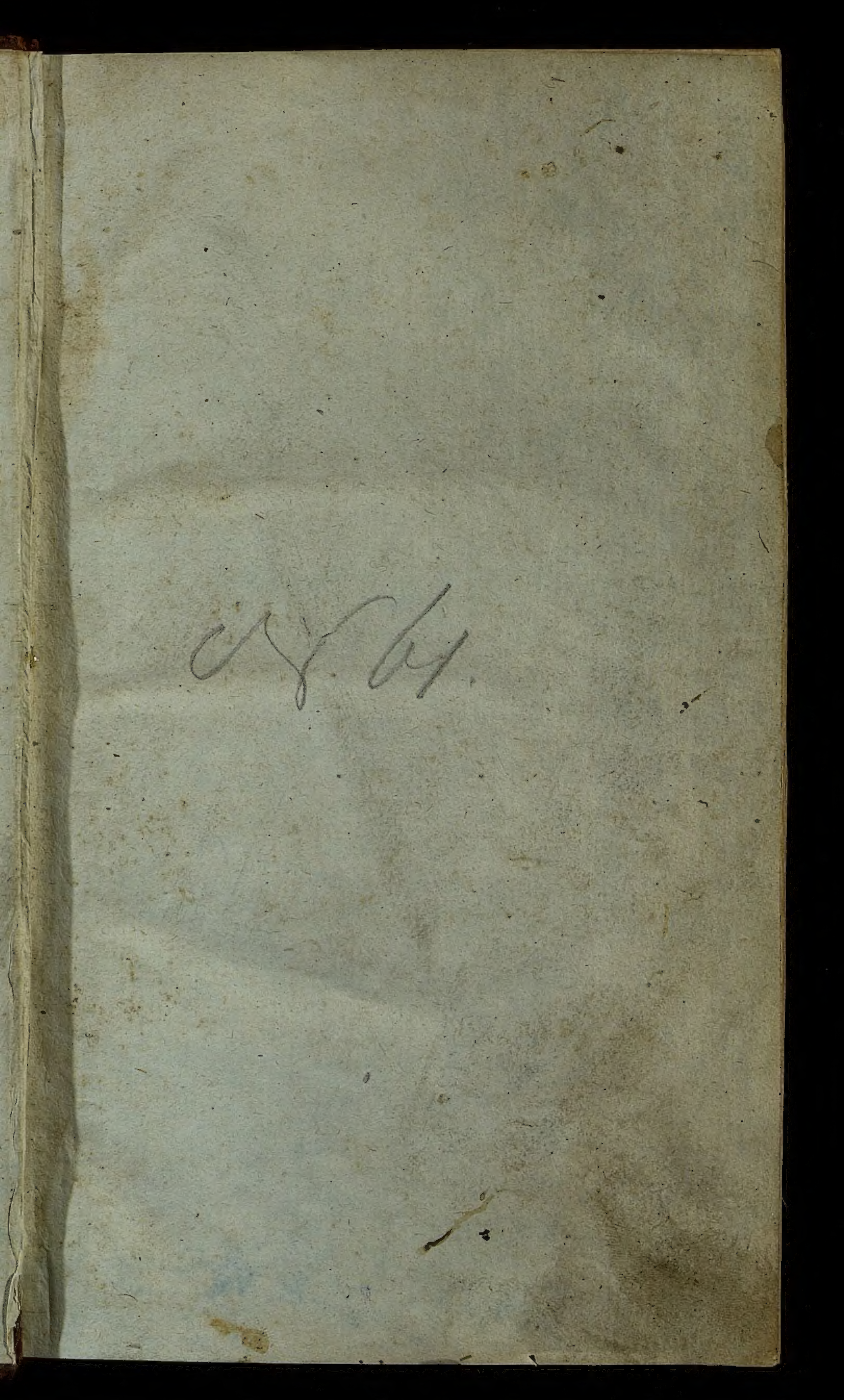
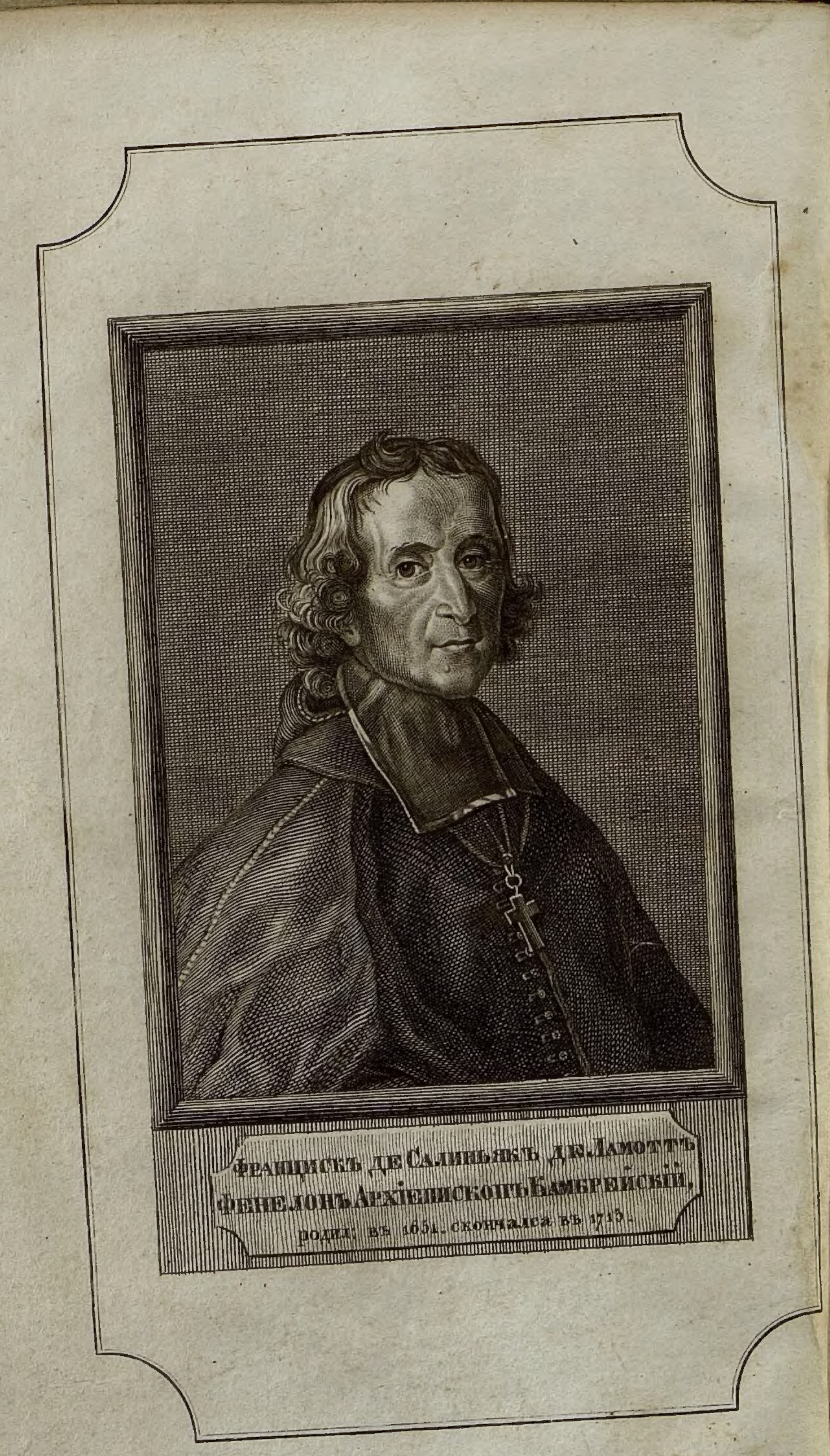

Францискъ де Салиньякъ де Ламоттъ
Фенелонъ Архіепископъ Камбрейскій,
родил: въ 1651. скончался въ 1715.

ИЗБРАННЫЯ ДУХОВНЫЯ ТВОРЕНІЯ ФЕНЕЛОНА, АРХІЕПИСКОПА КАМБРЕЙСКАГО.

Ф42

Переводъ съ Французскаго.

Съ приложеніемъ его портрета.

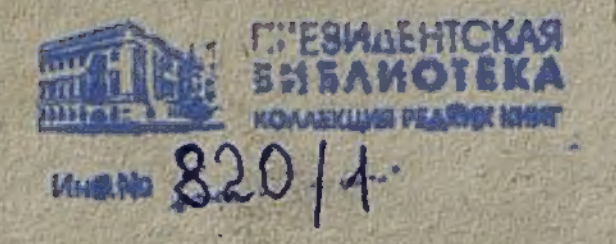
ЧАСТЬ I.

Содержащая въ себѣ письма о разныхъ предметахъ Метафизики и Религіи.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Февраля 17 дня 1820 года. *Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Тимковскій.*

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА

ЧЛЕНУ,

Сенатору, Министру Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія и разныхъ Орденовъ Кавалеру,

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ

ВСЕПОКОРНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО!

Предпринимая издать въ свѣтъ Избранныя духовныя творенія Г-на Фенелона, Мужа, прославившагося въ цѣлой Европѣ своею ученостію, а еще болѣе добродѣтелями, коими вся его жизнь была исполнена, кому лучше могъ я посвятить оныя, какъ не Тому, Коего Вышняя Власть опредѣлила бдѣть надъ распространеніемъ просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, или истиннаго просвѣщенія?

Вѣкъ, въ коемъ ученіе Христіянства, по причинѣ изданныхъ нечестивцами множества развратныхъ сочиненій, было от-

вергнуто почти повсемѣстно, ежели не наружно, то по крайней мѣрѣ въ сердцахъ именующихся Христіанами, и въ которомъ мудрость міра сего ослѣпила всѣ умы ложнымъ своимъ блескомъ и отравила сердца ядомъ своего ученія, по благости Всещедраго Бога, — Который хотя и подвергаетъ родъ человѣческій искушеніямъ, но никогда не оставляетъ его совершенно, — уже кончился, и съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія возсіяла заря Свѣта Божественнаго, который нѣкогда соединитъ все существующее въ поклоненіи І. Христу, Коему предана всяческая Отцемъ Его, иже на небесехъ.

Дѣйствія сего Свѣта видимы во всей вселенной; изданіе же на многихъ иностранныхъ языкахъ, равно какъ и на нашемъ отечественномъ, благочестивыхъ, истинно Христіянскихъ сочиненій, а также и возбудившаяся повсюду склонность къ чтенію какъ ихъ, такъ и самаго Св. Писанія, которое есть ихъ источникъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что недалеко уже отстоитъ время пришествія Царствія Господня, время, въ которое Онъ изліетъ отъ Духа Своего на всяку плоть, время владычества истины и мира, коихъ любовь будетъ видимымъ откровеніемъ; —

время, столь восхитительно Пророками описанное.

Каждый Христіянинъ обязанъ съ своей стороны дѣлать все то, что онъ можетъ, дабы ускорить наступленіе сего времени. А какъ важнѣйшіе способы, могущіе дѣйствовать на цѣлый народъ, не состоятъ во власти частныхъ людей, то изданіе сочиненій, способныхъ руководствовать своихъ читателей къ сей цѣли, остается единственнымъ ихъ средствомъ, которое при своей удобности имѣетъ еще и ту выгоду, что можетъ произвести не маловажныя слѣдствія.

Руководствуясь сими понятіями, я почитаю своею обязанностію дѣло, мною предпринятое. Милости же Вашего Сіятельства, въ коихъ я, подобно всѣмъ тѣмъ, которые имѣли щастіе сдѣлаться Вамъ извѣстными, былъ участникомъ, побудили меня посвятить Вашему Имени издаваемыя мною творенія: ибо, ежели благодарность за оказанныя благодѣянія была почитаема непремѣнною обязанностію между язычниками, то для Христіянина оная тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе нравственность Евангелія превосходитъ мораль язычниковъ.

Ваше Сіятельство! обратите взоръ Вашъ на сіе приношеніе — и ежели оное столь же маловажно, какъ лепты вдовицы, упоминаемой въ Евангеліи, то и чистосердечность моихъ чувствованій можетъ сравниться съ чистотою ея намѣренія.

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

всенижайшій слуга
Коммиссіонеръ Библейскаго Общества
Иванъ Переплетчиковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде изданныя духовныя сочиненія Г-на Фенелона, извѣстныя подъ именемъ его твореній, суть токмо — естьли смѣю сказать — немногіе отрывки изъ оныхъ; а какъ сочиненія сіи такого рода, что могутъ служить къ пользѣ душъ благомыслящихъ, то я, по совѣту Г-на издателя, и рѣшился заняться переводомъ оныхъ, надѣясь, что труды мои при распространившемся повсюду въ нынѣшнее время духѣ благочестія будутъ приняты благосклонно Публикою.

Я назвалъ издаваемыя нынѣ духовныя его творенія *Избранными*, ибо они дѣйствительно, по моему мнѣнію, суть лучшія изъ всѣхъ его сочиненій сего рода, хотя неоспоримо, что каждое изъ нихъ имѣетъ свое достоинство.

Г-нъ Фенелонъ различествуетъ отъ прочихъ духовныхъ Авторовъ тѣмъ, что его сочиненія не подвержены общему

ихъ недостатку — сухости и непривлекательности, которая происходитъ отъ того, что большая часть изъ нихъ отвергали употребленіе разума въ предметахъ, до Религіи относящихся. Онъ избралъ противную дорогу, и старался согласить чистый разумъ, непомраченный предразсудками, съ Христіянствомъ, удаленнымъ отъ суевѣрія, доказывая, что истины, тѣмъ и другимъ возвѣщаемыя, суть однѣ и тѣ же. Успѣлъ ли онъ въ семъ предпріятіи, оставляю судить Читателю.

Не говоря въ особенности о каждомъ изъ его твореній, я нахожу, что всѣ они имѣютъ 4 главныя свойства:

1. Прежде всего можно видѣть, что онъ не боялся входить въ отвлеченнѣйшія тонкости, коими разумъ стремится помрачить истины Религіи; поелику цѣль его была доказать сими самыми тонкостями, что Философы токмо потому одерживаютъ иногда видимое надъ защитниками Вѣры преимущество, что послѣдніе не доволь-

но въ нихъ углубляются. Въ самомъ дѣлѣ разумъ не могъ бы противорѣчить Религіи, ежели бы достигъ конца въ Метафизическихъ изслѣдованіяхъ; ибо тогда онъ получилъ бы полное и ясное удостовѣреніе, что истины порядка натуры и истины откровенія не токмо между собою не противны, но напротивъ одно и то же составляютъ.

2. Второе свойство его сочиненій есть то, что мы при чтеніи оныхъ чувствуемъ нѣкоторое внутреннее спокойствіе и видимъ себя въ собственной своей стихіи — въ странѣ истины. Это мнѣніе есть Г-на д'Аламберта, величайшаго, самаго тонкаго и развратнѣйшаго подъ благовидною наружностію вольнодумца, которой былъ изобильный источникъ яда невѣрія, но источникъ такой, коего берега украшены пріятнѣйшими цвѣтами, и которой течетъ по дну самому чистому, не смотря на то, что изъ бездны ада изливается.

Таковое внутреннее спокойствіе, при чтеніи сочиненій нашего Автора

ощущаемое, происходитъ отъ того, что онъ писалъ истину; ибо токмо при видѣ истины мы можемъ быть спокойны. Читая сочиненія, наполненныя ложными мнѣніями и развратными правилами, хотя бы мы и не могли, по недостатку нашихъ способностей, открыть заблужденія въ оныхъ, но, не смотря на сіе, внутреннее чувство, или гласъ совѣсти производитъ въ насъ недовѣрчивость къ ученію, въ нихъ содержащемуся.

3. Третіе, ученіе о любви къ Богу, безъ всякаго вниманія къ своей собственной пользѣ. За сіе-то ученіе Авторъ терпѣлъ гоненія, хотя и не такія, какъ тѣ, кои Святые первыхъ временъ, или златаго вѣка церкви Христіянской претерпѣвали, но тѣмъ не менѣе для нѣжной и благородной души его чувствительныя. Гоненія же естьли не всегда, то по крайней мѣрѣ большею частію означаютъ истину ученія, гонимыми проповѣдуемаго: ибо, ежели какое-либо ученіе гонимо; то сіе есть вѣрный знакъ, что оно страстямъ человѣческимъ

противится, а потому и бываетъ ими ненавидимо. Сей участи самъ Спаситель благоволилъ Себя подвергнуть, и самъ же Онъ предрекъ ее истиннымъ Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ.

Г-нъ Фенелонъ довелъ сію любовь къ Богу до такой степени, что, по его мнѣнію, должно любить Бога для Него Самаго и для Его безконечнаго совершенства, не ожидая отъ Него никакого за добродѣтели наши награжденія. Сіе ученіе было изложено имъ въ книгѣ: Правила Святыхъ, и осуждено Папскимъ приговоромъ.

4. Четвертое, стремленіе ко внутреннему, или духовному, которое заключается въ семъ правилѣ, что все внѣшнее тогда токмо можетъ быть полезно и означаетъ что-либо, ежели оно внутреннее въ себѣ содержитъ, подобно какъ тѣло тогда токмо есть живое, когда душа въ немъ находится. Сіе ученіе есть общее всѣхъ церквей и всѣхъ исповѣданій; но жаль, что, признавая въ умозрѣніи его истину, мало пекут-

ся о исполненіи его на самомъ дѣлѣ. И такъ оное, поелику есть токмо идея ума для большей части рода человѣческаго, безъ всякой тѣлесности, или дѣйствительнаго исполненія, то и бываетъ часто подобно тѣни, странствующей въ семъ мірѣ, а не духу, оживляющему тѣло, или дѣйствительному существу.

Вотъ 4 главныя свойства всѣхъ сочиненій Г-на Фенелона: 1. тонкость и основательность изслѣдованій, 2. согласіе ихъ съ внутреннимъ чувствомъ сердца человѣческаго, доказывающее истину оныхъ, 3. чистота любви Христіянской, 4. стремленіе ко внутреннему, или духовному, — и сіи свойства должны быть основныя начала каждаго благомыслящаго духовнаго Автора и каждаго истинно Христіянскаго сочиненія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Нѣкоторыя изъ сихъ Писемъ были писаны къ Герцогу Орлеанскому, Регенту Королевства по смерти Людовика XIVго (это не тотъ Филиппъ Орлеанскій, который былъ въ числѣ заговорщиковъ во время революціи): Люди сухаго и отвлеченнаго разума, говоритъ Г-нъ Рамзей, не довольно чувствуютъ достоинство сихъ Писемъ. Архіепископъ Камбрейскій былъ увѣренъ, что сомнѣніе большей части невѣрующихъ происходитъ не отъ разума ихъ, но отъ сердца. Онъ разливаетъ въ нихъ повсюду силу чувствованія, дабы тронуть и привлечь сердца, и умѣряетъ сухость Метафизики помазаніемъ, которое проницаетъ волю въ то же время, когда просвѣщаетъ разумъ. Въ нихъ находятся начала возвышеннѣйшей Метафизики.

Первое письмо заключаетъ въ себѣ размышленія человѣка, которой разсуждаетъ съ самимъ собою о томъ, что онъ долженъ думать о Религіи. Оно раздѣлено на Главы: 1я о мысли; 2я о его собственномъ тѣлѣ и о всѣхъ другихъ тѣлахъ во вселенной; 3я о Силѣ, Которая образовала его тѣло и даровала ему мысль; 4я о служеніи, коимъ мы долженствуемъ сей Силѣ; въ 5й раз-

суждается о Религіи Іудейскаго народа и о Мессіи; въ 6й о Религіи Христіянской.

Второе письмо — о Существѣ Божіемъ, о Христіянствѣ и истинной Церкви. Авторъ заключаетъ его доказательствами трехъ первоначальныхъ истинъ, необходимыхъ ко спасенію, дабы покорить совершенно игу Вѣры простыхъ и несвѣдущихъ людей. — 1е. Существуетъ Богъ, безконечно совершенный, Который создалъ вселенную. 2е. Токмо одно Христіянство есть служеніе, достойное Божества. 3. Одна только Католическая Церковь можетъ научить истинному поклоненію способомъ, сообразнымъ нуждамъ и понятію всѣхъ людей.

Третіе письмо — о средствахъ, кои даны людямъ для достиженія къ истинной Религіи. — 1е. Мы имѣемъ недостатокъ не въ разумѣ, но въ доброй волѣ, дабы хорошо знать сіи средства. 2е. Довольно достигнуть того, чтобъ быть увѣреннымъ въ чемъ-либо по причинамъ справедливымъ и основательнымъ, хотя бы и не всегда можно было раскрыть сіи причины, ни опровергнуть тонкихъ возраженій, кои приводятъ насъ въ замѣшательство. 3е. Потребно чистосердечное расположеніе вѣрить, что мы обманываемся, и что нужно имѣть помощь Божію, дабы не обманываться болѣе. — 4е. Богъ безъ сомнѣнія

лучше бы сдѣлалъ чудеса, дабы просвѣтить человѣка и руководствовать его къ Евангелію, нежели лишилъ бы его свѣта, котораго его чувствованія содѣлывали бы его нѣкоторымъ образомъ достойнымъ. 5 е. Нужно только привести себѣ на память понятіе о Богѣ, дабы увѣриться, что Онъ не оставитъ насъ ни въ чемъ неудовлетворенными.

Четвертое письмо — о Богослуженіи, безсмертіи души и о свободѣ воли человѣческой. Глава 1 я. Существо безконечно совершенное требуетъ поклоненія отъ всѣхъ разумныхъ тварей. 2 я. Душа человѣческая безсмертна. 3 я. О свободѣ воли.

Пятое письмо — о внутреннемъ и внѣшнемъ Богослуженіи, и о Религіи Іудейской.

Сокращеніе письма въ опровержение Спинозы. 1 е. Существо безконечно совершенное есть единое, простое, безъ сложности. 2 е. Болѣе совершенства находится въ томъ, чтобъ имѣть возможность произвести какую-либо вещь, нежели не быть въ состояніи сего сдѣлать. 3 е. Богъ есть всякая степень бытія, но не всякое существо во множествѣ. 4 е. Всѣ разности, кои именуются существенными, суть токмо степени бытія, кои суть нераздѣльны въ Верховномъ Единствѣ, и которыя Оно можетъ раздѣлять до

безконечности въ произведеніи существъ ограниченныхъ и подчиненныхъ.

Шестое письмо — о понятіи безконечнаго; и о свободѣ Божіей творить и не творить. — Оное раздѣлено на 2 вопроса: 1 й О натурѣ безконечнаго. 2 й. О свободѣ Божіей творить и не творить.

Седьмое письмо — о истинѣ Религіи и о практикѣ оныя. Въ немъ содержится 3 предмета: 1 е. Надлежитъ утвердить въ своемъ сердцѣ основныя истины Религіи. 2 е. Испытать свою совѣсть касательно прошедшаго. 3 е. Сдѣлать планъ Христіянской жизни для будущаго времени.

N. B. Разговоръ Г-на Фенелона съ Рамзеемъ о важнѣйшихъ истинахъ Религіи, описанный самимъ Г-мъ Рамзеемъ.

ПИСЬМА

О РАЗЛИЧНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ МЕТАФИЗИКИ И РЕЛИГІИ.

ПИСЬМО

о бытіи Божіемъ и о Религіи.

Ваше письмо, М. Г., требовало бы отвѣта, писаннаго лучшимъ Авторомъ. Исполняя ваше желаніе, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя размышленія, кои ежели будутъ недостаточны, то человѣкъ съ вашими способностями легко можетъ оныя дополнить.

Размышленія человѣка, которой разсуждаетъ съ самимъ собою о томъ, что онъ долженъ думать о Религіи.

Я существую въ семъ мірѣ, не зная ни того, откуда я пришелъ, ни какимъ образомъ нахожусь здѣсь, ни куда идти долженъ. Нѣкоторые люди говорятъ мнѣ о многихъ вещахъ, какъ о несомнительныхъ; но я рѣшился въ оныхъ сомнѣваться, и даже отвергать, по крайней мѣрѣ тогда, ежели не признаю ихъ достойными вѣроятія. Истинное употребленіе разума, которой я имѣю, есть то, чтобъ не вѣрить ни чему, не зная, почему я этому вѣрю, и не будучи къ сему преклоненнымъ извѣстными признаками

истины. Иные хотятъ, чтобъ я прежде всего началъ презирать все то, что именуется таинствами Религіи; но я буду остерегаться отвергать оныя, не изслѣдовавъ ихъ прежде надлежащимъ образомъ. Недовѣрчивость и упорство столько же означаютъ легкомысленность и слабость разума, какъ и суевѣріе. Я ищу средины. Я чувствую, что мой разумъ весьма слабъ, а воля легко уловляется сѣтями страстей и гордости, и слѣдовательно я не въ состояніи найти сію надлежащую средину, и обрѣтши оную, всегда твердо ея держаться. Наконецъ, собственныя мои силы недостаточны къ тому, чтобы сдѣлать меня проницательнѣе, терпѣливѣе въ моихъ изысканіяхъ, точнѣе въ разсужденіяхъ, основательнѣе въ добронравіи, тверже противъ гордости и непоколебимѣе въ истинѣ, нежели каковъ я есмь. Я буду испытывать токмо самаго себя, и самому же себѣ долженъ не довѣрять, по причинѣ множества нещастныхъ опытовъ, изъ коихъ я узналъ, сколь незрѣлы мои сужденія и сколь испорченно мое сердце. Что же долженъ я дѣлать, будучи толико слабъ и немощенъ?

О! ежели справедливо, что находится Существо, вышшее человѣка, могущественнѣйшее и лучшее его, отъ Котораго онъ зависитъ, я умоляю сіе Существо собственною Его благостію придти ко мнѣ на помощь! Оно видитъ чистосердечность моихъ желаній, ненадѣяніе на самаго себя и исканіе Его помощи. Существо безконечно совершенное! ежели правда, что Ты есть, и что Ты слышишь желаніе моего сердца, покажи Себя мнѣ; открой завѣсу, сокрывающую

Тебя; сохрани меня отъ невѣдѣнія, и не допусти блуждать далече отъ Тебя и теряться въ тщетныхъ изысканіяхъ! О Истина, Премудрость и Благость верховная! ежели справедливо, что Ты есть то, какъ о Тебѣ говорятъ, и что Ты создала меня для Себя, не допусти, чтобъ я жилъ для меня и чтобы Ты не обладала Своимъ твореніемъ; — *открой мои глаза, и покажи Себя Своему созданію.*

ГЛАВА I.

О моей мысли.

I. То, что называется *я*, есть нѣчто мыслящее, которое знаетъ и не знаетъ; вѣритъ, увѣряется, и говоритъ: я это знаю подлинно; которое сомнѣвается, обманывается, примѣчаетъ свою ошибку, и говоритъ: я обманулся. Это *я* есть нѣчто, которое хочетъ и не хочетъ; любитъ добро и ненавидитъ зло; чувствуетъ удовольствіе и горесть; надѣется, боится, наслаждается тѣмъ, что имѣетъ, и желаетъ того, чего не имѣетъ. Это *я* бываетъ часто нерѣшительно, и рѣдко согласно съ самимъ собою; оно перемѣняется, раскаевается, и потомъ сожалѣетъ о своемъ раскаяніи. Это *я* познаетъ себя, управляетъ собою, и имѣетъ надъ собою нѣкоторой родъ власти; ибо я не могу въ томъ сомнѣваться, когда рѣшаюсь избрать между *хотѣть* и *не хотѣть*, какъ имѣющій дѣйствительно въ своей волѣ выборъ между сими двумя дѣйствіями. Когда я *хочу*, то это значитъ,

что мнѣ угодно такимъ образомъ направить свою волю, и что я избираю *хотѣть*, будучи свободенъ и *не хотѣть*. Это *я* называется свободнымъ, т. е. господиномъ собственной своей воли.

II. Сіе *я* всегда ли существовало? Гдѣ былъ я и чѣмъ былъ за сто лѣтъ прежде? Можетъ быть я былъ тогда какое нибудь тѣло, или лучше сказать, множество малыхъ тѣлъ, разсѣянныхъ повсюду подъ различными видами, которыя движеніе собрало вмѣстѣ, дабы образовать сей участокъ матеріи, надъ коимъ я имѣю полную власть, которой взаимно господствуетъ надо мною, и которой я называю моимъ тѣломъ. Но сіе тѣло за сто лѣтъ не было ни совокуплено, ни образовано, подобно нынѣшнему, и не имѣло столь чудесныхъ органовъ; тогда оно не размышляло, и размышляющее *я* тогда еще не было. Какимъ образомъ начало оное размышлять? Какъ случилось, что, бывши до извѣстнаго дня и до извѣстнаго мгновенія немыслящимъ, вдругъ начало оное мыслить, судить, хотѣть? — Само ли собою оно сіе сдѣлало? Даровало ли оно себѣ мысль, которой не имѣло? И не долженствовало ли сіе *я* имѣть оную прежде, дабы дать ее себѣ, или взять ее изъ ничего? Небытіе мысли можетъ ли даровать себѣ степень бытія, которой прежде ему недоставало? — Откуда получилъ я сію мысль, сію волю, сію свободу, коихъ не имѣлъ прежде? И гдѣ я найду ихъ источникъ?

III. Должно ли думать, что одно и то же тѣло въ одно время можетъ познавать, судить, хотѣть, а въ другое не имѣетъ ни знанія, ни разсужденія, ни воли, ни свободы? Изслѣдуемъ

сей вопросъ. Я полагаю, что какое нибудь тѣло приведено въ мѣльчайшій порошокъ, и хотя бы сей порошокъ дѣлали мѣльче до безконечности, но со всѣмъ тѣмъ я не могу понять, чтобъ малыя тѣла были способнѣе мыслить, нежели большія. Дайте мнѣ самомалѣйшія тѣла, четвероугольныя, или круглыя: то мнѣ кажется, что и четвероугольныя и круглыя равно неспособны познавать себя и желать. Шарики не болѣе имѣютъ разума, какъ и треугольники. Атомы съ крючками не умнѣе атомовъ безъ крючковъ. Сто тысячь атомовъ не болѣе могутъ мыслить, будучи соединены вмѣстѣ, какъ и каждой изъ нихъ, будучи отдѣленъ отъ прочихъ. Жидкія тѣла также не мыслятъ въ своей жидкости; какъ и твердыя въ своемъ постоянствѣ. Быстрѣйшее пламя не болѣе имѣетъ разума и воли, какъ и камень. Стремительнѣйшее движеніе не можетъ дать понятія тѣлесной массѣ, также какъ и покой. Возьмите участокъ матеріи, приведите его въ мѣльчайшій порошокъ, варите его, перегоняйте изъ него летучія частицы, или лучше, дѣлайте съ нимъ всѣ операціи, какія только можете вообразить; заставьте его двигаться въ быстрѣйшемъ вихрѣ, или дайте ему другое движеніе, какое вамъ угодно: вы не увидите никогда, чтобъ сія масса, такъ образованная, утонченная, движимая съ быстротою, познавала себя и могла говорить самой себѣ: *я вѣрю, сомнѣваюсь, хочу, не хочу.* Можете ли вы сказать, что находится степень броженія и опредѣленное время, въ которомъ сія масса не имѣетъ ни разума, ни воли, но что есть еще послѣдняя степень броженія, и что

въ мгновеніе, непосредственно за симъ слѣдующее, оная вдругъ начнетъ судить, желать, и скажетъ самой себѣ: *я думаю и я хочу?* — Отъ чего происходитъ, что дѣти, будучи наставлены единственно самою натурою и коихъ разумъ еще не испорченъ никакими предразсудками, смѣются, когда имъ говорятъ, что часы, коихъ они слышатъ ходъ, имѣютъ разумъ? Потому, что здравый смыслъ не позволяетъ вѣрить, чтобы одна матерія, какого бы она ни была вида и какое бы ни дали ей движеніе, могла когда-либо мыслить, судить и желать. Отъ чего происходитъ, что многіе люди не вѣрятъ, когда имъ говорятъ, что скоты суть ничто иное, какъ чистыя машины? Отъ того, что они не могутъ понять, чтобъ совершенная машина была способна къ смысленности, предполагаемой въ скотахъ. Столько-то справедливо, что разумъ противорѣчитъ тому, чтобъ матерія образованная, утонченная и движимая всѣми возможными способами могла когда нибудь мыслить.

IV. Но допустимъ все, что угодно; простремъ вымыслъ даже до невозможнаго; положимъ, что то же самое тѣло, которое не мыслило въ первую минуту, сдѣлалось вдругъ способнымъ мыслить, судить, хотѣть и говорить: *я хочу*, во вторую: трудность будетъ тѣмъ не менѣе. Ежели мысль есть ничто иное, какъ степень бытія, которую тѣла могутъ пріобрѣсти и потерять, то по крайней мѣрѣ должно признать, что это есть высочайшая степень бытія, которую оныя могутъ пріобрѣсти, и что сіе совершенство далеко превосходитъ

то, чтобъ быть протяженнымъ и имѣть фигуру. Познавать себя и другія существа, судить, желать и быть свободнымъ, то есть, имѣть власть надъ своею собственною волею, безъ сомнѣнія есть степень бытія несравненно превосходнѣйшая, нежели быть массою, которая не знаетъ ни себя, ни другихъ, и которая не можетъ ни судить, ни желать, ни избирать.

Я возвращаюсь опять къ вопросу: Кто далъ сему участку матеріи въ извѣстную минуту сію высокую степень бытія, которой онъ не имѣлъ въ мгновеніе, непосредственно предыдущее? Сія масса не могла дать себѣ сей столь превосходной степени бытія, котораго ей недоставало, и коего она имѣла въ себѣ, такъ сказать, ничтожество; она не могла получить онаго отъ другихъ тѣлъ: ибо другія тѣла, также какъ и она, не могли дать того, чего сами не имѣли. Вообще вся тѣлесная натура, ежели предположить, что она совершенно матеріяльна и немысляща, не можетъ дать ни самой себѣ въ цѣломъ, ни каждой изъ своихъ частей той высочайшей степени бытія, которая именуется мыслію, и которая не соединена съ существами тѣлесными. Еще болѣе, никакое ограниченное, уже мыслящее существо, не можетъ даровать мысли другому существу, различному отъ себя. Тѣла могутъ сообщать движеніе другъ другу, слѣдуя законамъ, кои Всевышнее Существо имъ предписало; но никакое ограниченное и несовершенное существо не можетъ даровать другому существу степени бытія, или совершенства, коего само не имѣетъ.

Лишеніе степени бытія есть ничтожество сей степени. Дабы даровать оную тому, что ее не имѣетъ, должно, такъ сказать, трудиться надъ самимъ ничтожествомъ, и сдѣлать въ немъ нѣкоторой родъ дѣйствительнаго творенія, дабы прибавить къ существу низшей степени, которое уже находилось, новую степень бытія, которая бы возвела его выше его самаго. Какъ дать существованіе тому, что не имѣло прежде никакого бытія, значитъ творить цѣлое существо, такъ и дать недѣлимому новую степень бытія, которая никогда въ немъ не находилась, значитъ творить оное по частямъ. Но извѣстно, что существа мыслящія, которыя мы знаемъ, весьма слабы и несовершенны для того, чтобъ создать въ другихъ степень бытія, или совершенства высочайшаго, которое прежде въ нихъ не существовало. Дѣйствіе творенія принадлежитъ безконечному могуществу и совершенству. Между ничтожествомъ вещи и бытіемъ оныя находится безконечное разстояніе, а потому и могущество потребно безконечное же, дабы привести оную изъ ничтожества въ бытіе. — Далѣе, должно имѣть въ себѣ высочайшую степень совершенства, чтобъ быть источникомъ онаго для другаго, и дабы сообщить оное чистому его ничтожеству. Дабы имѣть въ себѣ таковую плодовитость, и изливать во внѣшность сіе сообщеніе бытія, надлежитъ имѣть полноту онаго въ себѣ и чрезъ себя въ своемъ собственномъ основаніи. Но существовать самобытно есть высочайшее совершенство. И такъ, я вхожу въ самаго себя, и познаю, что существа мыслящія, подобныя мнѣ,

совершенно неспособны къ таковой плодовитости и къ таковому творенію мысли внѣ ихъ самихъ, и въ предметѣ, которой не имѣлъ ниже начала оныя. Существа мыслящія, которыя обманываются, которыя подвержены незнанію; любятъ зло и ненавидятъ добро, которыя часто противорѣчатъ взаимно одно другому; а иногда и самимъ себѣ, не могутъ имѣть въ полнотѣ высочайшаго совершенства существа самобытнаго, и не могутъ быть толико смысленны, чтобы творить мысль въ другихъ.

V. И такъ должно, чтобъ *я*, которое за сто лѣтъ прежде не было мыслящимъ, сдѣлалось таковымъ по благости Вышшаго Существа, Которое, имѣя мысль въ полнотѣ, и чрезъ Себя Самаго, могло бы сообщить оную мнѣ, бывшему въ ничтожествѣ. Должно, чтобъ Оно имѣло мысль въ такой степени, чтобъ могло даровать оную тому, что ее не имѣетъ; должно, чтобъ Оно было въ состояніи привести меня отъ ничтожества мысли къ мысли дѣйствительно существующей; должно, чтобъ Оное было во мнѣ творцемъ по крайней мѣрѣ той степени бытія, которой я былъ чистымъ ничтожествомъ, бывши токмо участкомъ матеріи. — И такъ мое заключеніе совершенно независимо отъ вопроса, которой дѣлаютъ о томъ, различна ли душа отъ тѣла. Не входя въ изслѣдованіе онаго, я нахожу все то, что нужно знать, дабы достигнуть моей единственной цѣли. Ежели души различны отъ тѣлъ, я спрашиваю, кто соединилъ мое тѣло и душу; кто соединилъ сіи двѣ натуры, толико противныя другъ другу? — Они не дѣлали между собою никакого договора, по коему бы могли быть

соединенными. Тѣло къ оному неспособно; душа же не помнитъ, чтобъ она когда-либо его сдѣлала, между тѣмъ какъ могла бы помнить, естьли бы сдѣлала оной по избранію; еще болѣе, ежели бы она приступила къ таковому договору свободно, то бы могла окончить оной во всякое время по своей волѣ, вмѣсто того она не можетъ сего сдѣлать, не разрушивъ органовъ тѣла. Далѣе, другія существа, подобныя мнѣ, не токмо не могутъ произвести во мнѣ сего соединенія, или взаимнаго сообщества, но находятся въ такомъ же положеніи и, также какъ и я, ищутъ вышшей Вины. Наконецъ, откуда происходитъ различіе, замѣченное мною между участкомъ матеріи, которой я называю своимъ тѣломъ, и всѣми другими сосѣдственными тѣлами? Я бы хотѣлъ, чтобы другія тѣла двигались, и не могу ни одного изъ нихъ тронуть съ мѣста: моя воля, будучи оставлена самой себѣ, безсильна двигнуть самомалѣйшій атомъ; но что касается до моего тѣла, то оной стоитъ токмо захотѣть, и сія масса въ мгновеніе ока повинуется. Я хочу, и всѣ мои члены обращаются, какъ мнѣ угодно. Кто далъ мнѣ сію полную власть надъ оными, между тѣмъ какъ я совершенно ее не имѣю надъ всѣми другими тѣлами? — Ежели напротивъ моя душа есть ничто иное, какъ мое тѣло, содѣлавшееся мыслящимъ, то я спрашиваю, кто создалъ въономъ сію степень бытія, то есть мысль, которая прежде въ немъ не существовала? —

ГЛАВА II.

О моемъ тѣлѣ, и о всѣхъ другихъ тѣлахъ во вселенной.

I. Я называю извѣстный участокъ матеріи моимъ тѣломъ, поелику его движенія зависятъ отъ собственной моей воли, между тѣмъ какъ никакое другое тѣло ей не повинуется. Сей участокъ матеріи кажется мнѣ образованнымъ точно для тѣхъ должностей, для коихъ оной служитъ. Я вижу тѣло, пропорціонально устроенное; оное покоится на двухъ бедрахъ и на двухъ ногахъ, равныхъ и соразмѣрныхъ. Ежели я хочу быть неподвижнымъ, мои бедра и ноги прямы и неподвижны, какъ двѣ колонны, на коихъ утверждено все сіе зданіе; напротивъ, ежели я хочу идти, сіи колонны сгибаются, и между тѣмъ, какъ одна стоитъ прямо и поддерживаетъ меня, другая подается впередъ, дабы приближить меня къ предметамъ, къ коимъ я хочу подойти. Тѣло сіе наклоняясь умѣетъ соблюдать совершенное равновѣсіе, чтобы не упасть. Оно, будучи соразмѣрно двумъ своимъ подпорамъ, укрѣплено ребрами, расположенными въ полкруга, которыя напереди соединяются. Они всѣ выходятъ изъ спины, которая составлена изъ позвонковъ, то есть маленькихъ косточекъ, весьма твердыхъ, вложенныхъ одна въ другую, для того, чтобъ спина была пряма и тверда, когда я хочу стоять прямо, и вмѣстѣ гибка, дабы могла наклоняться, когда я имѣю въ семъ нужду. Ребра служатъ къ укрѣпленію и содержанію въ безопасности главныхъ органовъ, которые суть какъ бы средоточіе жизни, и коихъ

нѣжность чрезвычайна; однакожъ между ими остается промежутокъ, точно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно, дабы облегчить сжатіе и расширеніе всѣхъ сихъ внутреннихъ частей, въ отношеніи къ дыханію и къ другимъ жизненнымъ дѣйствіямъ. Сердце есть источникъ, откуда бѣжитъ стремительно кровь, разливается по безчисленнымъ жиламъ, орошаетъ и питаетъ всѣ члены; подобно какъ ручьи орошаютъ и оплодоношиваютъ поля. Сія кровь, замедляясь въ своемъ ходѣ, возвращается съ быстротою къ центру, дабы въономъ получить новыя силы. — Легкія суть мѣхи, которыя производятъ дыханіе. Желудокъ есть запасная храмина, которая принимаетъ всякую пищу; онъ имѣетъ свойственные ему соки, дабы оную распустить и превратить въ нѣкоторой родъ молока, которое потомъ дѣлается кровью. Горло, ежели оное хорошо образовано, есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Все удивительно въ человѣческомъ тѣлѣ, даже до орудій дѣйствій самыхъ низкихъ и презрительныхъ, коихъ не именуютъ. Въ цѣломъ тѣлѣ нѣтъ ни одной внутренней пружины, которая бы не превосходила все искуство механиковъ. На вершинѣ онаго находятся двѣ руки, которыя пересѣкаются двумя сгибами, и могутъ двигаться почти во всякомъ направленіи. Онѣ оканчиваются кистями, которыя протягиваются и складываются, и которыя имѣютъ пальцы, вооруженныя ногтями. — Что можно изобрѣсти удобнѣйшаго къ тому, чтобы схватить, оттолкнуть, нести, влечь, отдалять ближнія тѣла, раздѣлять смѣшанныя вещи и производить грубѣйшія, или нѣжнѣйшія дѣла?

На верху сего тѣла находится шея, которая стоитъ прямо, или наклоняется, обращается на право, или на лѣво, смотря по надобности, и которая поддерживаетъ голову, сѣдалище главныхъ чувствъ. Наружность головы покрыта волосами, кои служатъ ей украшеніемъ и защитою. Напереди находится лицо, гдѣ два глаза, равные и соразмѣрно помѣщенные, кажутся возженными небеснымъ пламенемъ. Носъ служитъ къ украшенію лица, и въ то же время есть органъ обонянія. Уши расположены по обѣимъ сторонамъ, дабы могли слышать отвсюду. Органы главныхъ чувствъ суть двояки, не токмо для того, чтобъ удобнѣе и скорѣе могли исправлять свои должности, но и для тѣхъ случаевъ, ежели которой нибудь изъ нихъ будетъ поврежденъ. Ротъ и губы составляютъ важное украшеніе лица. Когда онъ открывается; то видѣнъ двойной рядъ зубовъ, опредѣленныхъ разрѣзывать пищу и приготовлять оную къ варенію. Гибкій и влажный языкъ ударяетъ небо и зубы столь многоразличными способами, что можетъ образовать довольно тоновъ для составленія всѣхъ нарѣчій цѣлаго рода человѣческаго. — Но я не хочу разсуждать о великости искуства въ строеніи цѣлаго моего тѣла, а токмо слегка коснуться онаго. Оно безконечно: чѣмъ болѣе углубляемся мы въ разсматриваніе сего тѣла, тѣмъ болѣе видимъ искуство, которое превосходитъ безконечно искуство человѣческое. Тѣло наше есть сложнѣйшая изъ всѣхъ машинъ.

II. Ежели я перехожу отъ моего тѣла къ другимъ тѣламъ, кои меня окружаютъ, то вижу не токмо великое количество тѣлъ, подоб-

ныхъ моему, но еще примѣчаю животныхъ, сдѣланныхъ, такъ сказать, по различнымъ образцамъ. Одни ходятъ на четырехъ ногахъ, другія имѣютъ крылья, дабы летать по воздуху, иныя перья для плаванія по водѣ. — Корабли, кои люди строятъ съ толикимъ искуствомъ и столь изысканными правилами, суть ничто иное, какъ подражаніе симъ птицамъ и рыбамъ, плавающимъ въ двухъ стихіяхъ, изъ коихъ одна нѣсколько гуще другой. Одни изъ сихъ животныхъ служатъ намъ къ ношенію тяжестей, какъ то лошадь и верблюдъ; другія полезны по своей силѣ, какъ то быки, и служатъ прибавленіемъ къ нашимъ ограниченнымъ силамъ; потомъ то же самое животное употребляется нами въ пищу; иныя, какъ овцы и козы, питаютъ насъ своимъ молокомъ и одѣваютъ шерстью. Человѣкъ посредствомъ своей силы или разума управляетъ всѣми животными, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. — Червячокъ, муравей и мошка во сто разъ болѣе показываютъ искуства и тщанія, нежели совершеннѣйшія часы.

Земля, которая насъ носитъ, извлекаетъ изъ своей плодоносной внутренности все то, что служитъ къ нашему питанію; все изъ нея произрастаетъ, все въ нее возвращается, и каждой годъ является опять: она не истощается никогда. Чѣмъ болѣе люди раздираютъ ея внутренность, тѣмъ болѣе она исполняетъ ихъ своими благами въ вознагражденіе за труды ихъ. Она покрывается жатвою, украшается зеленью, и вмѣстѣ съ человѣкомъ питаетъ животныхъ, которыя ему служатъ.

Дерева, изъ оной произрастающія, составляютъ большія лѣса на ея поверхности, и украшаютъ ее, подобно какъ волосы украшаютъ человѣческую голову. Тѣнь сихъ древесъ освѣжаетъ насъ въ лѣтнее время, а тѣло ихъ согрѣваетъ зимою. Ихъ плоды, висящіе на вѣтвяхъ, падаютъ въ наши руки, какъ скоро довольно созрѣютъ. Растѣнія безконечно разнообразны; онѣ всѣ находятся въ порядкѣ, которой дѣлаетъ ихъ однообразными до извѣстной точки; но далѣе оной все различно, и не возможно найти двухъ листовъ на одномъ деревѣ, совершенно между собою сходныхъ. Цвѣты украшаютъ цѣлую природу и предвѣщаютъ плоды; а плоды, увѣнчавающіе лѣто, распространяютъ изобиліе непосредственно предъ тѣмъ временемъ, когда жестокость холода запрещаетъ работу. Ручьи падаютъ съ горъ. — Рѣки, орошающія различныя страны и облегчающія торговлю, повергаются въ море, которое, вмѣсто того, чтобы лишить народовъ, онымъ раздѣленныхъ, всякаго сообщества, есть напротивъ средоточіе торговли между отдаленнѣйшими націями. Вѣтры, которые очищаютъ воздухъ и умѣряютъ времена года, суть душа мореплаванія и коммерціи. — Естьли бы воздухъ былъ нѣсколько гуще, то мы не могли бы дышать, и были бы погружены въономъ, какъ въ морѣ. — Кто же Тотъ, Который далъ ему сію надлежащую степень тонкости?

Солнце восходитъ и заходитъ для раздѣленія дня и ночи. Между тѣмъ, какъ оно оставляетъ насъ покоиться во мракѣ, освѣщаетъ другой міръ, противоположный нашему. Земля есть шаръ, повѣшенный на воздухѣ, и сія звѣ-

зда обращается вокругъ онаго, поелику долженствуетъ ему своими лучами. — Она не токмо дѣлаетъ правильный кругъ, которой образуетъ день и ночь, но еще приближается и удаляется попеременно отъ каждаго полюса; и сiе производитъ въ каждой половинѣ мiра зиму и лѣто. — Естьли бы солнце было нѣсколько къ намъ ближе, то мы были бы сожжены, а естьли бы далѣе, то наша жизнь долженствовала бы прекратиться отъ холода. Кто управляетъ съ толикою точностiю симъ свѣтиломъ вселенныя, симъ быстрымъ и тонкимъ пламенемъ?

Луна, ближайшая къ намъ планета, заимствуетъ отъ солнца свѣтъ тихiй, которой умѣряетъ мракъ ночи и освѣщаетъ насъ въ отсутствiе дня. — Сколько удобностей прiуготовлено для человѣка!

Но что я вижу! Неисчислимое множество звѣздъ, блистающихъ на тверди небесной, подобно солнцамъ! Въ какомъ онѣ отъ насъ отдаленiи! сколь безмѣрна величина ихъ, коей не токмо воображенiе постигнуть не можетъ, но даже самый разумъ удивляется! сколь малы кажемся мы въ собственныхъ глазахъ нашихъ, когда взираемъ на сiи безчисленныя свѣтила! Презрѣнные атомы, помѣщенные въ маломъ и неизвѣстномъ уголкѣ вселенной. — Всемогущая Десница разсѣяла повсюду сiи блистающiе шары, дабы изумить насъ ихъ великолѣпiемъ, которое ей самой ничего не стоитъ.

III. Ежели я вхожу въ какой нибудь домъ, то вижу въономъ фундаментъ, сдѣланный изъ твердыхъ камней, дабы зданiе было долговѣчнѣе; вижу возвышенныя стѣны съ кровлею, которая

препятствуетъ дождю проникать во внутренность; примѣчаю по срединѣ пустое мѣсто, которое именуется дворомъ, и которое есть средоточіе всѣхъ частей сего цѣлаго; встрѣчаю лѣстницу, коей ступеньки очевидно сдѣланы для того, чтобы по нимъ возходить; аппартаменты, раздѣленные одинъ отъ другаго особенными выходами, для спокойствія людей, которые живутъ въ семъ домѣ; двери въ комнатахъ для входа; замки и ключи, для того чтобъ запирать и отпирать; окна, чрезъ которыя проходитъ свѣтъ, но не можетъ дуть вѣтеръ; каминъ, въ коемъ можно развести огонь, не будучи обезпокоенъ дымомъ; кровать для отдыха; стулья, для того чтобы на нихъ сидѣть; столъ для обѣда и чернильницу для письма.

Видя всѣ сіи удобности, расположенныя съ толикимъ искуствомъ, я не могу сомнѣваться, чтобъ все сіе не было устроено человѣческими руками. Я не буду говорить, что это суть атомы, собранные вмѣстѣ случаемъ, и не могу вѣрить, чтобы камни, въ семъ зданіи находящіеся, построились сами собою съ толикимъ порядкомъ, подобно тѣмъ, о коихъ говоритъ баснословіе, что они по звуку Амфіоновой лиры построились въ стѣны Ѳивейскія.

Ни одинъ благоразумный человѣкъ не скажетъ, что сей домъ со всѣми своими украшеніями и принадлежностями построился самъ собою. Порядокъ, соразмѣрность, симметрія, чертежъ цѣлаго зданія не позволяютъ приписывать онаго столь слѣпой причинѣ, каковъ есть случай.

Тщетно сказали бы мнѣ, что сей домъ сдѣлался самъ собою совершенно по случаю, и что

люди, которые находятъ въ немъ порядокъ и случайно онымъ пользуются, токмо воображаютъ, что онъ сдѣланъ собственно для ихъ употребленія. Таковыя мысли никогда не могутъ придти въ голову благоразумнымъ людямъ. Такимъ же образомъ, естьли бы нашли на пустомъ островѣ книгу, подобную Иліадѣ Гомеровой, или часы, то никто бы не могъ повѣрить, что сія удивительная поэма, или сіи превосходныя часы были дѣло случая; тотчасъ бы заключили, что возвышеннаго духа стихотворецъ сочинилъ сіи прекрасные стихи, и что часы сіи сдѣланы искуснымъ художникомъ.

Сего довольно для нашего намѣренія. Твореніе цѣлаго міра во сто кратъ болѣе показываетъ искуства, порядка, мудрости и соразмѣрности, нежели всѣ тщательнѣйшія дѣла человѣческія. Не признавать, что всемогущая Десница образовала вселенную, значитъ быть ослѣпленнымъ по упрямству и ожесточенію.

ГЛАВА III.

О Силѣ, Которая образовала мое тѣло и даровала мнѣ мысль.

И такъ я признаю, что необходимо должно, чтобъ безконечно премудрая и всемогущая Сила устроила вселенную и образовала сіе частное тѣло, которое я называю своимъ. Я признаю, что должно, чтобъ сіе верховное могущество присоединило во мнѣ къ сему тѣлу существо мыслящее, различное отъ самаго тѣла, или лучше,

чтобъ оно даровало ему мысль, коей оное прежде не имѣло; и чтобъ изъ немыслящаго, какимъ оное было естественно само по себѣ, сіе существо содѣлало его мыслящимъ, такимъ, каково оно есть нынѣ. Ежели сія Сила соединила вмѣстѣ двѣ натуры, кои именуются *душа* и *тѣло*, толико между собою несходныя, то должно, чтобы Оная была вышшаго рода, нежели обѣ сіи натуры; должно, чтобъ Она имѣла совершенную и равную власть надъ обѣими; должно, чтобъ Она заключала въ себѣ совершенство каждой изъ нихъ; должно, чтобъ Она могла принудить ихъ къ симъ взаимнымъ соотношеніямъ дѣйствій тѣлесныхъ съ мыслями души, и душевныхъ мыслей съ тѣлесными дѣйствіями; должно, чтобы сіе Верховное Существо имѣло столько власти надъ тѣлами, чтобы могло даровать оную душѣ надъ ея тѣломъ въ такомъ видѣ, какъ обыкновенно приписываютъ Божеству. Моя воля, которая сама собою не можетъ двигнуть ни одного посторонняго тѣла, должна только захотѣть, и тѣло, которое я называю своимъ, тотчасъ движется. Можно подумать, что оно разумѣетъ повелѣнія моей воли: оно ей повинуется также, какъ говорятъ, что всѣ существа повинуются гласу Божію. Сколь великое могущество дано моему духу надъ моимъ тѣломъ! — Сколь долженъ быть всемогущъ и совершенъ Тотъ, Который даровалъ полную власть существу, столь ограниченному и безсильному, надъ существомъ, толико отъ него различнымъ! Должно, чтобъ въ Немъ находилась всеобщность бытія и, такъ сказать, совершенство всякаго рода; должно, чтобы Онъ въ полнотѣ соединялъ въ Себѣ всякое

дѣйствительное духовное и тѣлесное совершенство, и чтобъ имѣлъ верховную власть надъ сими двумя различными натурами въ такой степени, чтобъ могъ сообщить сію власть одной изъ сихъ натуръ надъ другою, дабы образовать то соединеніе, которое составляетъ человѣка.

Ежели напротивъ сія Сила не вложила въ меня двоякой натуры, и ежели Она сдѣлала токмо то, что мое тѣло, которое не мыслило, начало въ извѣстную минуту мыслить, то должно, чтобъ Оная создала во мнѣ сію новую степень бытія; должно, чтобы Она по своей безконечной плодовитости заставила существо, которое именуется *я*, перейти отъ небытія мысли къ мысли дѣйствительной, которая нынѣ принадлежитъ мнѣ. И такъ, какой это гласъ, которой вызываетъ изъ ничтожества степень бытія высочайшаго, коего во мнѣ не существовало, и которой онъ приводитъ въ дѣйствительное бытіе? Сіе твореніе мысли въ массѣ неодушевленной, слѣпой и нечувствительной есть безъ сомнѣнія дѣйствіе всемогущества. Вотъ Создатель: ежели Онъ не былъ во мнѣ таковымъ касательно первой степени бытія, состоящей въ томъ, чтобъ быть вещественною массою, то по крайней мѣрѣ есть Творецъ второй, высочайшей, то есть быть существомъ мыслящимъ. Но какъ могъ Онъ быть Творцемъ высочайшей степени бытія, ежели не былъ таковымъ нижайшей? Какимъ образомъ грубая и неодушевленная масса могла получить отъ Него столь высокое совершенство, ежели она отъ Него не зависѣла? Сверхъ того: вѣроятно ли, чтобы степень бытія совершеннѣйшаго, то есть

мыслить, судить и хотѣть свободно, была зависима отъ Него, и чтобъ Онъ могъ ее создать и даровать самымъ низкимъ существамъ, оныя лишеннымъ; нижайшая же степень бытія, то есть быть грубою и неодушевленною массою, существовала бы самобытно, и была независима отъ вышшей Силы? Ежели это такъ, то должно допустить, что нижайшая степень бытія имѣетъ высочайшее совершенство, то есть существовать чрезъ себя самаго, быть независимымъ, однимъ словомъ, быть несозданнымъ; и что высочайшая степень бытія имѣетъ величайшее несовершенство, то есть быть зависимымъ, не существовать самобытно, а имѣть бытіе заимственное, однимъ словомъ, быть созданнымъ.

И такъ очевидно, что сія Сила, Которая соединяетъ въ Себѣ всѣ степени бытія, и Которая создала ихъ во мнѣ единственно по Своей волѣ, долженствуетъ быть безконечно совершенна. Должно, чтобы Оная существовала Сама чрезъ Себя, поелику даетъ бытіе существамъ, отъ Нея различнымъ; должно, чтобы Она заключала въ Себѣ полноту бытія, поелику обладаетъ имъ въ такой степени, что можетъ сообщать его ничтожеству; должно, чтобы Она заключала въ Себѣ всеобщность онаго, поелику имѣетъ равную власть надъ всѣми натурами и надъ всѣми различными степенями совершенства; наконецъ должно, чтобъ Она была равномѣрно премудра и могущественна, поелику образовала вселенную, устрояетъ и управляетъ оною съ искуствомъ и порядкомъ, которыя блистаютъ отъ послѣдняго насѣкомаго даже до звѣздъ, и до человѣка, ко-

торой, поелику имѣетъ мысль, есть превосходнѣе, нежели всѣ другія творенія.

ГЛАВА IV.

О служеніи, коимъ мы долженствуемъ сей Силѣ.

I. И такъ сіе первое Существо, Которое я признаю за плодовитой источникъ всѣхъ другихъ, извлекло меня изъ ничтожества; я былъ ничто, и токмо чрезъ Него началъ быть всѣмъ тѣмъ, что я есмь; въ Немъ я имѣю бытіе, движеніе и жизнь. Оное извело меня изъ небытія, и содержитъ въ Своей десницѣ какъ бы висящимъ надъ бездною ничтожества, въ которую бы я тотчасъ погрузился, ежели бы оное оставило меня самому себѣ. Оно продолжаетъ бытіе мое, которое не есть моя собственность, и къ коему Оно безпрерывно меня возвышаетъ, не смотря на мою бренность, по Своей благости, долженствующей возобновляться въ каждую минуту моего существованія. И такъ я есмь существо заимственное, полусущество, или такое, которое безпрерывно находится между бытіемъ и небытіемъ, тѣнь неизмѣняемаго Существа. — Сіе Существо есть все, а я ничто, или по крайней мѣрѣ слабое истеченіе изъ Его безпредѣльной полноты. Я принялъ отъ Его рукъ многіе дары: ничтожество получило первый изъ оныхъ, ибо во мнѣ не находилось ничего, что бы предшествовало симъ дарамъ и могло получать оные. Первый изъ сихъ даровъ, на коемъ

основываются всѣ другіе, есть то, что я называю *я самъ*. Оное даровало мнѣ это *я*; Ему долженствую я не токмо всѣмъ, что имѣю, но и всѣмъ тѣмъ, что я есмь. О непостижимый даръ, которой легко выражается на нашемъ слабомъ языкѣ, но коего глубины никогда разумъ человѣческій изслѣдовать не можетъ! Богъ, меня создавшій, даровалъ мнѣ самаго меня; *я*, толико мнѣ любезное, есть ничто иное, какъ даръ Его благости: и такъ сей Богъ есть во мнѣ, и я въ Немъ, ежели позволительно такъ сказать, поелику отъ Него получено мною это *я*. Безъ Него я не былъ бы тѣмъ, что есмь теперь; безъ Него не имѣлъ бы ни *я*, которое бы могъ любить, ни любви, коею люблю это *я*, ни воли любить его, ни мысли, посредствомъ которой познаю самаго себя. Все есть даръ, и тотъ, кто получаетъ сіи дары, есть самъ первѣйшій изъ оныхъ.

О Боже! Ты еси истинный мой Отецъ; Ты даровалъ мнѣ тѣло, душу, протяженіе и мысль; — Ты создалъ меня всемогущимъ Своимъ Словомъ, и я, бывшій ничто, началъ существовать; Ты возлюбилъ меня еще прежде, нежели я былъ созданъ, и не потому, чтобы заслужилъ любовь Твою; но еще до того времени, когда началось мое существованіе, и когда Твоя предваряющая любовь содѣлала изъ меня нѣчто, оныя достойное, Ты возлюбилъ отъ вѣчности мое ничтожество, дабы даровать оному бытіе и содѣлать его Тебя достойнымъ!

II. О Боже! я долженствую Тебѣ всѣмъ, — ибо получилъ отъ Тебя все, и даже сіе *я*, которое приняло толико даровъ отъ Твоея благодѣтельныя десницы. Я долженствую Тебѣ всѣмъ,

о Благость безконечная! Но чѣмъ я могу возблагодарить Тебя? Ты не имѣешь нужды въ моихъ благахъ; онѣ происходятъ отъ Тебя, и Ты безпрерывно исполняешь меня оными. — Находясь уже въ моихъ рукахъ, онѣ болѣе принадлежатъ Тебѣ, нежели мнѣ; ибо я самъ въ Тебѣ токмо существую. Я получаю ихъ въ заемъ, а Ты обладаешь оными, яко собственностію. Они неотдѣльны отъ Тебя — толико-то справедливо, что всякое благо въ Тебѣ токмо существуетъ. И такъ, что воздамъ я Тебѣ? Токмо самаго себя воленъ я принести Тебѣ въ жертву; но и самъ я не менѣе принадлежу Тебѣ, какъ и всѣ дары Твои. — Еще разъ: что воздамъ я Тебѣ, я, получившій отъ Тебя все? О вѣчная Любовь! Ты токмо одного отъ меня требуешь — свободной моей воли. Ты создала меня свободнымъ, дабы я могъ избрать самъ собою сіе неизмѣняемое повиновеніе, съ коимъ долженствую безпрерывно вручать себя Тебѣ; Ты желаешь токмо, чтобъ я наблюдалъ сей порядокъ, которой составляетъ щастіе всѣхъ тварей; но прежде, нежели побуждаешь меня слѣдовать оному, показуешь мнѣ во внѣшней натурѣ всѣ красоты его, дабы содѣлать мнѣ его любезнымъ; и, не довольствуясь симъ, Ты проникаешь своею благостію во внутренность моего сердца, дабы возбудить въ немъ любовь къ тому, что достойно быть любимымъ. — И такъ Ты составляешь вмѣстѣ предметъ и начало моея любви; Ты еси вмѣстѣ любящее и любимое. Ты любишь во мнѣ Сама Себя: и могла ли бы Ты быть достойно любима Твоимъ низкимъ и испорченнымъ твореніемъ, естьли бы не любила въономъ Самое Себя?

Өиміамъ, возжигаемый человѣками предъ Тобою, есть ничто иное, какъ тщетный дымъ; Ты не имѣешь нужды ни въ плоти, ни въ крови жертвъ ихъ; ихъ обряды суть безполезныя зрѣлища; богатѣйшія ихъ приношенія бѣдны для Тебя, и не суть ихъ собственность; самые ихъ гимны суть обманы и лесть, ежели они не покланяются Тебѣ въ духѣ и истинѣ. Не возможно служить Тебѣ, какъ токмо любленіемъ Тебя. Внѣшніе знаки тогда токмо полезны, ежели оные происходятъ отъ сердца; но существенное поклоненіе Тебѣ есть любовь: ибо Царство Твое внутри насъ заключено, и не должно искать его зово внѣшности. О Любовь! въ любленіи Тебя заключается все, и цѣлый человѣкъ; все прочее не составляетъ его, и есть ничто иное, какъ тѣнь и призракъ. Кто не питаетъ любви къ Тебѣ, тотъ безчувственъ, и не начиналъ еще жить истинною жизнію.

III. Но сіе поклоненіе Любви должно ли быть заключено въ моемъ сердцѣ такъ, чтобъ я не оказывалъ онаго никакими внѣшними знаками? Нѣтъ, ежели справедливо, что я люблю, то мнѣ не возможно будетъ скрывать любовь свою. Любовь желаетъ токмо любить и возбуждать другихъ къ тому же; могу ли я, видя другихъ людей, коихъ Богъ создалъ подобно мнѣ для Себя, оставить ихъ о семъ въ невѣдѣніи?

Сей Богъ столь великъ, что всѣмъ долженствуетъ единственно Самому Себѣ. Дерзкая безразсудность человѣка, сего ничтожнаго творенія, относитъ все къ тому, что онъ именуетъ *я*: и сей идолъ его сердца есть предметъ строгости и ревности Божіей. Нѣтъ ничего неспра-

ведливѣе, какъ приписывать все себѣ, токмо по той причинѣ, что это есть *я.* Сія причина есть ничто иное, какъ дѣйствіе изступленнаго самолюбія; высочайшее же правосудіе Божіе состоитъ въ томъ, чтобы любить каждую вещь не иначе, какъ по степени ея доброты, которая дѣлаетъ оную любезною. Въ Немъ находится безконечная благость и совершенство, и слѣдовательно Онъ по самому строжайшему правосудію долженствуетъ всѣмъ Собою токмо Самому Себѣ. Въ насъ же видитъ Онъ благо ограниченное, смѣшенное, и чрезъ таковое смѣшеніе поврежденное. Добро, въ насъ Имъ находимое, есть то, которое Онъ Самъ вложилъ въ насъ, и не можетъ быть угодно Ему иначе, какъ токмо въ Его щедрости, совершенно благодатной; въ самихъ же насъ находитъ ничтожество и зло, соединенное съ Его дарами: и такъ по справедливости ничѣмъ намъ не обязанъ. Онъ можетъ любить въ насъ токмо Свою благость, превышающую наше ничтожество и злобу нашу; но не можетъ ничего уступить изъ Своихъ правъ, иначе нарушилъ бы Свой порядокъ, и престалъ быть тѣмъ, что Онъ есть, естьли бы не воздавалъ Себѣ сего точнаго правосудія. Слѣдовательно Онъ не могъ создать людей съ разумомъ и волею для другой какой-либо цѣли, а не для той, чтобъ вся ихъ жизнь протекала въ удивленіи верховной Его истинѣ и въ любви къ безконечной Его благости. Таковъ есть истинный конецъ нашего бытія.

IV. Онъ соединилъ людей въ общество, въ коемъ они должны любить другъ друга и взаимно себѣ помогать, какъ члены одного семейства,

имѣющіе одного общаго Отца. Каждая нація есть вѣтвь сей многочисленной фамиліи, разсѣянной по всему лицу земному. Любовь сего общаго Отца должна быть видима, извѣстна, и нерушимо царствовать во всемъ таковомъ обществѣ дѣтей, толико любимыхъ. Каждый изъ нихъ долженъ сказать рожденнымъ отъ него: *познавайте Творца, Который есть вашъ Отецъ.* Сіи чада Божіи должны возвѣщать Его благодѣянія, восхвалять Его, проповѣдывать о бытіи Его тѣмъ, кои Его не знаютъ, и напоминать тѣмъ, которые Его забыли. Они существуютъ на землѣ единственно для того, чтобы познавать Его совершенство и исполнять Его волю, и чтобъ сообщать другъ другу сіе знаніе и сію любовь небесную. Что бы было, естьли бы сіе семейство, во всемъ прочемъ единодушное, не имѣло сего единодушія въ поклоненіи столь благому Отцу? И такъ надлежитъ, чтобъ между ими находилось всеобщее служеніе Божеству, которое именуется *Религіею*, то есть, что всѣ сіи люди должны взаимно научать, исправлять и любить другъ друга, дабы совокупно любить общаго Отца и служить Ему. Основаніе сей Религіи не состоитъ ни въ какихъ внѣшнихъ обрядахъ, ибо вся оная заключается въ познаніи истины и въ любви къ Верховному Благу; но сіи внутреннія чувствованія не могутъ происходить отъ чистаго сердца, ежели оныя не засвидѣтельствованы въ обществѣ людей никакими внѣшними видимыми знаками. — Не довольно познавать Бога; должно показать, что мы Его знаемъ, и поступать такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ нашихъ братьевъ не впалъ въ несчастіе

не знать, или забыть Его. — Сіи видимые знаки Богослуженія именуются обрядами Религіи. Оные суть ничто иное, какъ знаки, посредствомъ коихъ люди должны наставлять другъ друга взаимно, и возбуждать одни въ другихъ памятованіе о внутреннемъ поклоненіи. Сверхъ того, люди, будучи слабы и легкомысленны, часто имѣютъ нужду въ сихъ чувственныхъ знакахъ, дабы привести самимъ себѣ на память присутствіе Того невидимаго Бога, Коего они любить должествуютъ. Сіи знаки учреждены съ извѣстнымъ великолѣпіемъ, дабы лучше представлять величество небеснаго Отца. Большая часть людей, будучи управляемы своимъ непостояннымъ воображеніемъ и влекомы страстями, имѣютъ необходимую нужду въ томъ, чтобы важность сихъ обрядовъ, учрежденныхъ для всеобщаго поклоненія Божеству, поражала ихъ воображеніе, и чтобы всѣ страсти ихъ могли быть усмирены и укрощены посредствомъ оныя. Вотъ то, что именуется Религіею, священными церемоніями, публичнымъ поклоненіемъ Божеству, насъ создавшему. Родъ человѣческій не могъ бы познавать и любить своего Создателя, не показуя, что онъ Его любитъ, не изъясняя сей любви съ великолѣпіемъ, соразмѣрнымъ величеству Того, Коего любитъ, наконецъ не будучи побуждаемъ къ любви знаками любви самой — и въ семъ-то состоитъ Религія, нераздѣльная съ вѣрою въ Творца.

ГЛАВА V.

О Религіи Іудейскаго народа и о Мессіи.

Поелику Всевышнее Существо, меня создавшее, сотворило всѣ вещи для Себя, и поелику Оное отъ разумныхъ тварей требуетъ поклоненія любви, которое долженствуетъ быть явно въ ихъ обществѣ, то я обязанъ искать въ мірѣ сего всеобщаго Богослуженія, дабы присовокупиться къ оному, и исполнять уставы его вмѣстѣ съ тѣми, которые ихъ совокупно наблюдаютъ. — Но гдѣ я найду сіе толико необходимое для каждаго богослуженіе? Богъ, Который относитъ все къ самому Себѣ, безъ сомнѣнія никогда не останется безъ таковаго поклоненія, которое есть единственный конецъ всѣхъ Его твореній. Поелику же цѣль зиждительства Его есть слава, которую Онъ можетъ получать отъ таковаго поклоненія; то изъ сего слѣдуетъ, что не было никакого времени, въ которое бы Онъ Самъ не образовалъ достойныхъ Себя почитателей. Взглянемъ на всѣ вѣки и на всѣ народы, дабы открыть сіе чистое поклоненіе Создателю.

Я вижу большое число народовъ, которые обожали камни, деревья, металлы, и которые думали, что извѣстныя божества были представляемы въ видѣ человѣковъ, или скотовъ, сдѣланныхъ изъ сихъ различныхъ матерій; но Божество не можетъ быть изображено бездушными статуями. Сверхъ того, существа, почитавшіяся богами, какъ-то Юпитеръ, Юнона, Марсъ, Венера, Меркурій, Бахусъ и другіе, не токмо не были истинные боги, но вмѣсто того пре-

зрѣнныя и порочнѣйшія творенія. *Люди*, покланяющіеся истинному Богу, Творцу вселенныя, и провождающіе жизнь, сообразную съ таковымъ поклоненіемъ, безъ сомнѣнія должны быть гораздо почтеннѣе, нежели сіи ложные боги, гнуснѣйшими пороками обладаемые. Сами язычники признавались, что боги Гомеровы гораздо-хуже его героевъ. Какое униженіе Божества! Сколь нечестиво почитаніе толикаго множества ложныхъ и недостойныхъ боговъ, которое, кажется, изобрѣтено какимъ-либо духомъ-искусителемъ, дабы обратить въ посмѣяніе Божество, и привести въ забвеніе истиннаго Бога!

Сколько бы ни выдумывали тонкостей, дабы обратить язычество въ поклоненіе одному истинному Божеству, безконечно совершенному, Коего обожали подъ разными именами и различными таинственными изображеніями, не вѣря однакожъ, чтобъ находились многіе боги, но всегда должно будетъ признать, что сіе видимое множество боговъ непристойно и соблазнительно, а сей принужденный языкъ былъ источникомъ нечестивѣйшихъ заблужденій. Должно бы истребить сіи различныя имена и таинственныя представленія, дабы привести все Богослуженіе къ познанію истиннаго Бога, столь совершеннаго, что ничего не можетъ быть Ему равнаго, ничего такого, что бы не было безконечно Его ниже, ничего Имъ несозданнаго, и чего бы Онъ не продолжалъ бытіе. Далѣе, въ Религіи язычниковъ видимы токмо корыстолюбивыя желанія благъ земныхъ; слѣдуя оной, молились единственно о здравіи и богатствѣ, объ удовольствіяхъ временныхъ и мірскомъ возвышеніи,

ласкающемъ честолюбію; таковая Религія унижаетъ Божество и одобряетъ пороки человѣческіе. — Но для меня нужно поклоненіе, достойное первобытнаго Существа, и которое бы служило къ очищенію моихъ нравовъ. Еще разъ, гдѣ найду я сіе Богослуженіе, которое необходимо должно существовать на землѣ, поелику для онаго и земля и родъ человѣческій созданъ?

Я примѣчаю въ уголкѣ земли народъ совершенно особенный. Всѣ другіе прибѣгаютъ къ идоламъ; всѣ другіе слѣпо обожаютъ чудовищное сонмище боговъ презрѣнныхъ и порочныхъ: сей же народъ, именуемый Іудеями, покланяется единому Богу, Творцу неба и земли; его существенный законъ, къ коему относится все его Богослуженіе, обязываетъ его любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію и всѣми силами. Сей обрѣзанный народъ имѣетъ въ своемъ законѣ обрѣзаніе сердца, коего тѣлесное служитъ изображеніемъ — и сіе обрѣзаніе сердца есть умерщвленіе всякаго желанія, которое не проистекаетъ отъ любви къ Божеству.

Ежели бы я нашелъ какой нибудь другой народъ на землѣ, которой бы полагалъ служеніе Богу въ любви къ Нему, а добродѣтель въ томъ, чтобъ предпочитать Его самому себѣ; то бы я сравнилъ таковое богослуженіе съ Іудейскимъ, дабы узнать, которое изъ нихъ болѣе имѣетъ чистоты, и достойнѣе того, чтобъ ему слѣдовать. Но съ одной стороны я вижу, что Богъ, долженствуя всѣмъ единственно Самому Себѣ, не могъ иначе создать людей, какъ токмо для того, чтобы они воздавали Ему всеобщее поклоненіе повиновенія и любви; съ другой не нахожу ни гдѣ таковаго по-

клоненія, какъ токмо у Іудеевъ. Язычники боялись своихъ ложныхъ боговъ; дабы укротить гнѣвъ ихъ, они приносили имъ въ жертву плоть и кровь животныхъ, куренія, посвящали храмы и дѣлали другія чувственныя приношенія, но никогда не посвящали имъ сердецъ своихъ, никогда не имѣли въ мысляхъ, чтобъ ихъ любить, а тѣмъ болѣе предпочитать самимъ себѣ, и любить себя не иначе, какъ токмо изъ любви къ нимъ, слѣдовательно не имѣли понятія ни о какомъ Богѣ Творцѣ. Самъ Юпитеръ, хотя имѣлъ вышшее могущество, но никогда не мыслили объ немъ, чтобы онъ извлекъ какое-либо существо изъ ничтожества; слѣдуя ихъ Теологіи, онъ нашелъ токмо матерію, гораздо его древнѣйшую и вѣчную, которую устроилъ, приведши хаосъ въ порядокъ.

Что касается вообще до Философовъ, то они созерцали разумъ, правосудіе, добродѣтель и истину въ самой себѣ; они вѣрили, что боги даруютъ здравіе, богатство, славу; но заблуждали въ томъ, что полагали въ самихъ себѣ мудрость и добродѣтель, отличавшую ихъ отъ толпы простаго народа. Они никогда не разсуждали ни о благодѣяніи, оказанномъ намъ въ твореніи, ни о могуществѣ Создателя, ни о превосходной любви, превышающей любовь къ самимъ себѣ, коею мы Ему обязаны. И такъ, разсматривая всѣ народы, существовавшіе въ древности на землѣ, я нахожу, что токмо одни Іудеи покланялись истинному Богу и знали служеніе любви.

Но сія любовь была у нихъ болѣе прообразовательна, нежели въ самомъ дѣлѣ выполняема,

болѣе обѣщана въ будущемъ, нежели дѣйствительно разлита въ сердцахъ ихъ. Я вижу въ семъ народѣ извѣстное число праведниковъ, которые въ вышшей степени соблюдали таковое поклоненіе любви; но самая большая часть занималась токмо обрядами, приношеніемъ въ жертву животныхъ, и внѣшнимъ Богослуженіемъ, дабы получить отъ Бога миръ, здравіе, свободу, росу небесную и тукъ земли. Всѣ ожидали обѣтованнаго Мессіи, Который былъ прообразованъ во всѣхъ ихъ таинствахъ; но одни — и сихъ было самое малое число — ожидали Его, какъ Того, Который пріидетъ очистить нравы, возобновить основаніе человѣка, излѣчить раны грѣховныя, распространить повсюду познаніе Божества и любовь къ Оному, и возобновить лице земли; другіе — самое большое число — ожидали Мессію, какъ щастливаго и непобѣдимаго завоевателя, который ласкалъ ихъ честолюбію, котораго царство разпространится между всѣми народами, и которой исполнитъ Іудеевъ всѣми земными благами.

Тѣ и другіе согласны, что ихъ Религія есть токмо прообразованіе того, чѣмъ она должна быть въ царствованіе сего Мессіи; всѣ признаютъ, что слѣдуя писаніямъ, которыя у нихъ именуются Божественными, Онъ долженъ привести всѣхъ язычниковъ къ поклоненію истинному Богу. Не смотря на всѣ тонкости ихъ Раввиновъ, касательно истолкованія текста сихъ книгъ, очевидно какъ по сему самому тексту, такъ и по смыслу, которой всѣ ему приписываютъ, что Мессія долженъ повсюду истребить

идолопоклонство, и учредить истинное Богослуженіе любви.

Я не буду входить въ разсмотрѣніе всѣхъ Мистическихъ тонкостей сихъ Раввиновъ; для меня довольно сказать о двухъ примѣчательнѣйшихъ пунктахъ: первое, что всѣ времена, назначенныя для пришествія Мессіи, уже прошли; что они уже не считаютъ ихъ болѣе, и не знаютъ, чего держаться, какъ люди, потерявшіе дорогу; что во время столь долгаго разсѣянія всѣ ихъ колѣна смѣшались; что они даже не имѣютъ болѣе признаковъ, по коимъ бы могли узнать своего Мессію, естьли бы Онъ пришелъ нынѣ; что они носятъ уже болѣе XVIII столѣтій всѣ знаки проклятія, предреченнаго въ ихъ книгахъ, и которое долженствуетъ пребывать на нихъ до конца временъ, за то, что не познали Посланника Божія.

Во вторыхъ, я примѣчаю, что І. Х. имѣетъ существенные знаки истиннаго Мессіи: Онъ привлекъ къ Себѣ всѣ языческіе народы, какъ то и было предречено. Изъ толикаго множества варварскихъ и идолопоклонническихъ народовъ составился одинъ народъ, которой разрушилъ идоловъ, и покланяется истинному Богу Творцу, которой приноситъ Ему истинное служеніе любви, и которой единомысленъ въ таковомъ поклоненіи отъ одного конца міра до другаго. Цѣлая Европа наполнена Христіянами; въ Азіи не находится почти ни одного Королевства, въ коемъ бы они не были разсѣяны. Они проникли гораздо далѣе всѣхъ странъ, составлявшихъ извѣстный міръ во времена древнихъ Іудеевъ, Грековъ и Римлянъ; они находятся во всѣхъ обитаемыхъ странахъ Африки — и

всѣ обширныя владѣнія въ Америкѣ состоятъ подъ ихъ правленіемъ. Такимъ образомъ отъ востока солнца до запада приносится въ жертву Богу непорочный Іисусъ, опредѣленный изгладить грѣхи съ лица земли. — Всѣ присоединяются къ Нему, дабы вмѣстѣ съ Нимъ составить одну жертву любви и всѣ грѣшники ищутъ получить чрезъ Него милосердіе, въ коемъ они имѣютъ нужду.

Оставимъ въ сторону всѣ споры касательно подробностей; для насъ довольно важнѣйшаго, дабы рѣшить все. Неоспоримо, что на землѣ существуютъ токмо два народа, то есть Іудеи и Христіяне, у которыхъ я нахожу сіе служеніе любви, коего ищу повсюду; должно, чтобъ я утвердился въ послѣдованіи оному у котораго нибудь изъ сихъ двухъ народовъ. Но между ими обоими я не могу сдѣлать никакого надлежащаго сравненія. Хотя тотъ и другой имѣютъ недостатки, нераздѣльные съ человѣческою природою, но у Христіянъ находятся черты совершенства, безконечно превосходящаго все то, что ни есть лучшаго въ Іудейскомъ народѣ. Сами Іудеи объявляютъ мнѣ посредствомъ своего закона, своими обрядами, обѣтованіями и всѣми обстоятельствами своего положенія, что они имѣютъ истинную Религію токмо прообразовательно, и что они сами подобны гипсовымъ формамъ, которыя дѣлаютъ для приготовленія мраморныхъ, или бронзовыхъ статуй. Я вижу въ народѣ Христіянскомъ, составленномъ изъ всѣхъ народовъ извѣстнаго міра, народъ, наслѣдующій обѣтованія, народъ, привитой къ древнему стеблю корня Авраамова; это народъ усыновленный, состав-

ляющій непрерывное поколѣніе отъ Патріарховъ до насъ и истинное ихъ потомство. Въ немъ нахожу я искомое мною, то есть сіе поклоненіе любви, которое долженствуетъ быть столь же древнее, какъ и міръ, и для коего самый міръ созданъ. Я вижу его точно ознаменованнымъ во всѣхъ вѣкахъ; оно родилось въ земномъ Раю, и не было погашено преступленіемъ Адамовымъ; часть его потомства оному слѣдовала; оно возобновилось послѣ потопа; Авраамъ перенесъ его съ собою; Моисей придалъ ему болѣе блеску внѣшними обрядами; святые Вѣтхаго Завѣта оное исполняли, и предсказали его усовершенствованіе; оное сохранялось до пришествія Мессіи. Іисусъ пришелъ ознакомить насъ съ Божествомъ, и показать намъ, что истинное служеніе Ему долженствуетъ быть безкорыстно; Онъ пришелъ научить насъ не тому, чтобъ жить въ мірской славѣ и удовольствіяхъ, чтобы проливать кровь животныхъ, и возжигать куренія въ жертву Богу, дабы получить отъ Него земное благоденствіе, какъ то Іудеи себѣ воображали, но тому, чтобы отрещись самихъ себя, и любить себя не иначе, какъ въ Немъ, для Него и Его любовію. Не взирая на слабость человѣческой природы, можно видѣть великое число людей, коихъ сія столь чистая Религія одушевляетъ и надъ коими господствуетъ; любовь къ истинному Богу производитъ въ нихъ всѣ добродѣтели, противоположныя самолюбію.

Вотъ безъ сомнѣнія то Богослуженіе, коего я ищу повсюду; оное было у Іудеевъ прообразовательно; тамъ находилось токмо сѣмя, ростокъ, тѣнь его. — Совершенство заключается един-

ственно въ семъ новомъ народѣ, соединенномъ съ древнимъ; — въ ономъ съ перваго взгляда вижу я поклоненіе духомъ и истиною, однимъ словомъ, сію любовь, на коей основаны законъ и Пророки.

ГЛАВА VI.

О Религіи Христіянской.

Характеръ истиннаго Богослуженія состоитъ не въ томъ, чтобы бояться Бога, какъ боятся страшнаго и могущественнаго человѣка, которой можетъ погубить каждаго, осмѣлившагося ему сопротивляться. Язычники возжигали куренія и приносили жертвы злымъ и страшнымъ богамъ, дабы укротить гнѣвъ ихъ. Это не есть то понятіе, которое я долженствую имѣть о Богѣ Творцѣ; Онъ безконечно правосуденъ и всемогущъ; безъ сомнѣнія должно Его бояться — но Онъ страшенъ токмо для тѣхъ, кои отвергаютъ любовь къ Нему и сообщеніе съ Нимъ. Лучшій страхъ, которой должно имѣть въ разсужденіи Его, есть боязнь не быть Ему угоднымъ и не исполнять Его воли. Что касается до страха Его наказаній, то онъ полезенъ людямъ, заблуждающимъ отъ истиннаго пути, поелику противится ихъ страстямъ и служитъ къ обузданію пороковъ; но тогда токмо хорошъ, ежели уничтожаетъ всѣ препятствія къ любви и пріуготовляетъ къ оной. Нѣтъ ни одного человѣка на землѣ, которой бы хотѣлъ быть страшнымъ для своихъ дѣтей, не будучи любимъ ими; одинъ страхъ наказаній не можетъ обуздывать свобод-

ное и благородное сердце. Когда слѣдуютъ добродѣтели токмо изъ таковаго страха, не имѣя ни сколько любви къ истинному благу, то исполняютъ оную единственно для того, чтобъ избѣжать страданій; и слѣдовательно, естьли можно будетъ, отвергнувшись добродѣтели, отъ оныхъ уклониться, то и перестанутъ оную исполнять. Не токмо не находится отца, которой бы желалъ такимъ образомъ почитаемъ быть своими дѣтьми, ни друга, которой бы поставлялъ своими друзьями людей, соединенныхъ съ нимъ таковыми узами, но даже невозможно найти господина, которой бы хотѣлъ награждать своихъ слугъ и быть къ нимъ благорасположеннымъ, видя, что они служатъ ему токмо изъ страха, а не по доброй волѣ; — еще по важнѣйшей причинѣ должно думать, что Богъ, создавшій насъ способными къ разумѣнію и любви, собственно на тотъ конецъ, чтобъ мы Его познавали и любили, не удовольствуется рабскимъ страхомъ, и желаетъ, чтобы любовь, которая происходитъ отъ Него, какъ изъ своего источника, возвращалась къ Нему же, какъ къ своему концу.

Я разумѣю здѣсь, что не довольно любить Бога такъ, какъ мы любимъ всѣ вещи, служащія къ нашему удовольствію, или пользѣ; — не должно относить Его къ себѣ и къ своимъ выгодамъ, а напротивъ относиться совершенно къ Нему, и не искать нашего собственнаго блага, какъ токмо для Его славы, и для того, чтобы вести жизнь, сообразную съ Его волею и съ Его порядкомъ.

ПИСЬМО

о существѣ Божіемъ, Христіанствѣ и истинной Церкви.

Не безпокойтесь, М. Г., о вашихъ двухъ большихъ письмахъ; они кажутся для меня весьма трогательны и наставительны. Я вижу въ нихъ любовь къ истинѣ, тщаніе узнать оную основательно, ревность къ Вѣрѣ и довѣренность ко мнѣ. Хотя я кажусь занимающимся только своею должностію; однакожъ не льзя почитать меня какимъ-либо мрачнымъ и соблазнительнымъ святошею. Я обращаю вниманіе на всѣ роды системъ и возраженій. Не возможно было бы противоположить ничего основательнаго вольнодумцамъ, естьли бы люди, ревностные къ Религіи, не сообщали свободно другъ другу тѣхъ обманчивыхъ разсужденій, коими стараются помрачить оную. — Мнѣ удивительно кажется, что вы писали ко мнѣ, будучи въ лихорадкѣ, и я также имѣлъ оную, читая ваши письма, и теперь еще чувствую большую слабость. Мнѣ запрещаютъ всякое занятіе; отвѣтъ же на ваши письма требовалъ бы цѣлой книги. Для чего не могу я находиться совершенно здоровымъ въ вашемъ кабинетѣ, *impertransito medio*, какъ говорятъ въ школахъ! — Ожидая выздоровленія, принимаю смѣлость объяснить вамъ то, что я думаю о различныхъ предметахъ.

1. Я не читалъ никогда предисловія, которое вы видѣли. Но не упоминая объ немъ, признаюсь вамъ, что мнѣ кажется не трудно опровергнуть систему Спинозы. Съ какой бы

точки зрѣнія ни разсматривали оную, вездѣ прерывается связь вымышленнаго имъ ученія. Слѣдуя сему Философу, два человѣка, изъ коихъ одинъ говоритъ *да*, другой *нѣтъ*, одинъ обманывается, другой думаетъ справедливо, одинъ злодѣй, другой добродѣтельнѣйшій человѣкъ, суть одно и то же недѣлимое существо. Я не думаю, чтобы человѣкъ благоразумный могъ когда-либо сему дѣйствительно повѣрить. Секта Спинозистовъ есть секта лжецовъ, а не Философовъ. — Далѣе, не возможно знать видоизмѣненій, не зная самаго существа измѣняющагося. Должно видѣть тѣло, имѣющее цвѣтъ, дабы имѣть понятіе о цвѣтѣ; тѣло движущееся, дабы понимать движеніе. И такъ Спиноза долженствовалъ бы начать тѣмъ, чтобъ дать намъ ясное понятіе о семъ безконечномъ существѣ, которое соединяетъ въ своей простой и недѣлимой природѣ видоизмѣненія, совершенно одно другому противоположныя. Должно найти безконечное множество въ совершенномъ единствѣ; должно показать измѣненія и границы въ существѣ неизмѣняющемся и неограниченномъ. — Вотъ несообразимыя противорѣчія.

2 е. Вольнодумцы нашего времени большею частію не слѣдуютъ Спинозиной системѣ. Они признаютъ Бога Творца, Коего премудрость оказывается во всѣхъ Его твореніяхъ; но по мнѣнію ихъ, сей Богъ не былъ бы ни благъ, ни премудръ, естьли бы даровалъ человѣку свободу воли, то есть возможность грѣшить, уклоняться отъ своего назначенія, нарушать порядокъ и погибать навѣки. Они думаютъ, что человѣкъ обманывается, воображая, что онъ имѣетъ свободу

избирать между двумя предметами. Сіе ласкательное мечтаніе по ихъ мнѣнію происходитъ отъ того, что воля человѣка не можетъ сама себѣ противорѣчить въ своемъ собственномъ дѣйствіи — въ ея желаніи. Она не можетъ иначе быть опредѣляема, какъ степенью удовольствія, которое есть единственное ея побужденіе, и между различными видами удовольствій всегда сильнѣйшее преклоняетъ оную неоспоримо. Такимъ образомъ она хочетъ токмо того, что ей нравится прежде еще желанія. Вотъ смѣшная мечта свободы. Человѣкъ, далѣе говорятъ они, безпрестанно бываетъ понуждаемъ желать чего-либо, какъ по внутреннему разположенію его органовъ, такъ и по обстоятельствамъ внѣшнихъ предметовъ при каждомъ случаѣ. Онъ думаетъ, что избираетъ, потому что всегда долженъ по необходимости хотѣть того, что представляетъ ему болѣе удовольствія. Слѣдуя сей системѣ, при уничтоженіи всякой дѣйствительной свободы уничтожается всякое достоинство, всякое поношеніе, всякой адъ. Удивляются Богу, не боясь Его, и провождаютъ жизнь безъ угрызеній совѣсти, по волѣ страстей своихъ. Вотъ система, которая восхищаетъ всѣхъ вольнодумцевъ нашего времени.

3 е. Вы справедливо желаете видѣть причины вѣрить Религіи, которыя были бы соразмѣрны простому и грубому разуму. Трудность найти таковыя убѣдительныя причины заставляетъ васъ думать, что Богъ даруетъ спасеніе только избраннымъ, коихъ Онъ руководствуетъ по сердцу, а не по разуму, — по влеченію благодати, а не естественнымъ свѣтомъ ума. —

Но замѣтьте два недостатка сей системы. Первый состоитъ въ томъ: ежели предположить, что человѣкъ получаетъ вѣру по сердцу, а не по разуму; по слѣпому влеченію благодати, безъ разумнаго различенія власти, коей покоряется, вѣруя таинствамъ, — то можно было бы почитать Христіянство фанатизмомъ, членовъ же его энтузіастами. Ничто не можетъ быть опаснѣе для спокойствія и благоустройства въ человѣческомъ родѣ, ничто не можетъ болѣе сдѣлать Религію презрительною и даже ненавистною. Другой недостатокъ есть тотъ, что, слѣдуя сей системѣ, Богъ осуждалъ бы почти всѣхъ людей, поелику они не имѣютъ Вѣры и не повинуются въ точности Его велѣніямъ, хотя какъ Вѣра, такъ и исполненіе оныхъ для нихъ дѣйствительно невозможны, по недостатку довольной для сего помощи. Это бы значило сдѣлать изъ Религіи соблазнъ, и вооружить противъ ее цѣлый міръ, приписывая ей понятіе, благости Божіей толико противное.

4 е. Св. Августинъ, коего не льзя обвинять нерадивостію въ изслѣдованіи вопросовъ о благодати, думалъ, что иначе невозможно оправдать благость и правосудіе Божіе противъ Манихеевъ, какъ допустивъ, что *ни одинъ человѣкъ никогда не долженствуетъ болѣе Богу, какъ токмо тѣмъ, что онъ отъ Него получилъ.* — Изъ сего вывелъ онъ два заключенія: 1 е, что каждый получилъ предварительную и соразмѣрную нуждамъ его помощь, дабы побѣдить свои вожделѣнія, удаляться всякаго зла и исполнять каждое добро, сообразно своему разсудку. 2 е. Что ему даны средства разсѣять мракъ своего

невѣжества, ежели онъ будетъ сего желать, — искавъ *со тщаніемъ и благочестіемъ* того, что ему недостаетъ къ вѣрѣ, и на сей случай Провидѣніе даровало ему довольные способы, дабы онъ могъ приближаться болѣе и болѣе къ Вѣрѣ таинствамъ, къ добродѣтелямъ Евангельскимъ и ко спасенію. Средства Провидѣнія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, суть непроницаемы и безконечно разнообразны, по словамъ сего Отца. Столь же невозможно подробно разсмотрѣть ихъ, какъ не льзя изслѣдовать путей, коими человѣкъ достигаетъ извѣстной степени мудрости и добродѣтели, или впадаетъ въ какія-либо заблужденія. Сіе случается чрезъ неизъяснимое соединеніе воспитанія, примѣровъ, чтенія, обращенія, друзей, опытовъ, размышленій и вдохновеній внутреннихъ, посредствомъ коихъ Богъ нечувствительно дѣйствуетъ во глубинѣ сердца. Не только посторонніе люди не могутъ подробно описать, что пріуготовило и опредѣлило человѣка къ извѣстному какому-либо роду жизни; но и самъ онъ, обративши вниманіе на прошедшее время, не можетъ видѣть ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ побужденій, имъ управлявшихъ. Но ежели никто не можетъ видѣть собственныхъ стезей своихъ, то Богъ покажетъ ихъ въ судѣ Своемъ. Тогда Онъ возторжествуетъ; ибо тогда откроетъ каждому всѣ изгибы его сердца въ цѣпи средствъ, употребленныхъ Имъ, дабы привлечь его къ истинѣ и заставить искать ее, познавать, любить, слѣдовать оной и находить въ ней свое спасеніе. Сіи средства хотя не могутъ быть подробно разсматриваемы, однакожъ весьма извѣстны во всеобщности. Ихъ

разнообразность, тайное соединеніе, способность избѣгать нашей внимательности, не позволяютъ намъ имѣть яснаго объ оныхъ понятія; но безконечно правосудный и благій Богъ не долженствуетъ ли быть познаваемъ изъ сцѣпленія и соразмѣрности сихъ средствъ, для спасенія нашего Имъ пріуготовленныхъ? Не лучшій ли Онъ Судія, нежели мы, пренебрегающіе низпосланнымъ отъ Него до такой степени, что даже не обращаемъ на оное никакого вниманія? Ежели бы человѣкъ при пробужденіи отъ сна нечаянно нашелъ себя на необитаемомъ островѣ, то какихъ бы чудныхъ предположеній не сдѣлалъ онъ, дабы открыть, какимъ образомъ онъ туда перенесенъ? Мы находимъ себя въ мірѣ, какъ бы упавши съ облаковъ: не знаемъ ни того, что мы такое, ни откуда пришли, ни куда, ни съ кѣмъ живемъ, ни куда пойдемъ, вышедши отсюда. Кто имѣетъ хотя малѣйшее любопытство, дабы проникнуть сіи глубокія таинства? Никто не хочетъ симъ заняться. Всѣмъ шутятъ, всѣмъ забавляются, хотятъ знать все, изключая токмо того, что должно быть основаніемъ знанія. Сіе безумное небреженіе есть величайшій грѣхъ невѣрности. *Non pie quaerunt* (неблагочестиво ищутъ), говоритъ Св. Августинъ. Къ чему бы люди не могли быть способны, естьли бы они были чистосердечны, смиренны, покорны, и столько же прилагали трудовъ, сколь великость блага оныхъ заслуживаетъ! Не изучаютъ ли дѣти въ короткое время слова и имена всѣхъ подробностей человѣческой жизни? Не научаются ли грубѣйшіе народы самымъ утонченнымъ искуствамъ? Но это еще не все.

съ какою тонкостію и глубокомысліемъ изучаются злу! Только для добра разумъ недостаточенъ: ибо обыкновенно не понимаютъ то, чего не любятъ. Любите истину столько же, какъ деньги, и вы откроете даже то, что кажется самымъ темнымъ. Когда Богъ соберетъ всѣ естественные дары души нашей и сверхъестественныя вспоможенія, для достиженія къ вѣрѣ данныя человѣку; когда Онъ ему покажетъ, что сіи милости могли бы привлечь еще большія для его спасенія, естьли бы онъ не презиралъ первыхъ: тогда человѣкъ вдругъ увидитъ все то, чего онъ не хотѣлъ видѣть здѣсь на землѣ. Хотя бы правосудіе Божіе было для насъ и непостижимо, мы должны вѣрить оному, не изслѣдывая. Но человѣкъ лучше любитъ ласкать самому себѣ, свергать съ себя всякое иго, полагать, что Богъ не соблюдаетъ данныхъ ему обѣщаній, спорить о собственной своей свободѣ, хотя и не можетъ дѣйствительно въ оной сомнѣваться, и жить безъ правилъ, оправдывая себя на счетъ правосудія Божія. —

5 е. Справедливо, что должны находиться доказательства, сообразныя слабому и недальновидному разуму большей части людей, дабы заставить ихъ покориться власти, которая предлагаетъ вѣровать таинствамъ. Но должно замѣтить: 1 е. что самый недальновидный разумъ понимаетъ и разкрываетcя по мѣрѣ доброй воли человѣка для всѣхъ предметовъ, кои онъ имѣетъ нужду знать. 2 е. Что должно различать простое и разсудительное знаніе истины отъ углубленія въ оную, посредствомъ коего человѣкъ,

опытный въ таковыхъ изслѣдованіяхъ, можетъ опровергать всѣ тонкости, коими хотятъ помрачить сію ясную и простую истину. Не нужно, чтобы каждый невѣжда зналъ основательнымъ образомъ Религію, и былъ въ состояніи уничтожать всѣ софизмы, кои гордость и другія страсти употребляютъ для того, дабы помрачить оную. Для непросвѣщенныхъ довольно вѣрить истинѣ по доказательствамъ твердымъ, но подразумѣваемымъ. Спорьте съ мужикомъ: вы удивите и даже можете привести его въ изумленіе своимъ знаніемъ правилъ земледѣлія; онъ не будетъ въ состояніи вамъ отвѣчать; но ни сколько не смѣшается въ своей работѣ. То же самое можно сказать и о невѣждахъ касательно Религіи.

6 е. Давно казалось мнѣ нужнымъ сдѣлать планъ, которой бы заключалъ въ себѣ доказательства истинъ, необходимыхъ ко спасенію, кои были бы вмѣстѣ и неопровергаемы и соразмѣрны понятію людей непросвѣщенныхъ. Я нѣсколько разъ просилъ объ этомъ покойнаго Епископа Москаго (Боссюэта), и онъ обѣщалъ мнѣ выполнить мое желаніе. Я бы желалъ имѣть нужныя для сего способности. Сіе сочиненіе должно быть очень кратко, но для онаго потребенъ долговременный трудъ и великіе таланты. — Ничто не требуетъ столько генія, какъ книга, въ коей должно изложить яснымъ образомъ первоначальныя истины, и сдѣлать ихъ понятными для тѣхъ, кои мало имѣютъ способности понимать. Дабы имѣть въ семъ дѣлѣ желаемый успѣхъ, должно постигнуть совершенно предметъ трудовъ своихъ, и согласить двѣ край-

ности человѣческаго рода: надлежитъ быть понятнымъ для невѣждъ, и избѣжать безразсудной критики людей, которые злоупотребляютъ свой разумъ, вооружаясь противъ истины. Я могу представить вамъ здѣсь только самую недостаточную идею о семъ планѣ; но то, что я предложу вамъ въ скорости и собственно для васъ, останется между нами. — Я увѣренъ, что вы усмотрите въ ономъ гораздо болѣе, нежели что я могу написать къ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Вотъ болѣе простая таблица матерiй, нежели изложенiе доказательствъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

трехъ первоначальныхъ истинъ, необходимыхъ ко спасенiю, дабы покорить совершенно подъ иго вѣры простыхъ и несвѣдущихъ людей.

ЧАСТЬ I.

Существуетъ Богъ, безконечно совершенный, Который создалъ вселенную.

Должно только открыть глаза и имѣть сердце свободное отъ предубѣжденiй, дабы видѣть безъ всякаго изысканiя всемогущество и премудрость Творца, кои сiяютъ во вселенной. Ежели какой нибудь разумной человѣкъ не признаетъ сего за истину, я не буду съ нимъ спорить, а только попрошу его выслушать меня съ терпѣнiемъ. — Положимъ, что онъ послѣ

кораблекрушенія выброшенъ на дикой островъ; тамъ примѣчаетъ домъ превосходной Архитектуры; вошедши въ оной, видитъ великолѣпныя украшенія, удивительныя картины; входитъ въ кабинетъ, въ коемъ большое количество прекрасныхъ книгъ разстановлены въ порядкѣ; но притомъ не находитъ на всемъ островѣ ни одного человѣка. Теперь остается мнѣ только спросить: можетъ ли онъ повѣрить, что все, имъ видимое, сдѣлалъ случай безъ всякаго труда? Я не надѣюсь, чтобы онъ могъ вообразить, что собраніе сихъ камней, построенное съ такимъ порядкомъ и соразмѣрностію, мебели, показывающія столько искуства какъ въ отдѣлкѣ, такъ и въ расположеніи, картины, столь хорошо подражающія натурѣ, и книги, съ такою точностію объясняющія высочайшія знанія, собраны совершенно по случаю. Сей умный человѣкъ можетъ изыскать тонкости, дабы защитить въ умозрѣніи столь нелѣпое мнѣніе; но въ самомъ дѣлѣ никогда не можетъ сомнѣваться объ искуствѣ, которое блистаетъ въ семъ домѣ. Естьли же онъ тщеславится таковымъ сомнѣніемъ, то сіе значитъ лгать противъ своей совѣсти. Таковая невозможность сомнѣваться называется очевидностію, и есть, такъ сказать, основаніе человѣческаго разума, далѣе котораго онъ идти не можетъ. Сіе сравненіе показываетъ, сколь ясно должно быть наше убѣжденіе при взглядѣ на вселенную о бытіи Божества. Можно ли сомнѣваться, что сіе великое твореніе безконечно болѣе показываетъ искуства, нежели домъ, о которомъ я говорилъ? — Разность между Философомъ и крестьяниномъ состоитъ

въ томъ, что послѣдній по простотѣ своей вѣритъ тотчасъ всему, что представляется глазамъ его, между тѣмъ какъ первый, водимый тщетными своими предразсудками, употребляетъ тонкость разсужденій, дабы помрачить самый разумъ. — Вотъ истинная точка зрѣнія, съ которой каждый благоразумный и внимательный человѣкъ, незараженный гордостію и страстями, долженъ разсматривать понятіе о Божествѣ. — Вмѣсто того чтобы имѣть нужду въ разсужденіяхъ, должно бояться собственныхъ своихъ разсужденій. Не болѣе нужно размышленія для того, чтобъ познать Бога при видѣ вселенныя, какъ и для того, чтобъ узнать труды часовщика при взглядѣ на часы, или Архитектора при видѣ дома.

~~~~~~~~~~~

ЧАСТЬ II.

Токмо одно Христіянство есть служеніе, достойное Божества.

Токмо Христіянская Религія состоитъ въ любви къ Богу. Прочія вѣры имѣли основаніемъ страхъ къ богамъ, коихъ гнѣвъ старались укротить, и надежду ихъ благодѣяній, кои думали пріобрѣсти почестями, молитвами и жертвоприношеніями. Одна Религія, открытая намъ Іисусомъ Христомъ, обязываетъ насъ любить Бога больше, нежели самихъ себя, и любить себя не иначе, какъ только изъ любви къ Нему. Она представляетъ раемъ совершенную и вѣчную любовь, требуетъ отреченія самихъ себя, то есть
~~~~~~~~~~~

уничтоженія всякаго самолюбія, и повелѣваетъ намъ любить себя по благочестію, какъ вещь принадлежащую Богу, Который хочетъ, чтобъ мы любили ее въ Немъ. Таковое превращеніе человѣка есть возстановленіе порядка и рожденіе новаго человѣка. Вотъ то, чего не могъ вымыслить разумъ человѣческіи. Должно, чтобы Верховное могущество обратило человѣка противъ самаго себя, дабы заставить его произнести рѣшеніе, громоносное для его честолюбія. Ничто не можетъ быть болѣе справедливо, и ничто столь жестоко не возмущаетъ самое основаніе человѣка, идолопоклонника самаго себя, какъ самоотверженіе. — Токмо чрезъ таковую совершенную любовь Богъ можетъ быть удовлетворительно признаваемъ. *Nec colitur ille, nisi amando*, часто говоритъ Св. Августинъ. Отъ чего же произошло, что почти всѣ люди оставили сіе поклоненіе? Они ввели приношеніе животныхъ, куренія и другіе дары, вмѣсто я, истинной жертвы, которую надлежало заклать. Скажите самому простому и несвѣдущему человѣку, что должно любить Бога, Отца нашего, создавшаго насъ для Самаго Себя: сіи слова проникнутъ до внутренности его сердца, ежели гордость и самолюбіе сему не возпрепятствуютъ; онъ не имѣетъ никакой нужды въ изысканіяхъ, дабы чувствовать, что въ семъ заключается цѣлая Религія. Но какъ сіе истинное поклоненіе находится токмо въ Христіянствѣ, то ему и не остается ни размышлять, ни выбирать. Всякое другое Богослуженіе не можетъ назваться Религіею. Вѣра Іудеевъ есть только начатокъ, или лучше сказать тѣнь, и прообразованіе сего обѣтованна-

го поклоненія. Отымите у оной чувственныя изображенія, временныя благословенія, тукъ земли и росу небесную, таинственныя обѣтованія, допущенныя несовершенства и законные обряды — останется одно начало Христіянства. Оно есть ничто иное, какъ уничтоженіе идолопоклонства самости, и учрежденіе истиннаго Богослуженія посредствомъ высочайшей любви. Ищите, гдѣ вамъ угодно, но вы не найдете сего истиннаго, открытаго, очищеннаго и совершеннаго поклоненія, какъ токмо у Христіянъ: они одни знаютъ Бога, безконечно любви достойнаго. — Я не говорю о Магометанахъ, поелику они сего не заслуживаютъ. Вѣра ихъ есть ничто иное, какъ грубое, рабское и совершенно наемническое поклоненіе плотскихъ Іудеевъ; они присоединяютъ къ нему удивленіе ложному пророку, которой, по собственному его признанію, не имѣлъ никакихъ доказательствъ своего посланія. Всякой простой, но правомыслящій человѣкъ не можетъ избрать никакой другой Религіи, кромѣ Христіянской: ибо въ ней только находится ученіе о совершенной любви; а кто нашелъ ее, тотъ нашелъ все, и самъ можетъ чувствовать, что ему не остается ничего болѣе искать. Таинства не отвращаютъ его болѣе: ибо онъ понимаетъ, что поелику цѣлая натура непроницаема для нашего слабаго разума, то не должно удивляться, что Божество имѣетъ таинства, для онаго непостижимыя. Самая слабость его перемѣняется въ силу, а мракъ во свѣтъ, дабы сдѣлать его покорнымъ Богу и недовѣрчивымъ къ самому себѣ. Для него не трудно вѣрить, что Богъ, чистѣйшая

Любовь, удостоилъ облещись въ плоть, подобную нашей, дабы сокрыть сіяніе славы Своея, и пришелъ на землю научить насъ любви, и любить Себя Самаго во внутренности нашего сердца. Въ семъ смыслѣ справедливо можно сказать, что мы изучаемся истинной Религіи по сердцу, а не по разуму. Въ самомъ дѣлѣ оная получается просто чрезъ любовь къ Богу, безконечно оныя достойному, а не по тонкимъ разсужденіямъ Философовъ. Самъ Сократъ не открылъ почти ничего, между тѣмъ какъ нынѣ малое дитя и простой художникъ находитъ все, нашедши любовь. — Любовь къ Богу непреодолимо привлекаетъ къ Христіянству, и въ семъ-то смыслѣ говоритъ Тертулліанъ, что душа по природѣ своей есть Христіянка. —

ЧАСТЬ III.

Одна только Каѳолическая Церковь можетъ научить истинному поклоненію способомъ, сообразнымъ нуждамъ и понятію всѣхъ людей.

Всѣ люди, а особливо непросвѣщенные, имѣютъ нужду въ рѣшительной власти, дабы избѣжать изысканій, къ коимъ они очевидно неспособны. Возможно ли, чтобъ какая-нибудь поселянка, или ремесленникъ разсматривалъ текстъ оригинальный, изданія, переводы, различные смыслы Св. Писанія? — Обѣтованія Божіи остались бы неисполненными, и Онъ не удовлетворилъ бы нуждамъ почти всѣхъ людей, ежели

бы не даровалъ имъ власть непогрѣшительную, дабы избавить ихъ отъ таковыхъ невозможныхъ изслѣдованіи, и предостеречь отъ ошибокъ въ оныхъ. Человѣкъ несвѣдущій, но которой познаетъ благость Божію, и *чувствуетъ собственную свою немощь*, долженъ предполагать таковую власть, поставленную отъ Бога, и смиренно искать оной, дабы покориться ей безъ изслѣдованія. — Но гдѣ же онъ найдетъ ее? Всѣ общества, отдѣлившіяся отъ Каѳолической Церкви, основываютъ свое отдѣленіе на предположеніи сдѣлать каждаго судіею писаній, и показать ему, что оныя несогласны съ сею древнею Церковію. Первый шагъ сдѣлавшагося приверженцемъ сихъ сектъ долженъ быть тотъ, чтобы судить между ими и Церковью, которую они оставили. Но какая поселянка, или мастеровой можетъ сказать безъ смѣшнаго и безумнаго превозношенія: я хочу разсмотрѣть, хорошо, или худо древняя Церковь объясняетъ смыслъ Св. Писанія. И однакожъ въ семъ состоитъ существенный пунктъ отдѣленія каждой вѣтви отъ общаго стебля. Всякой непросвѣщенный человѣкъ, которой чувствуетъ свое незнаніе, долженъ страшиться столь надмѣннаго поступка. Онъ ищетъ власти; которая бы освободила его какъ отъ сего заблужденія, такъ и отъ испытанія и изслѣдованій, къ коимъ онъ совершенно неспособенъ. Послѣдователи новыхъ сектъ, слѣдуя своему основному началу, кричатъ ему: *читай, разсуждай, рѣши.* Токмо одна древняя Церковь говоритъ: не разсуждай, не рѣши ничего, довольствуйся смиреніемъ и покорностію; Богъ обѣщалъ мнѣ низпослать Своего Духа, дабы

предохранить отъ заблужденій чадъ своихъ. Кому, думаете вы, долженъ слѣдовать сей простякъ, тѣмъ ли, кои требуютъ отъ него невозможнаго, или тѣмъ, кои предлагаютъ ему приличное какъ для его немощи, такъ и для благости Божіей? — Представимъ себѣ человѣка, одержимаго подагрою, который по причинѣ пожара въ домѣ хочетъ встать съ постели; онъ проситъ помощи; пять человѣкъ говорятъ ему: встань, бѣги, разсѣй толпу, спасайся. Наконецъ говоритъ шестой: я тебя вынесу на рукахъ. Повѣритъ ли онъ пяти человѣкамъ, которые совѣтуютъ ему то, чего выполнить онъ не въ состояніи, и не лучше ли послѣдуетъ тому, кто обѣщаетъ ему помощь, соразмѣрную его слабости? Онъ предастся ему безъ размышленія, и останется въ его рукахъ спокойнымъ и послушнымъ. Точно то же можно сказать о человѣкѣ, смиренномъ въ своемъ невѣжествѣ: онъ не можетъ слушать безъ смѣха сектъ, кои говорятъ ему: читай, разсуждай, рѣши, — ему, которой очень знаетъ, что онъ не можетъ ни читать, ни разсуждать, ни рѣшить; но утѣшается гласомъ древней Церкви, которая говоритъ: чувствуй свою немощь, будь смиренъ, послушенъ, и надѣйся на благость Бога, Который никогда не оставляетъ безъ помощи тѣхъ, кои желаютъ къ Нему достигнуть. Предайся мнѣ; я приму тебя въ мои объятія. — Нѣтъ ничего простѣе и короче, какъ сей способъ находить истину. Человѣкъ непросвѣщенный не имѣетъ нужды ни въ книгахъ, ни въ разсужденіяхъ, дабы обрѣсти истинную Церковь. Безъ всякаго испытанія онъ знаетъ основательнымъ

образомъ, что всѣ тѣ, кои предлагаютъ ему сдѣлаться судьею, суть ложны, и что токмо та истинна, которая требуетъ отъ него смиренной вѣры. Вмѣсто книгъ и разсужденій онъ имѣетъ нужду токмо въ своеи немощи и благости Божіей, дабы отвергнуть льстивые соблазны и пребывать въ уничиженной покорности. Для рѣшенія въ семъ случаѣ ему потребно токмо чувство собственнаго своего невѣжества, и оное обращается для него въ непогрѣшительное знаніе. Чѣмъ болѣе онъ незнающъ, тѣмъ болѣе сіе незнаніе заставитъ его чувствовать безразсудность сектъ, которыя хотятъ сдѣлать его судьею въ томъ, о чемъ онъ не можетъ судить. — Съ другой стороны, сами ученые имѣютъ величайшую нужду быть смиренными. Будучи способны разсуждать, они еще болѣе бываютъ подвержены сомнѣніямъ, нежели невѣжды: спорятъ безконечно между собою, и иногда принимаютъ самыя нелѣпыя мнѣнія. И такъ для нихъ столько же, какъ и для простаго народа, нужна верховная власть, которая бы уничижала ихъ кичливость, исправляла заблужденія, разрѣшала споры, изъясняла имъ неизвѣстное, соглашала между собою, и присоединяла къ обществу вѣрующихъ. — Гдѣ находится сія верховная власть, превышающая всѣ частныя мнѣнія? Она не можетъ состоять ни въ какой частной сектѣ, кои всѣ основаны съ намѣреніемъ заставить каждаго умствовать и сдѣлать его судіею писаній, превыше Церкви, и слѣдовательно должна существовать въ сей самой древней Церкви, именуемой Каѳолическою. — Можно ли найти что-либо простѣе, короче и

сообразнѣе съ слабостію народнаго ума, какъ сіе рѣшеніе, при которомъ каждый долженъ токмо признать свое невѣжество и отказаться испытывать невозможное? — Оставьте изслѣдованія, кои по необходимости должны быть безуспѣшны, и откиньте смѣшную надмѣнность — вы будете Каѳоликъ.

Я очень увѣренъ, М. Г., что противъ сихъ трехъ истинъ сдѣлаютъ безчисленное множество возраженій. Но не дѣлаютъ ли ихъ даже для того, чтобы заставить насъ сомнѣваться въ существованіи тѣлъ, и дабы спорить о подлинности вещей, кои мы ежечасно видимъ, слышимъ и осязаемъ, какъ будто вся жизнь наша есть ничто иное, какъ сонное мечтаніе? — Я осмѣливаюсь утверждать, что въ трехъ началахъ, мною изложенныхъ, можно найти довольно средствъ къ тому, чтобы разсѣять въ короткихъ словахъ и безъ всякихъ тонкостей всѣ возможныя возраженія.

Наконецъ я не могу удержаться, чтобъ не представить вамъ, что, кажется, вы не отдаете должной справедливости Св. Августину. Правда, что сей Отецъ писалъ въ худыя времена для вкуса. Способъ его изъясняться коротокъ, сжатъ; онъ писалъ безъ порядка, наскоро, съ излишнею плодовитостію ума, по мѣрѣ, какъ того требовала нужда наставлять, или опровергать заблужденія. Платонъ и Декартъ, коихъ вы столько хвалите, могли разсуждать спокойно и писать въ свободное вре-

мя, дабы усовершенствовать свои сочиненія, и однакожъ оба сіи Авторы имѣли свои недостатки. На примѣръ, можно ли видѣть что-либо недостаточнѣе и слабѣе, какъ Сократовы доказательства о безсмертіи души?

Сверхъ того, не видимъ ли мы сего столь прославляемаго Философа колеблющимся и нерѣшимымъ даже въ самыхъ основныхъ истинахъ, безъ коихъ всѣ его заключенія не могутъ быть правильны? Можно ли найти что-либо недостаточнѣе, какъ неопредѣленный міръ Декартовъ? — Ежели собрать всѣ философическіе отрывки, разсѣянные въ сочиненіяхъ Св. Августина, то въ нихъ найдется болѣе Метафизики, нежели въ сочиненіяхъ сихъ двухъ Философовъ. Я не могу довольно удивляться сему генію обширному, свѣтозарному, плодовитому и высокому.

Я бы желалъ провести съ вами мѣсяцъ въ уединеніи, гдѣ мы совокупными силами занимались бы единственно изысканіемъ того, что можетъ наставлять и питать разумъ.

O rus, quando ego te aspiciam, quandoque licebit, etc.

Никто не можетъ почитать васъ съ живѣйшими и болѣе достойными васъ чувствованіями, съ коими я пребуду во всѣ остальные дни моей жизни.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ПИСЬМО

о средствахъ, кои даны людямъ для достиженія къ истинной Религіи.

Я имѣю простуду въ глазахъ и легкую боль въ желудкѣ.

. . . . dormitum ego, Virgiliusque.
Namque pilâ lippis inimicum est ludere crudis.

Можно ли не печалиться, видя себя не въ состояніи подражать Виргилію и Горацію ничѣмъ, кромѣ болѣзней? Курфирстъ вызвалъ въ Парижъ искуснаго живописца, которой много работалъ для него въ Валансьенѣ. Сей Принцъ хотѣлъ имѣть мой портретъ; его купили и привезли въ Парижъ. Вы имѣете съ него копі ; но я прошу васъ потерпѣть нѣсколько времени, чтобы я могъ доставить вамъ лучшую. Поелику вы хотите видѣть сіе чахотное лицо, то по крайней мѣрѣ должно, чтобъ копія была совершенна.

Какъ скоро буду имѣть свободное время, то постараюсь написать къ вамъ то, что мнѣ придетъ на мысль о средствахъ, данныхъ людямъ для достиженія къ истинной Религіи, въ ожиданіи чего предложу вамъ поверхностнымъ образомъ то, что я о семъ думаю.

I. Весьма поразительна кажется видимая несоразмѣрность между грубостію разума большей части людей и высокостію истинъ, кои должно знать, чтобъ быть совершеннымъ Христіяниномъ.

Чего не могутъ изобрѣсти люди наименѣе образованные, будучи побуждаемы грубѣйшими

страстями, каковы суть чувственная любовь, ревность, ненависть, мщеніе, честолюбіе, неумѣстное любопытство и проч.? Чего сами дикіе не открываютъ для своей пользы?

Чего не могутъ изобрѣсти люди, мало имѣющіе разума, для усовершенствованія искуствъ, когда корыстолюбіе къ сему ихъ возбуждаетъ? Чего не изучаетъ дитя съ двухъ лѣтъ и до семилѣтняго возраста, какъ въ разсужденіи различія предметовъ, его окружающихъ, такъ и наблюденія ихъ свойствъ, ихъ отношеній и противоположности, такъ и касательно безчисленныхъ терминовъ языка, которые выражаютъ столь опредѣленно и точно всѣ сіи предметы и ихъ между собою зависимость?

Какихъ средствъ не изобрѣтаетъ невольникъ въ своей темницѣ, въ теченіи двадцати лѣтъ, къ тому, дабы ускорить свое освобожденіе, узнать о приключеніяхъ друзей своихъ, сообщить имъ свои собственныя, и обмануть недовѣрчивость и неусыпность тѣхъ, кои держатъ его въ заключеніи?

Человѣкъ, нашедшій себя при пробужденіи отъ сна перенесеннымъ нечаянно на дикой и неизвѣстный островъ, не изыскиваетъ ли причинъ настоящаго своего положенія? Чего бы онъ не сдѣлалъ, дабы узнать, какимъ образомъ во время своего сна перенесенъ въ сіе мѣсто, и обрѣсти въономъ какой-либо знакъ человѣческаго жилища, какой-либо слѣдъ человѣка, а равно и для того, чтобы найти средства къ пропитанію, одѣянію, успокоенію и къ возвращенію въ свое отечество?

Вотъ естественные источники разума въ людяхъ наименѣе образованныхъ. Должно только захотѣть, чтобы достигнуть всего несовершенно невозможнаго. Любите истину столько же, какъ вы любите ваше здравіе, вашу свободу, ваши удовольствія, мечты — и вы найдете оную. Имѣйте столько же любопытства познать Того, Кто васъ создалъ, и Коему вы всѣмъ долженствуете, сколько невѣжды имѣютъ онаго въ случаѣ каждаго злобнаго подозрѣнія, для удовлетворенія скотскихъ страстей своихъ и для исполненія неправедныхъ и постыдныхъ своихъ намѣреній — сего довольно, дабы познать Бога и достигнуть вѣчнаго блаженства. Представимъ себѣ, что человѣкъ въ семъ мірѣ подобенъ тому, которой, пробудясь отъ сна, находитъ себя на необитаемомъ и дикомъ островѣ. Пусть онъ, вмѣсто того чтобы забавляться глупостями, которыя называютъ щастіемъ, увеселеніями, честію, политикою, краснорѣчіемъ, поэзіею и тому подобнымъ, — займется рѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: что я есмь, откуда происхожу, и гдѣ существую? — Какимъ образомъ пришелъ сюда, для чего, и кѣмъ произведенъ? Что такое всѣ сіи существа, которыя мнѣ подобны, и которыя меня отвсюду окружаютъ? Откуда они произошли? Я спрашиваю ихъ — они меня о томъ же вопрошаютъ, и мы не можемъ другъ другу обяснить ни того, что мы такое, ни какимъ образомъ вмѣстѣ находимся. Я не имѣю въ семъ углу вселенной, гдѣ нахожу себя какъ бы упавшимъ съ облаковъ, никакого другаго занятія, кромѣ того чтобы удивляться себѣ и своему положенію, и притомъ стараться от-

крыть свое начало и конецъ. Мнѣ остается токмо нѣсколько дней пребывать въ семъ состояніи, и я долженъ употребить ихъ на изысканіе того, что можетъ рѣшить загадку собственнаго моего бытія. — Я долженъ недовѣрять своему разуму, которой признаю тщетнымъ, надмѣннымъ и непостояннымъ; также долженъ бояться страстей своихъ скотскихъ и безразсудныхъ. — Я имѣю здѣсь токмо одно занятіе, чтобъ изучать себя, углубляться въ разсматриваніе себя, побѣждать самаго себя, дабы содѣлаться достойнымъ постигнуть истину, предполагая достиженіе оныя возможнымъ. Справедливо, что поелику изысканіе ея сопряжено со скукою и трудомъ, то можетъ быть я проведу всю свою жизнь въ безплодныхъ изслѣдованіяхъ, не могши проникнуть сквозь густоту мрака, въ коемъ вижу себя какъ бы погребеннымъ; но что нужды. Сія краткая жизнь есть сонъ одной ночи; слѣдуя разсудку хотя съ нѣкоторою твердостію, я долженъ быть гораздо довольнѣе, препровождая оную въ столь разумномъ и толико важномъ занятіи, и имѣя утѣшеніе поступать такъ, какъ должно человѣку, нежели предаваясь своимъ страстямъ, которыя могли бы сдѣлать меня нещастнымъ. Токмо непостоянность слабаго и немогущаго защищаться противъ оныхъ разума могла бы принудить меня избрать столь постыдную участь; и ежели человѣкъ имѣетъ благоразуміе, то сей выборъ необходимо долженъ открыть ему глаза. Всѣ другіе люди проводятъ жизнь свою въ пещерѣ Платоновой, гдѣ видятъ токмо тѣни. — Почему они для познанія себя не предпринимаютъ того, что сдѣлалъ Скифъ

Анахарсисъ, путешествовавшій въ Грецію для изысканія истины, и не подражаютъ древнимъ Грекамъ, которые ѣздили въ Египетъ, въ Азію и даже въ Индію для пріобрѣтенія мудрости? — Не нужно много свѣта, дабы видѣть, что находишься во мракѣ, ниже большой крѣпости силъ, чтобы чувствовать свою слабость; не нужно быть очень богатымъ для того, чтобъ понимать всю тягость бѣдности. Кто желаетъ быть истиннымъ Философомъ, тому потребно токмо знать, что не есть еще таковъ; нужно только рѣшить вопросъ: *что я такое?* — и удивляться своему невѣдѣнію въ семъ случаѣ. Путешественники ѣздятъ въ Мономотапу и въ Японію, дабы узнать то, что не заслуживаетъ никакого любопытства, и знаніе чего не можетъ избавить ихъ ни отъ какихъ нещастій. — Когда же можно будетъ найти людей, которые бы сдѣлали не путешествіе вокругъ міра, а хотя малѣйшее усиліе любопытства, дабы открыть великое таинство собственнаго ихъ бытія? Переѣзжаютъ моря самыя бурныя, дабы найти за четыре тысячи миль перецъ и корицу; преодолѣваютъ вѣтры, бури, пропасти и подводные камни, чтобы имѣть вещи, почти ни къ чему негодныя; но не согласятся переплыть Маншъ, дабы содѣлаться мудрыми, добрыми и достойными вѣчнаго блаженства.

Нужно ли еще болѣе къ тому, чтобы посрамить человѣка, покрыть его стыдомъ собственнаго его невѣжества, и показать ему, сколь онъ неизвинителенъ въ столь сверхъестественной безпечности и въ столь чудовищномъ безуміи?

Смѣло можно сказать, что крестьянинъ не имѣетъ довольно разума для изученія Катихизиса; между тѣмъ какъ безъ труда узнаетъ всѣ безстыдныя и соблазнительныя пѣсни своей деревни; и употребляетъ тончайшее притворство къ сокрытію своихъ разпутствъ и мошенничества.

Разумъ человѣческій разпространяется и стѣсняется, сообразно тому, упражняютъ ли его, или оставляютъ въ бездѣйствіи. Онъ подобенъ мягкой кожѣ: разширяется и сжимается по мѣрѣ доброй воли человѣка и его дѣятельности. Обращайте вашъ разумъ къ добру столько же, сколь онъ обыкновенно устремляется ко злу; и вы откроете, посредствомъ единой любви ко благу, невѣроятные источники разума для достиженія истины, даже въ тѣхъ людяхъ, кои наименѣе оказываютъ остроты онаго. — Естьли бы всѣ люди любили истину болѣе, нежели самихъ себя, какъ она безъ сомнѣнія заслуживаетъ быть любимою, то бы они сдѣлали для изысканія ея все то, что обыкновенно дѣлаютъ для исполненія своихъ прихотей и сновидѣній. Любовь, при маломъ даже умѣ, производитъ чудесныя открытія.

Connubialis amor de Mulcibre fecit Apellem.

II. Нѣтъ никакой нужды доводить грубыхъ и неученыхъ людей до того, чтобъ они были въ состояніи разбирать опредѣленно и методически причины, могущія склонить ихъ въ пользу добродѣтели и Религіи; довольно, чтобъ они были въ нихъ удостовѣрены по доказательствамъ правильнымъ, или основательнымъ, хотя и не

могутъ изъяснить причинъ своего удостовѣренія, и опровергнуть тонкихъ возраженій, кои приводятъ ихъ въ замѣшательство.

Нѣтъ ничего легче, какъ привести въ смятеніе простаго человѣка, даже въ разсужденіи подлинности собственнаго его тѣла, хотя онъ и не можетъ дѣйствительно въ томъ сомнѣваться. Скажите ему, что время, которое онъ называетъ бодрствованіемъ, можетъ быть есть время сна, гораздо глубочайшаго, нежели сонъ обыкновенный; увѣряйте его, что онъ при смерти можетъ быть пробудится отъ сна цѣлой жизни, подобно какъ пробуждается каждое утро; заставьте его показать яснымъ и опредѣленнымъ образомъ точное различіе между мечтами сна ночнаго, въ коемъ человѣкъ говоритъ самъ себѣ: я чувствую, осязаю, слышу, и увѣренъ, что не грежу — и мечтами сна, въ коемъ мы можетъ быть проводимъ цѣлую жизнь нашу; вы доведете его до невозможности отвѣчать: но при всемъ томъ онъ вамъ не повѣритъ, и будетъ сомнѣваться въ томъ, что вы хотите ему доказать; будетъ смѣяться вашей тонкости, и чувствовать, хотя и не можетъ изъясниться, что всѣ сіи разсужденія служатъ токмо къ тому, чтобы помрачить ясную истину, а не для того, чтобы объяснить что-либо непонятное. Можно привести сто примѣровъ такихъ истинъ, въ коихъ люди нисколько не могутъ сомнѣваться, но также не могутъ и доказать, ежели какой нибудь Философъ будетъ отвергать ихъ. Истина тѣмъ не менѣе остается истиною, — и внутреннее убѣжденіе, которое всѣ люди въ оной имѣютъ, есть всегдашнее и непремѣнное

правило вѣроятности, хотя бы и никто не могъ объяснить свои причины вѣрить. — Есть два рода понятія, изъ коихъ одинъ производитъ въ насъ полное убѣжденіе, хотя и несовершеннѣе другаго: онъ доводитъ насъ до совершенной невозможности сомнѣваться въ какой-либо истинѣ, поелику сія истина имѣетъ простую и, такъ сказать, правильную очевидность; другой имѣетъ болѣе очевидности обдуманной, въ такомъ случаѣ, когда разумъ разсматриваетъ доказательства своего убѣжденія, и отвергаетъ все то, что можетъ затьмить его. Даже самые возвышенные Философы непоколебимо увѣрены во множествѣ такихъ истинъ; коихъ не могутъ доказать неоспоримымъ образомъ, ни опровергнуть возраженій, которыя противъ ихъ дѣлаютъ.

Справедливо, что люди, по замѣчанію одного Автора нашего времени, *не имѣютъ довольной силы, чтобы слѣдовать неуклонно своему разуму;* и такъ я увѣренъ, что ни одинъ человѣкъ безъ благодати не можетъ пріобрѣсти одними естественными своими силами всего постоянства, правильности, умѣренности и недовѣрчивости къ самому себѣ, которыя надлежитъ ему имѣть даже для открытія истинъ, вышнему свѣту Вѣры непричастныхъ: — и сія естественная Философія, свободная отъ предразсудковъ, незрѣлости разсужденій и гордости, которая проницаетъ до основанія разумъ просто человѣческій, есть ничто иное, какъ романъ Философіи. Я полагаю, что токмо благодать можетъ руководствовать самый разумъ въ справедливыхъ его границахъ къ тому, дабы постигнуть истины Религіи, и думаю съ Св.

Августиномъ, что Богъ даруетъ каждому человѣку первый ростокъ благодати, сердечной и тайной, который непримѣтно соединяется съ разумомъ, и мало помалу пріуготовляетъ человѣка къ переходу отъ разума къ Вѣрѣ. Сіе-то Св. Августинъ называетъ *inchoationes quaedam, fidei conceptionibus similes,* — *начатки нѣкоторые, зародышу Вѣры подобные.* Это есть весьма удаленное начало для приближенія къ Вѣрѣ, подобно какъ необразованное еще сѣмя есть зародышъ младенца, которой долженъ родиться послѣ, спустя долгое время. Богъ соединяетъ начало даровъ сверхъестественныхъ съ остатками доброй натуры нашей, ежели токмо человѣкъ, получающій оныя соединенными въ своемъ собственномъ основаніи, не раздѣляетъ ихъ произвольно, и носитъ въ себѣ таинство благодати, коего глубины не знаетъ совершенно. Сіе-то изъясняетъ С. Августинъ слѣдующими утѣшительными словами: *Paulatim tu, Domine, manu mitissima et misericordissima pertractans et componens cor meum, etc. Господи! Ты тихостію и милосердіемъ Своимъ нечувствительно привлекаешь и содержишь мое сердце, и проч.* Высочайшая премудрость Слова уже существуетъ въ человѣкѣ, но подобно молоку для вскормленія младенца: *ut infantiae nostrae lactesceret sapientia tua,* — *да юность наша воздоится сосцами мудрости Твоея.* — Ростокъ благодати долженъ разцвѣсти, дабы могъ быть отличеннымъ отъ разума.

Таковое пріуготовленіе сердца тѣмъ болѣе непонятно, что оно есть всеобщее: въ немъ заключается темное чувство собственной нашей

немощи, желаніе того, чего намъ недостаетъ, склонность искать свыше того, чего мы тщетно ищемъ въ самихъ себѣ; печаль о пустотѣ нашего сердца, жажда истины, скорое и чистосердечное признаніе, что мы обманываемся, и увѣренность, что имѣемъ нужду въ помощи, дабы не обманываться болѣе.

Можно сіе замѣтить, разсматривая вблизи извѣстныхъ намъ людей. Возьмемъ въ примѣръ двухъ человѣкъ, которые оба равномѣрно заблуждаются. Одинъ гораздо болѣе другаго имѣетъ дѣятельности и остроты разума; кажется, что онъ рожденъ быть Философомъ; страстный любитель истины и добродѣтели, безкорыстенъ, благороденъ и занятъ единственно высокими умозрѣніями; — но разсмотрите его ближе — и вы увидите человѣка, влюбленнаго въ свой разумъ и въ свою мудрость, которой ищетъ знанія и добродѣтели собственно для того, дабы, обогативъ и украсивъ себя ими, возвыситься чрезъ сіе предъ всѣми прочими людьми. Сіе самолюбіе отнимаетъ у него ревность къ открытію чистой истины; онъ желаетъ преимущества, боится показать себя въ чемъ-либо заблуждающимся, и тѣмъ чаще впадаетъ въ ошибки, что желаетъ казаться никогда неошибающимся. Напротивъ другой, имѣя не столь блестящій разумъ, упражняется въ изслѣдованіи истины, а не въ удивленіи собственнымъ своимъ дарованіямъ; онъ идетъ просто и прямо къ истинѣ, безъ всякаго самоугожденія — и имѣетъ внутреннее, тайное побужденіе недовѣрять самому себѣ, чувствовать свою слабость и искать наставника. Тотъ, которой кажется менѣе успѣв-

шимъ, есть въ самомъ дѣлѣ безконечно превосходнѣе другаго: поелику Богъ находитъ въ одномъ волю, которая отвергаетъ Его помощь и недостойна познанія истины, другому же влагаетъ то благочестивое любопытство, сознаніе своей немощи и спасительную покорность, которая служитъ пріуготовленіемъ къ самой Вѣрѣ.

Сіе тайное и необразованное сѣмя есть зародышъ новаго человѣка. *Conceptionibus similes.* Это не есть ни одинъ разумъ, ни натура, оставленная самой себѣ, но раждающаяся благодать, которая скрывается въ естествѣ нашемъ, дабы мало помалу возродить оное.

Сей первый даръ благодати, толико сокровенный, изъясненъ Св. Августиномъ въ слѣдующихъ словахъ: *Quod ergo ignorat, quid sibi agendum sit, ex eo est, quod nondum accepit. Sed hoc quoque accipiet, si hoc, quod accepit, bene usa fuerit. Accepit autem, ut pie et diligenter quaerat, si volet. — De lib. arb. lib. III, cap. XXII. — Слѣдовательно незнаніе человѣка въ томъ, какъ онъ поступать долженъ, происходитъ отъ даровъ, уже имъ полученныхъ. Но и сіе также получитъ, ежели то, что уже получилъ прежде, хорошо употреблять будетъ. Получитъ же и стараніе искать со благочестіемъ и прилѣжаніемъ, ежели хочетъ.* — Это есть ничто иное, какъ всеобщее и для самихъ насъ непонятное стремленіе искать вышняго и истиннаго просвѣщенія, соединенное съ любовію къ истинѣ, съ недовѣрчивостію къ самимъ себѣ и съ истиннымъ желаніемъ найти оную: *pie et diligenter.* Искать, надѣясь на собственныя свои силы и

не желая вышней помощи, дабы предаться ея руководству съ смиренною покорностію — это не значитъ *искать со благочестіемъ*, а напротивъ есть искать съ нечестіемъ и противнымъ Вѣрѣ превозношеніемъ. — Слѣдуя сему началу, Св. Августинъ говоритъ: *Restat igitur in hac mortali vita, non ut impleat homo justitiam, cum voluerit, sed ut se supplici pietate convertat ad eum, cujus dono eam posset implere. — Ad. Simpl. — И такъ сія смертная жизнь существуетъ не для того, чтобы человѣкъ исполнялъ правосудіе, но чтобы со смиреніемъ благочестія обращался къ Тому, силою даровъ Коего можетъ оное исполнить.* —

Сіи слова, *со смиреніемъ благочестія*, *supplici pietate*, означаютъ, что человѣкъ достигаетъ истины и добродѣтели не иначе, какъ посредствомъ предваряющей его благодати, которая содѣлываетъ его покорнымъ, и вливаетъ въ его сердце ту благочестивую и смиренную молитву, которая одна достойна быть услышанною. — Далѣе сей Отецъ говоритъ еще: *Facultatem habet, ut adjuvante Creatore seipsum excolat, et pio studio possit omnes acquirere et capere virtutes, per quas et a difficultate cruciante et ab ignorantia caecante liberetur. De lib. arb. lib. III, cap. XX. — Человѣкъ имѣетъ способность съ помощію Творца самаго себя улучшать, и благочестивымъ ученіемъ можетъ пріобрѣсти и получить всѣ добродѣтели, посредствомъ коихъ и отъ слѣпоты невѣжества и отъ мучительности*

сомнѣнія равномѣрно освобождается. — Вотъ благодать врачующая и освободительница, которая мало по малу достигаетъ до того, что разсѣваетъ всѣ мраки и побѣждаетъ страсти развращеннаго человѣка. Вотъ цѣпь даровъ благодати, начиная отъ перваго исканія истины со благочестіемъ и прилѣжаніемъ, *pie et diligenter*, даже до полнаго усовершенствованія — до пріобрѣтенія и полученія всѣхъ добродѣтелей, *omnes acquirere et capere virtutes.* Богъ долженствуетъ симъ послѣдованіемъ даровъ благодати не натурѣ нашей, но своему обѣтованію, совершенно благодатному же; Онъ долженствуетъ симъ Своимъ собственнымъ велѣніямъ, поелику Онъ не можетъ требовать отъ человѣка ничего болѣе, какъ соразмѣрно тому, что человѣкъ уже получилъ отъ него, и что сверхъестественныя добродѣтели, коихъ Онъ требуетъ, суть невозможны для естественныхъ силъ больной и ослабленной воли нашей: *Homo ergo gratia juvatur, ne voluntati ejus frustra jubeatur. — De grat. et lib. arb. — И такъ человѣкъ вспомоществуется благодатію, дабы онъ не тщетно повелѣвалъ своей волѣ.* — Здѣсь не о томъ идетъ дѣло, сколько можетъ успѣть человѣкъ съ одними естественными силами собственнаго своего разума и воли, здѣсь вопросъ о Богѣ, Который обѣщаетъ вознаградить недостающее, ежели токмо сей недостатокъ произошелъ не отъ злоупотребленія свободной воли человѣка. Даже не говорю я о видимой несоразмѣрности между первыми сѣменами благодати, скрывающейся въ сердцѣ человѣческомъ, и совершенствомъ оныя, которое долж-

но нѣкогда открыться въ томъ же самомъ человѣкѣ для его освященія. Находится большая несоразмѣрность между деревцомъ, которое сажаютъ, и тѣнью, которую надѣются со временемъ имѣть отъ онаго. Сѣмя, изъ коего происходитъ младенецъ, несравненно менѣе человѣка совершеннаго, въ послѣдствіи произойти изъ него долженствующаго. *Sed hoc quoque accipiet, si hoc, quod accepit, bene usa fuerit.*

Не должно спрашивать, какимъ образомъ человѣкъ можетъ отъ сихъ первыхъ расположеній къ Вѣрѣ, столь удаленныхъ и непримѣтныхъ, перейти къ Вѣрѣ живой, чистѣйшей и совершенной; не должно даже требовать объясненія, въ чемъ состоятъ сіи вдохновенія внутреннія, которыя Богъ непримѣтнымъ образомъ намъ низпосылаетъ. Не пришли ли бы вы въ замѣшательство, естьли бы заставили васъ найти ударъ вашего пульса, когда уже онъ совершился, или разсмотрѣть всѣ впечатлѣнія и чувствованія души вашей, давно уже прошедшія, которыя нечувствительно руководствовали васъ къ извѣстнымъ понятіямъ, или началамъ честности, къ правиламъ мудрости и благочестія, отъ коихъ вы можетъ быть весьма были удалены во время вашей юности? Можете ли вы найти опять всѣ тѣ сбивчивые и непримѣтные пути, по коимъ достигли къ сему основанію? — Вы не наблюдали тогда за собою, то какъ можете по прошествіи столькихъ лѣтъ привести себѣ на память все то, что не имѣло никакого дѣйствія на ваше вниманіе въ настоящее время? —

Всякой человѣкъ, которой пренебрегалъ и считалъ за ничто всѣ добрыя расположенія, благостію Божіею внутри его производимыя, еще менѣе способенъ воспоминать ихъ. Все его попеченіе въ семъ случаѣ состояло въ томъ, чтобы оставлять ихъ безъ вниманія, не знать ихъ, забыть, и закрывать глаза, страшась ихъ видѣть: то какъ можно требовать, чтобъ онъ ихъ помнилъ къ собственному своему осужденію? Токмо единъ Богъ можетъ привести ихъ въ порядокъ, когда Ему будетъ угодно показать каждому человѣку посредствомъ оныхъ все то, что онъ могъ, но не хотѣлъ знать для своего спасенія. Еще труднѣе изслѣдовать, какимъ образомъ одна извѣстная истина руководствуетъ насъ къ другой неизвѣстной. Токмо Тотъ, Кто учредилъ сей порядокъ и сію цѣпь даровъ благодати, можетъ изъяснить Свой планъ и тайныя связи всѣхъ частей онаго. Нѣтъ ни одного человѣка, которой бы могъ разсмотрѣть, какое имѣетъ вліяніе одно впечатлѣніе, послѣдуемое другими, на впечатлѣнія отдаленнѣйшія. Мы сами для себя непроницаемы: не возможно разобрать въ нашемъ сердцѣ сцѣпленіе чувствованій, даже въ обыкновеннѣйшихъ случаяхъ нашей жизни, а тѣмъ болѣе не позволительно желать раздробить оное во внутреннѣйшихъ и таинственныхъ дѣйствіяхъ благодати. Наималѣйшее, что мы можемъ въ семъ случаѣ приписывать Верховному Властителю сердецъ, есть предполагать, что Онъ имѣетъ средства къ убѣжденію, приготовленію и удостовѣренію, коихъ разумъ человѣческій ни проникнуть, ни изслѣдовать, ни объять во всемъ ихъ пространствѣ не можетъ; довольно

знать, что Богъ безконечно премудръ, безконечно благъ и имѣетъ безконечную власть надъ собственною нашею волею, дабы заключить, хотя не зная подробностей, что Онъ каждаго изъ насъ изобличитъ нѣкогда въ томъ, что ему даны были довольные способы для достиженія къ истинѣ и ко спасенію. Мы обязаны предъ Богомъ вѣрить сей толико Его достойной истинѣ, хотя и не можемъ подробно изслѣдовать оную. —

III. Безъ сомнѣнія скажутъ, что одни внутреннія вдохновенія недостаточны къ вѣрѣ во I. X.; что вѣра получается по слуху, и что не возможно было бы ничего слышать объ оной, естьли бы Евангелисты не были посланы проповѣдовать.

Но я утверждаю, что когда бы внутреннія расположенія людей соотвѣтствовали получаемымъ ими дарамъ благодати, то Богъ посредствомъ Своего промысла окончилъ бы и наружно то, что Онъ началъ во внутренности ихъ влеченіемъ сей благодати. Безъ сомнѣнія Богъ лучше бы сдѣлалъ чудеса провидѣнія, дабы просвѣтить человѣка и руководствовать его къ истинамъ Евангельскимъ, нежели лишилъ бы его свѣта, коего онъ по своимъ чувствованіямъ содѣлался достойнымъ. Человѣкъ, которой тогда бы уже любилъ Бога больше, нежели самаго себя, и которой бы, забывая самаго себя, стремился единственно къ достиженію истины, нашелъ бы уже оную въ собственномъ своемъ сердцѣ. Благодать I. X. будетъ дѣйствовать въ немъ, такъ какъ она дѣйствовала въ праведныхъ Ветхаго Завѣта, въ потомкахъ Ноевыхъ, въ Iовѣ,

и въ другихъ, покланявшихся истинному Богу — и въ семъ случаѣ это будетъ Самъ І. Х., дѣйствующій Своею врачующею благодатію, во внутренности его сердца; которое повлечетъ его къ Искупителю даже наружно, дабы въ Него вѣровать и Ему покланяться. Сей человѣкъ будетъ расположенъ подобно Корнилію Сотнику — и Богъ окажетъ ему ту же самую помощь. Св. Августинъ увѣряетъ, что Корнилій принялъ уже Св. Духа даже прежде крещенія; однакожъ, не смотря на сіе; обязанъ былъ учиться у Св. Петра тому, чему онъ долженъ вѣрить, чего надѣяться и что любить для своего спасенія. Слѣдуя симъ началамъ; Св. Августинъ говоритъ; что Богъ оставляетъ и допускаетъ ожесточаться токмо тѣхъ, кои сего заслуживаютъ; и что онъ никого не лишаетъ верховнаго блага. *Neminem quippe fraudat divina justitia, sed multa donat non merentibus gratia. — Op. imp. lib. I. — Поелику Божественное правосудіе не токмо никого не обманываетъ; но и незаслуживающимъ многія расточаетъ милости. —* Въ семъ-то смыслѣ Св. Учитель говоритъ о язычникахъ: *Non eos dixerit veritatis ignaros; sed quod veritatem iniquitate detinuerunt. . . . : Quoniam reverâ sicut magna ingenia quaerere perstiterunt, sic invenire potuerunt. . . . . . Per creaturam Creatorem cognoscere potuerunt. — De sp. et litt. cap. XII. Не говоритъ, чтобы они не знали истины; но что истину неправосудіемъ помрачаютъ. . . . . Поелику; какъ великіе умы въ самомъ дѣлѣ изслѣдовать рѣшились, то могли найти. . . . . Посредствомъ твари могли познать Твор-*

ца. — Сей Отецъ прибавляетъ, что язычники, которые имѣютъ Законъ, писанный въ ихъ сердцахъ, какъ говоритъ Апостолъ, принадлежатъ къ Евангелію; онъ даже увѣряетъ, что сіи невѣрующіе получили внутреннюю благодать, дабы достигнуть къ Вѣрѣ, и что сами они ее отвергли: — *Seipsos fraudant magno et summo bono; malisque poenalibus implicant, experturi in suppliciis potestatem eius, cuius in donis misericordiam contempserunt.* — *Ibid.* — *Самихъ себя прельщаютъ великимъ и высочайшимъ благомъ, испытывая въ наказаніяхъ могущество Того, Коего милосердіе въ дарахъ презирали.* — Онъ даже говоритъ такъ: — *Ille igitur reus erit ad damnationem sub potestate eius, qui contempserit ad credendum misericordiam eius.* — *Ibid.* — *И такъ тотъ будетъ подверженъ осужденію подъ властію Того, Коего презиралъ милосердіе, къ вѣрованію призывающее.* — Изъ сего вы можете видѣть, что невѣрующій виновенъ только потому, что онъ получилъ безполезно дѣйствительное милосердіе, или благодать, низпосланную ему для достиженія къ Вѣрѣ. — По сей-то причинѣ Св. Августинъ часто возвращается къ сей основной истинѣ: *Cum vero ubique sit praesens, qui multis modis per creaturam sibi Domino servientem, aversum vocet, doceat credentem. . . . . . De lib. arb. lib. III, cap. XIX.* — *Non tibi deputatur ad culpam, quod invitus ignoras, sed quod negligis quaerere, quod ignoras; neque illud, quod vulnerata membra non colligis, sed quod volentem sanare contemnis. . . . Non enim quod naturaliter nescit et quod naturaliter non potest, hoc animae*

deputatur in reatum, sed quod scire non studuit, etc. Ibid. cap. XXII. — Поелику Богъ вездѣ присутствуетъ, то Онъ посредствомъ Своей твари, Ему служащей, многоразличными средствами обращаетъ къ Себѣ и научаетъ вѣрующаго. . . . . Не причтется тебѣ въ вину то, чего ты не могъ знать, но что пренебрегалъ испытывать тебѣ неизвѣстное; не за то осужденъ будешь, что не сохраняешь раненные члены, но что презираешь излѣчить оные желающаго. . . . . Ибо то не вмѣняется въ преступленіе душѣ, чего она по природѣ своей не знаетъ и не можетъ, но что о знаніи сего не радѣла, и проч. — И такъ сей Отецъ безпрерывно возвращается къ правилу Апостола, то есть — „что всѣ согрѣшившіе безъ закона, безъ закона и погибнутъ.“ Имъ причтется за грѣхъ токмо неисполненіе того, что они могли знать. Слѣдуя стопамъ Св. Августина, Св. Томасъ во многихъ мѣстахъ повторяетъ сіе утѣшительное ученіе: — *Non sequitur inconveniens, posito quod quilibet teneatur aliquid explicite credere, si in silvis et inter bruta animalia nutriatur; hoc enim ad divinam providentiam pertinet, ut cuilibet provideat de necessariis ad salutem, dummodo ex parte eius non impediatur. Si enim aliquis taliter nutritus ductum naturalis rationis sequeretur in appetitu boni et fuga mali, certissima est tenendum, quod Deus vel per internam inspirationem revelaret ea, quae sunt ad credendum necessaria, vel aliquem fidei praedicatorem ad eum dirigeret, sicut misit Petrum ad Cornelium. — Act. 10. — Quaest. disp. 9, XV. de ratione sup. et infer.*

Art. 1. *Не будетъ противорѣчія, полагая, что кто-либо удерживается чѣмъ-нибудь отъ принятія вѣры, ежели на пр. будетъ воспитанъ въ лѣсахъ между дикими звѣрями; ибо сіе есть дѣло Божественнаго провидѣнія, дабы промышлять о нужномъ ко спасенію каждаго, ежели только съ его стороны не будетъ никакого къ сему препятствія. Ибо ежели кто, таковымъ образомъ воспитанный, слѣдуя руководству естественнаго разума, ищетъ добра и убѣгаетъ зла, то за извѣстное можно утвердить, что Богъ или посредствомъ внутреннихъ вдохновеній откроетъ ему то, что необходимо къ вѣрованію, или пошлетъ ему какого-либо проповѣдника вѣры, такъ какъ послалъ Петра къ Корнилію. — Дѣян. гл. 10.* Примѣръ Корнилія есть въ семъ случаѣ рѣшительный, а Св. Павла, посланнаго къ Македонянамъ, совершенно съ онымъ сходствуетъ. И такъ Св. Августинъ и Св. Томасъ отвѣтствуютъ на вышесказанное возраженіе. Когда приводятъ въ примѣръ невѣрующаго, который справедливо употребляетъ свѣтъ своего разума и сей первый ростокъ благодати, данный ему для того, дабы *искать со благочестіемъ*, то должно отвѣчать, что Богъ не отказываетъ никому въ дальнѣйшемъ просвѣщеніи. Вмѣсто того, чтобы не доставлять чадамъ Своимъ довольной помощи, и *прельщать* ихъ верховнымъ благомъ, которое Онъ обѣщалъ имъ даровать благодатно, Богъ просвѣтилъ бы человѣка, воспитаннаго въ лѣсахъ необитаемаго острова, или посредствомъ внутренняго необыкновеннаго вдох-

новенія, или посредствомъ Евангельскихъ проповѣдниковъ, какъ то и было въ Восточной и Западной Индіи, куда Его провидѣніе оныхъ доставило. —

Не льзя довольно замѣтить сихъ словъ Св. Августина: *Qui multis modis. . . . aversum vocet.* Сіе пріуготовленіе сердецъ къ Вѣрѣ столь разнообразно, какъ по разнымъ видамъ влеченія благодати во внутренности человѣка, такъ и по безконечнымъ средствамъ, коими Провидѣніе нечувствительно руководствуетъ его по внѣшности, что непозволительно предпринимать изслѣдовать оныя подробно; не льзя найти ниже двухъ призываній, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, которыя были бы между собою сходны: *multis modis.* Человѣкъ не понимаетъ и не можетъ объяснить, по какому пути оныя руководствовали его, начиная съ перваго шага до степени истинной Вѣры; онъ не замѣчалъ сихъ призываній, и не понималъ ни того, къ чему пріуготовляли его первыя расположенія, ни того, какъ владѣющій сердцами соединялъ сіи расположенія и случаи его жизни, дабы оныя составляли цѣпь средствъ, ведущихъ ко спасенію: это есть тайна Божества. Можно почитать за извѣстное токмо то, что сколько Богъ есть благъ и внимателенъ къ тому, чтобы извлечь свѣтъ изъ самой тьмы и отдѣлить добро въ человѣкѣ отъ собственнаго его зла, столько человѣкъ безпеченъ какъ въ разсужденіи того, что Богъ творитъ для его пользы, такъ и того, что онъ дѣлаетъ самъ къ своему собственному вреду.

IV. Нужно только привести себѣ на память понятіе о Богѣ, дабы увѣриться, что

Онъ не оставитъ насъ ни въ чемъ неудовлетворенными. — І. Х. пришелъ на землю, дабы возжечь огнь Своея любви на оной; и чего же Онъ хотѣлъ, ежели не того, чтобы огнь сей пылалъ повсюду? Можемъ ли мы бояться, чтобы Любовь престала любить? Позволительно ли вѣрить, чтобы безконечное и безконечно сообщительное благо не сообщалось тѣмъ, которые не содѣлались онаго недостойными? Не говоритъ ли напротивъ Св. Августинъ, что Богъ творитъ все для нашего спасенія, исключая того, *чтобы лишить насъ свободной воли нашей?* — *Vult autem Deus omnes homines salvos fieri, et in agnitionem veritatis venire, non sic tamen, ut eis adimat liberum arbitrium, quo vel bene vel male utentes, justissime judicentur. Quod cum sit, infideles, etc. — De sp. et litt. cap. XXXIII. Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истинный пріидти, не съ тѣмъ однакожъ, чтобы уничтожить свободу воли ихъ, которую хорошо или худо употребляя, по справедливости судимы будутъ.* — Сіе рѣшеніе именно относится ко всѣмъ невѣрующимъ. — И такъ, кого же мы обвинимъ, Бога ли, Котораго не льзя безъ заблужденія не почитать безконечно благимъ, милосердымъ, щедрымъ, промышляющимъ о чадахъ Своихъ и нѣжно ихъ любящимъ, или людей, которые, по собственному ихъ признанію суть слабы, непокорны, надмѣнны, неблагодарны, безразсудные идолопоклонники самихъ себя и враги ига Божія? Да не возстаемъ противъ Бога, дабы извинить наше недостоинство, котораго сокрыть не можемъ, и не будемъ искать нигдѣ

источника нашихъ заблужденій, кромѣ собственной нашей гордости и нерадѣнія. Богъ хочетъ, чтобъ мы предпочитали Его всему, и чтобъ мы любили себя не иначе, какъ изъ любви къ Нему и Его любовію. Сіи громоносныя слова: *кто хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе*, изумляютъ самолюбіе, оскорбляютъ его, и приводятъ въ отчаяніе. Не нужно болѣе, дабы раздражить родъ человѣческій, сдѣлать его врагомъ Божіимъ, и привести къ нему въ ненависть самаго Бога. Каждой хочетъ быть самъ себѣ Богомъ, не признавая никакого другаго; ибо всѣ увѣрены, что Богъ-ревнитель не можетъ быть признаваемъ, не лишивъ человѣка владычества надъ самимъ собою. — Должно умереть себѣ, дабы жить Богу; должно потерять себя, дабы обрѣсти опять; должно ниспровергнуть и сокрушить идола *я*. Надлежитъ поставлять Бога на вышшемъ мѣстѣ въ сердцѣ нашемъ, которое мы прежде по безумію нашему сами занимали, и унизиться до той степени, которую прежде для Него назначать не стыдились. Вмѣсто того, чтобы относить Бога къ самимъ себѣ, условливаясь съ Нимъ о томъ, будемъ ли мы въ Него вѣровать и рѣшимся ли служить Ему, надлежитъ напротивъ не любить себя болѣе, какъ изъ любви къ Нему, и не искать на землѣ другаго мира и щастія, какъ въ Немъ и для Его славы. Въ семъ-то состоитъ жертвоприношеніе цѣлаго человѣка, которое возмущаетъ и ужасаетъ сердце покланяющагося идолу собственнаго *я*. І. Х. истребилъ внѣшнее идолослуженіе; но внутреннее со всѣхъ сторонъ паки возрастаетъ: не токмо не ищутъ *со благоче-*

стіемъ и прилѣжаніемъ, но еще ничего столько не боятся, какъ узрѣть то, чего не хотятъ видѣть. Выдумываютъ самыя вздорныя тонкости, страшась познать Бога, безконечно любви достойнаго, и Который представляетъ намъ Посредника, дабы возвратить насъ въ отеческія Свои объятія. Говорятъ съ Епикурейцами, что атомы, случайно соединенные, произвели твореніе, въ коемъ блистаетъ удивительнѣйшее искуство, и что сіи атомы, не знаю какъ-то, двигались косвенно, дабы произвести то, чего они никогда не могли достигнуть простымъ движеніемъ прямолинейнымъ. Соглашаются съ Спинозою, что Существо безконечно совершенное и въ самомъ себѣ единое, Которое есть истинное безконечное, измѣняетъ видъ свой посредствомъ границъ, означающихъ несовершенство, и что человѣкъ, которой обманывается, лжетъ, дѣлаетъ преступленія, есть одно и то же существо съ человѣкомъ мудрымъ, просвѣщеннымъ, добродѣтельнымъ, которой знаетъ и говоритъ чистую истину. Однимъ словомъ, охотнѣе вдаются въ самыя безсмысленныя противорѣчія, нежели согласятся допустить, что существуетъ Творецъ, Коему мы долженствуемъ всею любовію, безразсудно нами къ самимъ себѣ обращенною. Здѣсь не говорится о нашемъ разумѣ: не онъ дѣлаетъ людей невѣрующими. Естьли бы разумъ былъ непричастенъ страстямъ, гордости, и не соединенъ съ худою волею, то бы онъ просто признавалъ, что мы не создали самихъ себя, и что мы долженствуемъ симъ *я*, которое намъ толико любезно, Тому, Кто намъ даровалъ оное; —

но надлежитъ выдти изъ тѣсныхъ границъ сего *я*, дабы вступить въ безконечность Божества, гдѣ мы можемъ любить себя сообразно нашему достоинству, изъ любви къ Нему. Отчаяніе самолюбія, которое приводитъ въ возмущеніе демоновъ и людей; злоба адская, коей начало видимъ даже на землѣ — и собственная злая воля человѣческая заставляетъ выдумывать столько ненавистныхъ тонкостей, помрачающихъ нашъ разумъ, дабы сокрыться отъ вида Божества. *Videte, fratres*, говоритъ Св. Павелъ, *ne forte sit in aliquo vestrûm cor malum incredulitatis, discedendi à Deo vivo! Ad Hoeb. cap. III, v.* 12. Блюдите, братіе, да некогда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво (исполнено) невѣрія, воеже отступити отъ Бога жива. Къ Евр. гл. III, ст. 12. — Впрочемъ онъ говоритъ: *Qui corrumpitur secundùm desideria erroris.* — Сдѣлайте человѣка простосердечнымъ, покорнымъ, смиреннымъ, готовымъ носить иго, исправлять свои недостатки, доведите его до отреченія отъ самаго себя: всѣ его сомнѣнія разсѣются; онъ узритъ блистаніе свѣта Божества, и разумъ его будетъ вспомоществуемъ благодатію. Но въ настоящее время свѣтъ сіяетъ во тьмѣ, и тьма его не объятъ; Богъ пришелъ къ своимъ, и свои Его не познали; человѣкъ осмѣливается ревновать ко власти Божіей, такъ какъ Богъ долженствуетъ Самому Себѣ быть ревнителемъ къ преступленіямъ человѣка. Люди для того токмо разсуждаютъ о Богѣ, дабы содѣлаться судіями Божества, извлечь тщетную славу изъ таковыхъ изысканій, и вознестись превыше того, что долженствовало бы уничижать

ихъ. І. Х. говоритъ Іудеямъ: *Quomodo vos potestis credere, qui gloriam ab invicem accipitis, et gloriam, quae à solo Deo est, non quaeritis? — Ioan. cap. V, v. 44.* — Како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете? Іоан. гл. 5, ст. 44. — Оставимъ въ сторону всѣ грубые пороки; одной гордости довольно къ тому, чтобы ввергнуть людей въ опаснѣйшее нечестіе. — Присоединимъ ко всѣмъ симъ размышленіямъ истинное понятіе о Религіи Христіянской. Въ чемъ состоитъ сія Религія? — Она есть ничто иное, какъ любовь къ Богу — и любовь къ Богу есть основаніе ея. Богъ не пріемлетъ никакого другаго внутренняго поклоненія, кромѣ высочайшей любви къ Нему. *Nec colitur ille, nisi amando*, повторяетъ безпрестанно Св. Августинъ. Творецъ не имѣетъ никакой нужды въ нашихъ благахъ. Онъ считаетъ за ничто видимые храмы, поелику наполняетъ всю вселенную, или лучше, поелику цѣлая вселенная въ неизмѣримости Его составляетъ одну точку. Онъ не хощетъ ни плоти, ни крови жертвъ, ни куреній, нечестивыми человѣками Ему приносимыхъ; не хощетъ имѣній нашихъ; но сердецъ нашихъ, и требуетъ, чтобъ мы предпочитали Его самимъ себѣ. Въ семъ-то состоитъ жертвоприношеніе, столь дорого стоющее человѣку, которое Богъ повелѣваетъ ему выполнить. *Melior est autem*, говоритъ Св. Августинъ, *cùm obliviscitur sui prae charitate incommutabilis Dei, vel seipsum penitùs in comparatione contemnit. — De lib. arb. lib. III, c. XXV. Но гораздо лучше*

забывать себя въ непремѣнной любви къ Богу, и уничижаться, сравнивая себя съ Нимъ. — Вотъ истинное Богослуженіе, коего язычники совсѣмъ не знали, и о которомъ сами Іудеи имѣли весьма темное понятіе, хотя основаніе его и было положено въ ихъ законѣ.

Такимъ образомъ Св. Августинъ говоритъ: *Te ipsum, non propter te, debes diligere, sed propter illum, ubi dilectionis tuae rectissimus finis est. . . . . De doct. christ. lib. I, cap. XXII. — Totam dilectionem sui et illius (proximi) refert in illam dilectionem Dei, quae nullum à se rivulum duci extra patitur, cujus derivatione minuatur. . . . Ibid. cap. XXVII. — Omnis homo, in quantum homo est, diligendus est propter Deum, Deus verò propter seipsum. Et si Deus omni homine ampliùs diligendus est, ampliùs quisque debet Deum diligere, quam seipsum. — Ты долженъ любить себя не для самаго себя, но для Того, въ Коемъ любви твоей правильнѣйшій конецъ заключается. . . . Всю любовь къ себѣ самому и къ ближнему должно относить къ любви Божіей, которая не позволяетъ присоединять къ Нему какого-либо соперника, допущеніемъ коего оная могла бы уменьшиться. . . . . . Всякой человѣкъ, поколику онъ есть человѣкъ, долженъ быть любимъ для Бога, Богъ же для Него Самаго. И ежели Богъ несравненно болѣе достоинъ любви, нежели каждый человѣкъ, то каждый долженъ любить Его несравненно больше, нежели самаго себя.*

Далѣе сей Отецъ говоритъ: *Quidquid praecipitur, est charitas.* — Онъ изъясняетъ сію же

истину слѣдующимъ образомъ: *Non enim praecipit scriptura, nisi charitatem, nec culpat, nisi cupiditatem, et eo modo informat mores hominum. — Поелику Писаніе не предписываетъ ничего, кромѣ любви, не осуждаетъ ничего, кромѣ вожделѣнія, и симъ способомъ исправляетъ нравы человѣческіе.* — Слѣдуя ему, можно понимать каждый смыслъ Св. Писанія, какъ скоро научимся любить оное; *Ille tenet et quod patet et quod latet in divinis sermonibus, qui charitatem tenet in moribus. — Кто держится чистоты нравовъ, тотъ понимаетъ и откровенное и сокрытое въ словахъ Божественныхъ.* — Въ самомъ дѣлѣ, сіе повелѣніе любви есть то великое повелѣніе, которое заключаетъ въ себѣ всѣ прочія. На немъ одномъ основаны Законъ и Пророки, и оно есть помазаніе, научающее насъ всему. — И такъ Св. Августинъ говоритъ: *Quisquis igitur scripturas divinas, vel quamlibet earum partem, intellexisse sibi videtur, ita ut in eo intellectu non aedificet istam geminam charitatem, Dei et proximi, nondum intellexit. — De doct. christ. lib. 1, cap. XXXVI. — И такъ, ежели кто думаетъ, что онъ понимаетъ Св. Писаніе, или нѣкоторую его часть, но на семъ понятіи не созидаетъ двоякой любви къ Богу и ближнему — ложно о себѣ мыслитъ.* — Онъ замѣчаетъ, что любовь замѣняла Писаніе у пустынниковъ въ ихъ уединеніи: *Multi per haec tria, etiam in solitudine, sine codicibus vivunt. — Ibid. cap. XXXIX. — Многіе, также въ пустыняхъ, посредствомъ сихъ трехъ: [вѣры, надежды и любви] безъ книгъ*

жизнь проводятъ. — Но хотите ли вы знать, какъ изучаются сей наукѣ любви? — Не возможно ее достигнуть тонкостію разсужденій, а токмо умерщвленіемъ самолюбія. Ученые, которые живутъ для самихъ себя, суть грубые невѣжды въ оной. — *In tantum vident, in quantum moriuntur huic seculo; in quantum autem huic vivunt, non vident.* — *Ibid. lib. II, cap. VII.* — *Потолику видятъ, поколику умираютъ вѣку сему; а когда живутъ оному, не видятъ.* — Ученые разсуждаютъ, не умирая самимъ себѣ; напротивъ надлежало бы умирать себѣ, не разсуждая, дабы зрѣть токмо Бога, и не видѣть ничего изъ твореній. Естьли бы люди умерли самимъ себѣ, дабы жить Богу, то небеса, такъ сказать, были бы имъ тотчасъ отверсты, долины возвысились, горы сравнились, и всяка плоть узрѣла бы спасеніе Господне.

Религія Іудейская была ничто иное, какъ несовершенное начало сего поклоненія въ духѣ и истинѣ, которое есть единственное служеніе, достойное Божества. Отымите отъ оной временныя благословенія, таинственныя изображенія, обряды, позволенные для того, дабы предохранить народъ отъ идолопоклонства, наконецъ законное благочиніе, — не останется ничего, кромѣ любви; потомъ разкройте и усовершенствуйте сію любовь — выдетъ Христіянство, коего вѣра Іудеевъ есть токмо начатокъ и приуготовленіе.

Всякой человѣкъ, не предубѣжденный самолюбіемъ и слѣдующій своему разуму, вспомоществуемому благодатію, тотчасъ почувствуетъ, что токмо одна Религія существуетъ въ мірѣ,

которая заслуживаетъ того, чтобы внимать ей. Она есть та, которая повелѣваетъ любить Бога, и которая вся состоитъ въ любви. — Не остается ни сравнивать, ни выбирать, поелику не возможно найти другаго поклоненія, воздающаго достойную честь Божеству.

Что касается до таинствъ, непостижимыхъ нашему разуму, то ихъ не должно испытывать. Характеръ безконечнаго есть тотъ, чтобъ не быть понятнымъ; конечнаго же состоитъ въ невозможности понимать то, что его безконечно превосходитъ: не должно удивляться, находя три лица въ одномъ естествѣ, которое содержитъ въ себѣ два естества въ одномъ лицѣ; не должно даже удивляться тому, что мы не имѣемъ довольно ясной идеи о словахъ *лице* и *естество*.

Еще меньше находится удивительнаго въ томъ, что Богъ, не уменьшая нисколько Своего могущества и славы, воплотился и снизшелъ на землю, дабы научить насъ жить и умирать. Что можно вообразить достойнѣйшаго любви, какъ придти любить Себя въ насъ, дабы содѣлать насъ блаженными въ ней самой?

Да не удивляются и тому, что Богъ исключаетъ изъ Своего небеснаго царствія, на которое никто изъ человѣковъ права не имѣетъ, и которое есть даръ совершенно благодатный, тѣхъ людей, кои ведутъ жизнь, противную правиламъ собственнаго ихъ разума и влеченію благодати, посредствомъ коего Богъ пріуготовляетъ ихъ къ истинной Религіи. — Должно согласиться, что Богъ можетъ исключить изъ дара сверхъестественнаго и совершенно благо-

даптнаго всѣхъ потомковъ перваго человѣка, потерявшихъ первобытное свое совершенство.

Ежели сдѣлаютъ вопросъ: что должно думать о тѣхъ людяхъ, которые никогда не слѣдовали ни Христіянской, ни Іудейской Религіи — то Св. Августинъ отвѣчаетъ на оный слѣдующимъ образомъ; — *Omnino nunquam defuit ad salutem justitiae pietatique mortalium; et si quae in aliis atque aliis populis una eademque religione sociatis varie celebrantur, quatenus fiat, plurimum refert. . . . Itaque ab exordio generis humani, quicunque in eum crediderunt, eumque utcunque intellexerunt, et secundum ejus praecepta pie et juste vixerunt, quandolibet et ubilibet fuerint, per eum procul dubio salvi facti sunt. . . . Nec quia, pro temporum varietate, nunc factum annuntiatur, quod tunc futurum praenuntiabatur, ideo fides ipsa variata, vel salus ipsa diversa est; nec quia una eademque res aliis atque aliis sacris et sacramentis vel praedicatur aut prophetatur, ideo alias atque alias res, vel alias atque alias salutes, oportet intelligi. . . . . . Proinde aliis tunc nominibus et signis, aliis autem nunc; prius occultius, postea manifestius, et prius à paucioribus, postea à pluribus, una tamen veraque religio significatur et observatur. . . . Cùm enim nonnulli commemorantur in sanctis Haebraicis libris, jam ex tempore Abrahae, nec de stirpe carnis ejus, nec ex populo Israël, nec ex adventitia societate in populo Israël, qui tamen hujus sacramenti participes fuerunt, cur non credamus etiam in caeteris hac atque illac gentilibus, alias alios fuisse, quamvis eos commemoratos in eisdem auctoritatibus non legamus? Ita salus religionis*

hujus, per quam solam veram salus vera veraciterque promittitur, nulli unquam defuit, qui dignus fuit, et cui defuit, dignus non fuit. — Epist. ad Deogr. quaestio 2. — Воля Божія никогда не лишала праведныхъ и благочестивыхъ людей познанія о себѣ; и ежели между различными народами, соединенными одною и тою же Религіею, находится разность въ Богослуженіи, то весьма нужно знать, до какой точки оная простирается. . . . . . И такъ всѣ тѣ, кои вѣровали въ Бога отъ начала міра, имѣли нѣкоторое объ Немъ понятіе, и провождали жизнь во благочестіи и справедливости, соблюдая Его предписанія, безъ всякаго сомнѣнія спаслись чрезъ Него, въ какое бы время и въ какой бы странѣ міра они ни жили. . . . . . . И хотя разность временъ производитъ то, что нынѣ объявляется уже исполнившимся, что тогда было еще токмо предсказано; но не льзя изъ сего заключать, что Вѣра перемѣнилась, или чтобъ спасеніе было иное; и поелику одна и та же вещь объявлена или предсказана подъ различными священными знаками, то не должно искать въ ней разныхъ вещей, ни разныхъ видовъ спасенія. . . . . И такъ хотя Религія являлась прежде подъ другимъ именемъ и въ другой формѣ, хотя она прежде была сокровеннѣе, а нынѣ извѣстна величайшему числу людей, но всегда есть одна и та же истинная Религія, открытая и соблюдаемая. . . . . . Какъ Св. Писаніе замѣчаетъ нѣкоторыхъ еще со временъ Авра-

ама, кои не происходили отъ его поколѣнія, не были ни первоначально Израильтяне, ни присоединенные къ сему народу, и коихъ, не смотря на сіе, Богъ содѣлалъ участниками сего таинства: то почему же намъ не вѣрить, что находились и другіе избранные въ націяхъ, разсѣянныхъ повсюду, хотя мы и не видимъ имянъ ихъ въ священныхъ книгахъ? И такъ спасеніе, обѣтованное сею Религіею, единственною, истинною и вѣрною въ своихъ обѣщаніяхъ, никогда не было отказываемо тому, кто содѣлалъ себя онаго достойнымъ; естьли же кто лишенъ былъ онаго, то сіе произошло по причинѣ собственнаго его недостоинства.

Впрочемъ Св. Августинъ говаривалъ часто въ семъ самомъ духѣ, хотя и прилагалъ стараніе изъяснить догматъ о предопредѣленіи къ благодати, совершенно благодатномъ же, которой не ослабляетъ нисколько истиннаго ученія, проистекающаго изъ сего текста. Далѣе, Авторъ книги о званіи язычниковъ, которой есть Св. Леонъ, или Св.Росперъ, утверждаетъ точно то же ученіе; что касается до меня, то я боюсь смѣшивать мои мысли и изъясненія съ мыслями сихъ Святыхъ Учителей. Я заключаю такъ, что ежели человѣкъ, который посредствомъ своего разума, вспомоществуемаго влеченіемъ первоначальной благодати, получилъ начало высочайшей любви къ Богу, которая есть единственное служеніе, достойное Его, то онъ будетъ имѣть уже въ себѣ сіе начало таковаго служенія, которое есть истинная Религія и ос-

нованіе Христіянства; ощутитъ въ себѣ врачебное дѣйствіе Спасителя І. Христа, получитъ первый плодъ ходатайства Мессіи; благодать Искупителя, дѣйствуя въ немъ, будетъ руководствовать его къ познанію самаго Искупителя; внутреннее начало повлечетъ его во внѣшней власти. Вотъ тотъ случай, о коемъ говоритъ Св. Томасъ: „Должно утвердительно думать, что Богъ будетъ дѣйствовать или непосредственно чрезъ внутреннія откровенія, или внѣшно, посредствомъ проповѣдника Вѣры, посланнаго чрезвычайнымъ образомъ въ самую дикую страну для спасенія сего человѣка, содѣлавшагося достойнымъ Бога по предваряющей благодати І. Христа.“ —

Все сіе есть ничто иное, какъ токмо первыя черты; я не изслѣдываю ничего основательно и порядочно, а только представляю вамъ предметы къ разсужденію. Вы обЪясните лучше, М. Г., нежели я, то, что я вамъ предлагаю смѣшеннымъ образомъ и безъ всякаго порядка. —

ПИСЬМО

о Богослуженіи и безсмертіи души, и о свободѣ воли.

Письмо, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ, М. Г., содержитъ въ себѣ три вопроса:

I. Существо безконечно совершенное можетъ ли требовать какого-либо поклоненія отъ существъ, кои Оному несоразмѣрны и суть безконечно Его ниже?

II. Можно ли доказать, что душа человѣческая безсмертна?

III. Существо безконечно совершенное можетъ ли даровать человѣку свободу воли, которая есть свобода нарушать порядокъ?

ГЛАВА I.

Существо безконечно совершенное требуетъ поклоненія отъ всѣхъ разумныхъ тварей.

Истина бытія Существа безконечно совершеннаго есть столь свѣтоносное и столь плодовитое начало, что должно токмо сообразоваться съ нимъ безъ предубѣжденія, и слѣдовать оному чистосердечно, дабы успѣть въ изслѣдованіяхъ, производимыхъ о семъ необходимомъ Существѣ. Вотъ тѣ истины, кои по моему мнѣнію должно извлекать изъ сего начала:

I. Мы не можемъ сомнѣваться, чтобы сіе Существо, столь совершенное, не любило Самаго Себя; поелику, будучи правосудно, Оное долженствуетъ безконечною любовію безконечному Своему совершенству. Изъ сего я заключаю, что ежели бы сіе Существо произвело нѣкоторыя творенія внѣ Себя, дѣлая сіе не изъ любви къ Самому Себѣ, то Оное бы дѣйствовало еще несовершеннѣе, нежели существа ограниченныя, которыя дѣйствуютъ изъ любви къ Нему. Мы видимъ людей, кои суть сіи ограниченныя существа, что они предполагаютъ Существо совершенное цѣлію своихъ дѣяній. — И такъ, ежели бы Существо совершенное несправедливо отка-

зывалось отъ такого отношенія своихъ дѣйствій къ Самому Себѣ, которое находится въ дѣйствіяхъ существъ даже несовершенныхъ, то бы Оное дѣйствовало менѣе совершеннымъ образомъ, нежели какъ поступаютъ люди благочестивые: а сіе по самой очевидности невозможно. Слѣдовательно должно заключить согласно съ Св. Писаніемъ, что Богъ создалъ всѣ вещи изъ любви къ Самому Себѣ. Съ одной стороны Онъ есть безконечно совершенъ въ Самомъ Себѣ; съ другой безконечно правосудемъ, поелику правосудіе также принадлежитъ къ безконечному совершенству. Слѣдовательно Онъ долженствуетъ Самому Себѣ всѣмъ тѣмъ, что ни произвелъ, и не можетъ ничего уступить изъ правъ Своихъ. Таково есть Его величіе, что Онъ не можетъ дѣйствовать ни для кого другаго, кромѣ Самаго Себя — и Самъ Себя именуетъ *Богъ-ревнитель*. Ревность, которая столь неумѣстна и смѣшна въ человѣкѣ, есть напротивъ высочайшее правосудіе въ Богѣ. Онъ изрекъ такъ, какъ и долженствуетъ: „*Азъ не попущу славы Моея иному*.“ Онъ долженъ всѣмъ Себѣ, и возвращаетъ Себѣ все. Все происходитъ отъ Него, и все долженствуетъ къ Нему же возвращаться; иначе порядокъ былъ бы нарушенъ. Авторъ Писанія (Моисей) свидѣтельствуетъ, что Существо безконечно совершенное извлекло человѣковъ изъ ничтожества: и такъ должно признавать, что сіе Существо создало ихъ для Самаго Себя. Естьли бы Оное дѣйствовало безъ всякой цѣли, то бы дѣйствовало слѣпо и несмысленнымъ образомъ, въ коемъ мудрость не имѣла бы никакого участія. Естьли бы Оное дѣйствовало для

цѣли менѣе высокой, нежели сколь Само возвышенно, то бы дѣйствіе Его было ниже поступковъ добродѣтельнаго человѣка, которой дѣйствуетъ для верховнаго Существа; а сіе допустить есть верхъ нелѣпости. — И такъ заключимъ, не страшась быть обманутыми, что Богъ создалъ все для Самаго Себя.

II. Сіе высочайшее Существо, Которое мы именуемъ Богомъ, не могло иначе создать существъ разумныхъ для Самаго Себя, какъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ сіи существа упражняли свой разумъ въ познаніи Его и удивленіи Его свойствамъ, а свою волю въ любви и повиновеніи къ Нему. Порядокъ, или правосудіе требуетъ, чтобъ нашъ разумъ былъ правиленъ, а наша любовь справедлива. Слѣдовательно Богъ, будучи верховный порядокъ и правосудіе, долженствуетъ хотѣть, чтобъ мы почитали безконечное Его совершенство болѣе, нежели совершенство наше собственное, и чтобъ мы любили безконечную Его благость больше, нежели благость конечную, которую Онъ вложилъ въ насъ. Такова истинная и чистая любовь правосудія. Мы ничто иное, какъ блага ограниченныя, соучаствующія и зависимыя; вмѣсто чего первое Существо есть благо, единственный источникъ всѣхъ другихъ, благо, границъ не имѣющее, благо независимое. Наша любовь къ сему благу должна также быть въ насъ любовь, единственный источникъ всякой другой любви, любовь безъ границъ, любовь, ни отъ какой другой любви независящая. Напротивъ, любовь къ самимъ себѣ должна быть любовь, проистекающая изъ сей Любви первоначальной, любовь,

ручей изъ сего источника, любовь зависимая, ограниченная и соразмѣрная малому участку блага, которой намъ удѣленъ въ собственность. Богъ есть все, а мы ничто, облеченное данною намъ въ заемъ частичкою бытія. Мы принадлежимъ не себѣ, а Тому, Который насъ создалъ, Который даровалъ намъ все, и даже наше собственное *я*; это *я*, толико намъ любезное и которое обыкновенно бываетъ единственнымъ нашимъ Богомъ, есть, такъ сказать, ничто иное, какъ маленькой отрывокъ, которой хочетъ быть цѣлымъ, всѣмъ. Оное относитъ къ себѣ все, подражая въ семъ случаѣ Богу, и превращается въ ложное божество. Должно низвергнуть идола, должно унизить *я*, дабы заставить его возвратиться на малое его мѣсто, гдѣ оное занимало бы не болѣе, какъ уголокъ во вселенной, соразмѣрно малости совершенства и бытія, коимъ оное обладаетъ.

Оно вступитъ въ свой порядокъ быть уважаемымъ и любимымъ по мѣрѣ истиннаго своего достоинства. Въ семъ состоитъ любовь правосудія, или порядокъ. Должно поставлять Бога на томъ мѣстѣ, которое *я* не стыдилось захватить. Симъ Богъ долженствуетъ Самому Себѣ, и Онъ по справедливости требуетъ таковаго поступка отъ Своей твари, способной познавать и любить. Онъ долженъ былъ при твореніи поставлять цѣлію Своею то, чтобъ содѣлать Себя познаваемымъ, какъ безконечную истину, и любимымъ, какъ всеобщую благость, и чтобъ такимъ образомъ познавали въ Немъ всякое соучаствованіе Его истины, и любили въ Немъ всякое соучаствованіе неограниченной Его

благости. Какъ скоро примутъ сіе за основаніе, то цѣлое зданіе Религіи возвысится какъ бы само собою. Сдѣлайте только предположеніе, что токмо единъ Богъ долженъ привлекать къ Себѣ всю нашу любовь совокупно, и что потомъ сей любви надлежитъ изливаться на наше *я* не иначе, какъ и на всѣ другія ограниченныя блага, соразмѣрно ихъ предѣламъ, — то Религія будетъ совершенно открыта въ вашемъ сердцѣ. — Должно оставить человѣка руководству собственнаго его сердца, въ такомъ случаѣ, ежели онъ дѣйствительно любитъ себя не иначе, какъ изъ любви къ Богу, и не слушаетъ болѣе гласа самолюбія.

III. Въ семъ случаѣ не остается болѣе никакого вопроса о Богослуженіи. Невозможно найти никакого другаго поклоненія, кромѣ любви, говоритъ Св. Августинъ. Она есть царствіе Божіе внутрь насъ; она есть поклоненіе въ духѣ и истинѣ, и единственный конецъ, для котораго Богъ насъ создалъ. Онъ далъ намъ любовь для того, чтобъ мы Его любили. Должно возстановить порядокъ низпроверженіемъ безпорядка, который одержалъ надъ нимъ преимущество. Должно поставить Бога, Который есть все, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ прежде находилось *я*, какъ будто бы оное было *все*, центръ и источникъ вселенной. Должно возвратить это *я* въ маленькой его уголокъ, какъ ничтожную частичку заимственнаго блага. Въ то же самое время надлежитъ возвратить Богу мѣсто *всего*, и стыдиться, что столь долгое время почитали Его не болѣе, какъ за нѣкоторое частное существо, съ коимъ хотѣли дѣлать

условія, почти какЪ сЪ равнымЪ себѣ, соединиться ли сЪ нимЪ, или не соединяться, смотря потому, можно ли будетЪ имѣть отЪ сего выгоду, или должно для оныя обратиться кЪ другому предмету. ОднимЪ словомЪ, должно поставлять Бога на верховномЪ мѣстѣ, коимЪ *я* безстыдно завладѣло, и назначить сему *я* то малое мѣсто, до коего унизили и вытѣснили Бога. Заставьте людей мыслить такимЪ образомЪ — всѣ ихЪ сомнѣнія разсѣются, всѣ волненія человѣческаго сердца утишатся, всѣ предлоги кЪ нечестію и невѣрію изчезнутЪ. Я не буду разсуждать, не требую ничего отЪ человѣка, и оставляю его собственной его любви; пусть онЪ любитЪ отЪ всего сердца то, что безконечно любви достойно, и дѣлаетЪ то, что оному угодно: а таковымЪ не можетЪ быть ничто иное, кромѣ чистѣйшей Религіи. ВЪ семЪ состоитЪ истинное Богослуженіе: *nec colitur, nisi amando.* — Нужно токмо повиноваться и любить: „Селеніе праведныхЪ" говоритЪ Писаніе „есть послушаніе и любовь."

IV. Но можетЪ быть скажутЪ: сія любовь есть поклоненіе внутреннее; почему же внѣшнее Богослуженіе почитаютЪ за необходимое? Для чего предполагать, что БогЪ онаго требуетЪ? — Но не очевидно ли, что внѣшнее Богослуженіе есть необходимое слѣдствіе внутренняго поклоненія Любви? Покажите мнѣ общество людей, которые бы всѣ почитали себя однимЪ семействомЪ на землѣ, коего ОтецЪ существуетЪ на небесахЪ, и не иначе провождали свою жизнь, какЪ слѣдуя любви кЪ сему небесному Отцу; пусть они любятЪ какЪ ближняго, такЪ и са-

михъ себя токмо изъ любви къ Нему, и имѣютъ одно сердце и одну душу: не справедливо ли, что въ семъ Божественномъ обществѣ уста глаголали бы всегда отъ избытка сердца? Они будутъ удивляться Высочайшему, будутъ любить Всеблагаго, возсылать Ему хваленія, и благословлять Его за всѣ Его благодѣянія. Они не будутъ довольны токмо тѣмъ, чтобы любить Его, но возвѣстятъ о Немъ всѣмъ народамъ во вселенной, и возжелаютъ наставить на путь истинный своихъ братьевъ, какъ скоро увидятъ ихъ гордостію или грубыми страстями приведенныхъ въ искушеніе оставить Возлюбленнаго. Малѣйшее охлажденіе любви заставитъ воздыхать ихъ. Они преплывутъ моря и достигнутъ предѣловъ земли, дабы преклонить народовъ заблудившихся въ путяхъ своихъ, и забывшихъ величіе Божіе, почитать и любить общаго Отца. Какъ назовете вы сіе, ежели не внѣшнимъ Богослуженіемъ? Тогда Богъ будетъ все во всемъ; тогда Онъ будетъ Царь, Отецъ, Душа вселенныя, и живой Законъ, въ сердцѣ человѣческомъ существующій. Тогда бы говорили токмо объ Немъ и для Него; совѣтовались бы съ Нимъ, вѣрили Ему и повиновались Его велѣніямъ. Ежели смертный Государь, или простой отецъ семейства привлекаетъ своею мудростію уваженіе и довѣренность чадъ своихъ, то ежечасно можно видѣть почести, кои воздаются его достоинствамъ; не должно спрашивать, гдѣ находится служеніе ему, и долженствуетъ ли ему оное. Все то, что дѣлается изъ уваженія къ нему, изъ повиновенія его волѣ и признательности къ его благодѣяніямъ, есть безпрерывное и очевидное

служеніе. И такЪ, что бы произошло, естьли бы всѣ люди были обладаемы любовію кЪ Богу? ИхЪ общество было бы торжественное Богослуженіе, подобное тому, какЪ описываютЪ служеніе блаженныхЪ на небесахЪ.

V. Надлежало бы, возразятЪ мнѣ, доказать, что сверхЪ любви и добродѣтелей, сЪ оною нераздѣльныхЪ, человѣкЪ обязанЪ Богу учрежденіемЪ правильныхЪ и публичныхЪ обрядовЪ поклоненія; но сіи обряды не суть что-либо существенное вЪ Религіи, которая состоитЪ вЪ добродѣтеляхЪ и любви. Оныя учреждены не какЪ существенный предметЪ ея, но единственно для того, чтобЪ имѣть знаки, служащіе кЪ ея изображенію, твердѣйшему впечатлѣнію вЪ насЪ самихЪ и сообщенію оныя другимЪ. Сіи обряды суть то же самое вЪ отношеніи кЪ Богу, что знаки уваженія для отца, коего дѣти поздравляютЪ, обнимаютЪ и коему ревностно служатЪ, — или для Государя, коего привѣтствуютЪ, возводятЪ на тронЪ, окружаютЪ извѣстнымЪ великолѣпіемЪ, дабы поразить воображеніе народа, и предЪ которымЪ повергаются на землю. Не очевидно ли, что люди, чувствами обладаемые и притомЪ слабаго разума, еще болѣе имѣютЪ нужды вЪ наружномЪ великолѣпіи, дабы вЪ душѣ ихЪ напечатлѣлось уваженіе кЪ величеству невидимому и всѣмЪ ихЪ страстямЪ противорѣчащему, нежели для того, чтобы они почитали величество видимое, которое помрачаетЪ слабое ихЪ зрѣніе и ласкаетЪ грубымЪ страстямЪ ихЪ. — Соглашаются вЪ необходимости придворнаго великолѣпія для Государя, и не хотятЪ признать безконечно превышающую необ-

ходимость онаго для Богослуженія. — Это значитъ не знать нужды людей, и останавливаться на постороннемъ, допустивъ существенное.

VI. И такъ мы видимъ, что всѣ народы, покланявшіеся какому-либо Божеству, утвердили свое поклоненіе на нѣкоторыхъ внѣшнихъ доказательствахъ, кои называются обрядами. Поелику въ нихъ находится внутренній смыслъ, то должно, чтобы внѣшность ихъ представляла оный и распространяла въ цѣломъ обществѣ. Родъ человѣческій до временъ Моисея дѣлалъ жертвоприношенія; Моисей учредилъ ихъ въ церкви Іудейской; Христіянская получила оныя отъ І. Христа. Пусть убиваютъ животныхъ, пусть сожигаютъ куренія и приносятъ въ жертву плоды земные, въ томъ нѣтъ нужды, лишь бы только люди имѣли знаки, посредствомъ коихъ могли бы свидѣтельствовать любовь ихъ къ Богу. Всѣ блага натуры суть дары Его: люди возвращаютъ Ему то, что отъ Него же получили, свидѣтельствуя симъ, что оныя суть Его благодѣянія. Посредствомъ сихъ знаковъ приводятъ себѣ на память величество Божіе и всѣ Его къ намъ милости; взаимно возбуждаютъ другъ друга молить Его, возсылать къ Нему хваленія и надѣяться на Него; и для того ищутъ извѣстной единообразности знаковъ, которая представляетъ единеніе сердецъ и отвращаетъ безпорядокъ въ общественномъ Богослуженіи. Когда сіи обряды не были еще учреждены Богомъ посредствомъ писанныхъ законовъ, то люди слѣдовали преданію, отъ начала міра касательно ихъ существовавшему; когда же Онъ учредилъ ихъ по законамъ писаннымъ, то мы

долженствуемъ соблюдать оныя нерушимо. — Самые Протестанты, которые столько критиковали наши церемоніи, не могли удержаться, чтобъ не возстановить у себя многое изъ оныхъ: толико-то справедливо, что люди имѣютъ въ нихъ нужду. Должны существовать обряды, не такіе, которые бы служили къ увеселенію и были подвержены перемѣнамъ, но которые вспомоществовали бы намъ входить въ самихъ себя и воспоминать благодѣянія Божіи. — Въ семъ-то состоитъ истинное Богослуженіе — и кто понимаетъ оное иначе, тотъ разумѣетъ его очень худо.

VII. Теперь остается токмо сравнить слѣдующіе два различные плана. Слѣдуя одному изъ нихъ, каждый исповѣдуетъ истиннаго Бога, покланяется Ему внутренно по своему собственному образу мыслей, не давая о семъ знать прочимъ людямъ; въ другомъ, всѣ имѣютъ общее Богослуженіе, посредствомъ коего каждый входитъ во внутренность своего сердца, питаетъ любовь свою, назидаетъ своихъ братьевъ, и возвѣщаетъ о Богѣ людямъ, которые Его не знаютъ, или которые Его забыли. Сколь сіе зрѣлище трогательно и любви достойно! Не ясно ли, что второй планъ несравненно достойнѣе Существа безконечно совершеннаго, и сообразнѣе съ нуждою людей, нежели первый. Ежели кто твердо рѣшится предпочитать Бога самому себѣ и носить бремя Господа, тотъ не замѣдлитъ въ выборѣ между сими двумя планами.

VIII. Дѣлаютъ возраженія, что Богъ безконечно выше человѣка, что между ими нѣтъ никакой соразмѣрности, что Онъ не имѣетъ

нужды въ нашемъ служеніи, и что наконецъ сіе служеніе воли ограниченной недостойно Существа, въ превосходной степени безконечнаго. — Справедливо, что Богъ не имѣетъ нужды въ нашемъ поклоненіи, безъ коего Онъ есть блаженъ, совершенъ и доволенъ Самимъ-Собою; но не смотря на сіе, Онъ можетъ хотѣть таковаго поклоненія, которое хотя несовершенно, не есть однакоже недостойно перваго Существа; и не можетъ быть, чтобъ Онъ насъ создалъ для другой какой-либо цѣли. Когда говорится о томъ, что прилично, или неприлично для безконечнаго Существа, то не должно стараться проникнуть сіе посредствомъ нашего слабаго и недальновиднаго разума. Конечное не можетъ понимать Безконечнаго, — и отъ самаго же Безконечнаго должно научиться тому, чего Оное можетъ хотѣть и не хотѣть. Но очевидность дѣйствія рѣшитъ: съ одной стороны мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что безконечное Существо даровало намъ бытіе; съ другой, ясно видимъ, что Оное при созданіи насъ не могло имѣть конца благороднѣйшаго и высочайшаго, какъ тотъ, чтобы содѣлать Себя нами познаваемымъ и любимымъ. — Безполезно говорить, что сіе познаніе и любовь, толико ограниченныя, суть конецъ, несоразмѣрный безконечному совершенству Божію. Но сколь бы ни былъ оной несовершенъ, при всемъ томъ есть, безъ сомнѣнія, совершеннѣйшій, какой токмо Богъ можетъ предположить Себѣ, творя человѣковъ. Дабы уничтожить трудность рѣшенія сей задачи, должно различать то, что тварь можетъ дѣлать, съ угожденіемъ, которое Богъ изъ сего извле-

каетъ. Дѣйствіе твари, которая познаетъ и любитъ Бога, должно быть по необходимости несовершенно, какъ и сама тварь, которая оное производитъ. Она есть всегда безконечно ниже Бога; дѣйствіе же познавать и любить Его есть благороднѣйшій и совершеннѣйшій способъ дѣйствовать, какой токмо Богъ можетъ извлечь изъ Своей твари и предположить Себѣ за конецъ Своего творенія. Естьли бы Богъ былъ не въ состояніи создать изъ ничего никакой твари иначе, какъ съ условіемъ произвести изъ нея нѣкоторое дѣйствіе, столь же совершенное, какъ и Божество, то бы Онъ никогда не могъ создать никакой твари: ибо нѣтъ ни одной, которая бы могла произвести дѣйствіе столь же совершенное, какъ Богъ. —

Не смотря на сіе, тѣмъ не менѣе несомнительно, что Богъ создалъ тварей изъ ничего: и такъ очевидно, что Онъ долженъ ограничиться извлеченіемъ изъ Своихъ тварей дѣйствія благороднѣйшаго и совершеннѣйшаго, какое токмо недостаточная натура ихъ могла произвести. Сіе же совершеннѣйшее дѣйствіе человѣческаго рода есть познаніе Бога и любовь къ Нему. То, что Богъ извлекаетъ изъ человѣка, можетъ быть токмо столь же несовершенное, какъ и самъ человѣкъ; но Богъ извлекаетъ изъ него то, что человѣкъ можетъ произвести совершеннѣйшаго: и сего довольно для исполненія порядка, что Богъ извлекаетъ изъ Своея твари то, что Онъ можетъ извлечь изъ нее лучшаго въ границахъ, въ коихъ утвердилъ оную. Тогда Онъ будетъ доволенъ Своимъ твореніемъ: Его могущество произвело то, чего требовала Его мудрость. —

Онъ будетъ любоваться Своимъ твореніемъ, и сіе самодовольствіе есть истинная цѣль Его. Но оное не различно отъ Него: и такъ, собственно говоря, Онъ Самъ есть Свой конецъ. Дѣйствіе конечное твари есть ничто иное, какъ предметъ Его самодовольствія: Онъ любуется собственною Своею мудростію; и сіе самодовольствіе есть безконечно совершенное, какъ Онъ Самъ, поелику есть безконечно справедливое и мудрое. —

IX. Мы не можемъ сомнѣваться, что люди не знаютъ Бога, и что многіе изъ нихъ Его не любятъ, или по крайней мѣрѣ не желаютъ любить Его. Но весьма извѣстно, что Богъ хотѣлъ содѣлать Себя познаваемымъ и любимымъ; ибо, ежели бы Онъ не хотѣлъ сообщить намъ познанія о Себѣ и любви къ Себѣ, то мы никогда бы не могли познавать Его и любить. Я спрашиваю: для чего Богъ даровалъ намъ сію способность познавать и любить Его, которая очевидно есть драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ Его даровъ? Согласился ли бы Онъ дать его намъ безъ всякой цѣли, случайнымъ образомъ, не хотѣвши, чтобъ мы дѣлали изъ него какое-либо употребленіе? — Мы получили отъ Него очи тѣлесныя, дабы видѣть свѣтъ солнечный: то можемъ ли мы вѣрить, чтобы Онъ далъ намъ очи разума, способныя созерцать вѣчную Его истину, не желая, чтобъ мы познавали оную? Я соглашаюсь, что мы не можемъ ни познавать, ни любить безконечно совершенство безконечное. Высочайшее наше познаніе пребудетъ всегда безконечно несовершеннымъ въ сравненіи съ Существомъ, безконечно совершеннымъ. Однимъ словомъ, хотя мы по-

знаемъ Бога, но никогда не можемъ понимать Его; познаніе же наше о Немъ есть такого рода, что мы говоримъ все то, что Онъ не есть, и приписываемъ Ему такія совершенства, кои для Него приличествуютъ, не страшась нисколько обмануться. Нѣтъ никакого другаго существа въ натурѣ, которое мы не могли бы различить отъ Бога: и мы знаемъ представлять Его съ принадлежащимъ ему характеромъ безконечнаго, которой есть единственъ и несообщаемъ. Должно, чтобъ мы знали Его весьма раздѣльно, поелику ясность понятія о Немъ принуждаетъ насъ предпочитать Его самимъ себѣ. Понятіе, которое достигаетъ даже до низверженія съ трона я, должно быть весьма могущественно надъ человѣкомъ ослѣпленнымъ и идолопоклонникомъ самаго себя. Никогда идея не была столь явно побѣждена, никогда идея не была столь побѣдоносна. Будемъ судить о ея силѣ по признанію, которое она изторгаетъ изъ насъ противъ нашей собственной воли. — Нѣтъ ничего столь удивительнаго, какъ то, что идея Бога находится въ основаніи самаго меня: это безконечное, содержащееся въ конечномъ. То, что я имѣю внутри себя, безконечно меня превышаетъ. Я не понимаю, какъ могу заключать сіе въ душѣ моей — и не смотря на то, я имѣю оное; а какъ уже имѣю, то безполезно было бы испытывать, какъ могу имѣть. Сія-то неизгладимая и непостижимая идея Божества дѣлаетъ меня Ему подобнымъ, не смотря на мое несовершенство и на мою низость. Какъ Оное познаетъ и любитъ Себя безконечно, такъ и я познаю и люблю Его соразмѣрно моимъ способ-

ностямъ. Я не могу иначе познавать безконечнаго, какъ познаніемъ конечнымъ, ни любить его другою любовію, какъ конечною же, подобно самому мнѣ; но я познаю его пмъ не менѣе, какъ безконечное, люблю его величайшею любовію, къ какой токмо оно содѣлало меня способнымъ, и желалъ бы не полагать никакихъ границъ моей любви къ совершенству неограниченному. Справедливо, повторяю я, что сіе познаніе и сія любовь не имѣютъ совершенства, равнаго ихъ предмету; но человѣкъ, которой познаетъ и любитъ Бога всѣми своими способностями познанія и любви, несравненно достойнѣе сего совершеннаго Существа, нежели тотъ, которой живетъ безъ Бога въ семъ мірѣ, не помышляя ни о томъ, чтобы Его познавать, ни о томъ, чтобы любить Его. — Вотъ два различные плана творенія Божія. Одинъ столь же достоинъ Его мудрости и Его благости, сколько возможно понимать ихъ; другой же напротивъ не токмо недостоинъ Божества, но и не имѣетъ никакого разумнаго конца: изъ сего удобно заключить, которому изъ сихъ двухъ способовъ Богъ слѣдовалъ въ твореніи.

X. Человѣкъ, унижая себя, ищетъ токмо независимости: сіе смиреніе столь же ложно, какъ и обманчиво. Хотятъ обмануть самихъ себя, увеличивая на словахъ свою низость, свое ничтожество и безконечную несоразмѣрность, которая находится между Богомъ и людьми, дабы свергнуть съ себя иго Божіе, и содѣлаться нѣкоторымъ малымъ Божествомъ собственнаго своего изобрѣтенія, удовлетворяя всѣмъ своимъ безпорядочнымъ страстямъ, и поставляя

себя центромъ всего, что ни окружаетъ ихъ. Восхищаются, поставляя Бога въ превосходствѣ, или несоразмѣрности безконечной, въ коей Онъ не удостоиваетъ ни наблюдать насъ, ни относить наши дѣянія къ Своей славѣ, ни принимать въ насъ участія, ни исправлять насъ, ни усовершенствовать, ни награждать, ни наказывать. Но не уже ли не видятъ, что безконечное разстояніе, между Богомъ и людьми находящееся, не воспрещаетъ Ему безпрестанно быть всѣмъ близь и внутри насъ, и что сіе-то самое совершенство, безконечно превышающее наше собственное, даетъ Ему возможность творить въ насъ все, и быть ближе къ намъ, нежели мы сами. Какъ же хотятъ, чтобы Тотъ, Который сотворилъ, что наши очи видятъ, уши слышатъ, нашъ разумъ познаетъ и наша воля любитъ, былъ невнимателенъ ко всему тому, что Онъ производитъ внутри насъ? Какъ можетъ Онъ не принимать участія въ томъ, что творить въ насъ печется каждую минуту? — Сія внимательность не стоитъ ничего безконечному разумѣнію и благости, въ коихъ все есть дѣйствіе и все покой. Мы желали бы воображать Бога столь удаленнымъ отъ насъ, столь возвышеннымъ и столь безразличнымъ въ своей высокости, что Онъ не удостоиваетъ бодрствовать надъ человѣками, и что каждый, не страшась Его взоровъ, можетъ жить безъ правилъ, слѣдуя своей гордости и страстямъ своимъ. Показывая, что возвышаютъ Бога, въ самомъ дѣлѣ унижаютъ Его; ибо, чрезъ таковое возвышеніе дѣлаютъ Его нечувствительнымъ ко благу и злу, къ порокамъ и

добродѣтелямъ Своихъ тварей, къ порядку и безпорядку міра, которой Онъ сотворилъ. Показывая самихъ себя унижающими, превращаютъ себя въ Божество, низпровергаютъ всякую подчиненность, позволяютъ себѣ всякое самовольство, и обѣщаютъ полную ненаказанность; хотятъ поставить себя выше даже собственнаго своего разума.

Сравните, повторяю я, сіи два плана, изъ коихъ одинъ представляетъ намъ Бога мудрымъ, благимъ, неусыпнымъ, Который разпоряжаетъ, исправляетъ, награждаетъ, Который хочетъ, чтобъ Его познавали, любили, повиновались Ему; другой представляетъ намъ Бога нечувствительнымъ къ нашему поведенію, не взирающимъ ни на пороки, ни на добродѣтели наши, ни на то, слѣдуютъ ли твари Его разуму, или нарушаютъ уставы онаго; Который оставляетъ человѣка на волю безсмысленной его гордости и скотскихъ его желаній, Который нерадитъ о немъ, создавши его, и не печется о томъ, чтобъ быть имъ познаваемымъ и любимымъ, хотя и даровалъ ему способность познавать и способность любить: — сравните сіи два плана, и я увѣренъ, что вы отдадите преимущество первому предъ вторымъ.

ГЛАВА II.

Душа человѣческая безсмертна.

Сей вопросъ не трудно будетъ изъяснить, какъ скоро приведемъ оный въ его границы, и отдѣлимъ отъ того, что простирается далѣе.

I. Справедливо, что душа человѣческая не есть существо самобытное, и такое, которое бы имѣло бытіе по необходимости; токмо одно находится Существо, Которое имѣетъ бытіе чрезъ Себя, и Которое сообщаетъ его, когда Ему угодно, всѣмъ прочимъ существамъ. Богъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ дѣйствіи, дабы уничтожить душу человѣка. Ему слѣдовало бы токмо остановить на одно мгновеніе Свою дѣятельность, посредствомъ коей Онъ продолжаетъ Свое твореніе каждую минуту, дабы погрузить ее опять въ бездну ничтожества, изъ котораго Онъ извлекъ ее, подобно какъ человѣкъ долженъ только раскрыть руку, чтобы заставить упасть камень, которой онъ держитъ на воздухѣ: онъ падаетъ тотчасъ по своей собственной тяжести. Вопросъ, которой можно сдѣлать сообразно съ разумомъ, совсѣмъ не въ томъ состоитъ, можетъ ли душа человѣческая быть уничтожена въ такомъ случаѣ, ежели Богъ сего хощетъ; очевидно, что сіе быть можетъ, и что для таковаго уничтоженія не нужно ничего, кромѣ воли Божіей.

II. Нужно знать, имѣетъ ли душа въ себѣ естественныя причины къ разрушенію, кои бы оканчивали ея существованіе по истеченіи нѣкотораго времени, и можно ли доказать философически, что она таковыхъ причинъ въ себѣ не имѣетъ. Вотъ доказательство сего отрицательное. Какъ скоро предположили различіе весьма существенное тѣла отъ души, то все удивительно въ ихъ соединеніи, и токмо посредствомъ идеи о могуществѣ Божіемъ можно понимать, какъ Онъ соединилъ и заставилъ дѣйствовать согласно сіи двѣ натуры, толико ме-

жду собою несходныя. Тѣла не мыслятъ: души не имѣютъ ни дѣлимости, ни протяженія, ни фигуры, и не облечены свойствами тѣлесными. Спросите каждаго благоразумнаго человѣка: мысль, существующая въ немъ, кругла, или четвероугольна, бѣла, или желта, горяча, или холодна, дѣлится на десять, или на двенадцать частей: сеи человѣкъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать вамъ основательно, будетъ смѣяться. Спросите его: атомы, изъ коихъ сложено его тѣло, умны, или глупы, познаютъ ли они самихъ себя, добродѣтельны ли они, имѣютъ ли между собою взаимную дружбу; атомы круглые больше ли имѣютъ разума и добродѣтели, нежели атомы четвероугольные: онъ будетъ опять смѣяться, и не можетъ вѣрить, чтобъ вы сіе говорили ему въ самомъ дѣлѣ. Продолжайте далѣе: предположите атомовъ такой формы, какой ему угодно; скажите ему, что сія форма утончаетъ ихъ постепенно до послѣдней точки, и спросите его: наступитъ ли наконецъ минута, въ которую сіи атомы, не имѣвши прежде никакого познанія, начнутъ вдругъ познавать себя, познавать все то, что ихъ окружаетъ, и говорить въ самихъ себѣ: я вѣрю сему, и не вѣрю тому; я люблю такой предметъ, и ненавижу другой. Сей человѣкъ увидитъ, что вы ему дѣлаете самые пустые вопросы: онъ будетъ смѣяться имъ, какъ метаморфозамъ, или самымъ вздорнымъ сказкамъ. Смѣхотворность сихъ вопросовъ доказываетъ совершенно, что ни одно свойство тѣлесное не входитъ въ понятіе, которое мы имѣемъ о духѣ, и никакое изъ свойствъ духа, или существа мыслящаго, не входитъ въ

понятіе, которое мы имѣемъ о тѣлѣ, или существѣ протяженномъ. Такимъ образомъ, когда дѣйствительное различіе и совершенное несходство натуры сихъ двухъ существъ будетъ утверждено, то совсѣмъ не должно удивляться, что ихъ соединеніе, которое не въ другомъ чемъ состоитъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ согласія, или взаимнаго соотношенія между мыслями одного и движеніями другаго, можетъ прерваться такъ, что ни одно изъ сихъ двухъ существъ не престаетъ имѣть бытіе; должно напротивъ удивляться, какъ два существа толико различной натуры могутъ пребывать нѣкоторое время въ семъ согласіи дѣйствій. По какой причинѣ дѣлаютъ заключенія, что одно изъ сихъ двухъ существъ долженствуетъ уничтожиться, какъ скоро ихъ соединеніе, столь мало для нихъ естественное, будетъ разрушено? Представимъ себѣ два тѣла совершенно одной натуры; раздѣлите ихъ: вы не разрушите ни того, ни другаго. Еще болѣе, бытіе одного никогда не можетъ доказать бытія другаго; и уничтоженіе другаго никогда не можетъ доказать уничтоженія перваго. Хотя полагаютъ ихъ во всемъ между собою подобными, но дѣйствительное ихъ различіе довольно къ тому, дабы доказать, что они никогда не бываютъ одно для другаго причиною бытія, или уничтоженія: поелику одно не есть другое, оное можетъ существовать, или быть уничтоженнымъ безъ сего другаго тѣла. Различіе между ими производитъ взаимную ихъ независимость. Ежели такимъ образомъ должно разсуждать о двухъ тѣлахъ, которыя раздѣляютъ, и которыя притомъ совершенно

одной натуры, то сколь по важнѣйшей причинѣ должно такимъ же образомъ разсуждать о духѣ и тѣлѣ, коихъ соединенiе не имѣетъ ничего естественнаго: толико-то ихъ натуры во всемъ между собою несходны. Съ одной стороны, прекращенiе соединенiя столь случайнаго сихъ двухъ натуръ не можетъ быть ни для той, ни для другой причиною уничтоженiя; съ другой, самое уничтоженiе одного изъ сихъ двухъ существъ никакимъ образомъ не бываетъ причиною уничтоженiя для другаго. Существо, которое не есть причина бытiя другаго существа, не можетъ быть причиною его уничтоженiя. И такъ очевидно, что раздѣленiе души и тѣла не можетъ произвести уничтоженiя ни того, ни другаго, и что самое уничтоженiе тѣла не можетъ нисколько способствовать къ уничтоженiю души.

III. Поелику соединенiе тѣла и души не въ другомъ чемъ состоитъ, какъ въ согласiи, или взаимномъ отношенiи между мыслями одной и движенiями другаго, то легко можно видѣть, что прекращенiе сего согласiя должно произвести. Согласiе таковое не есть натурально для сихъ двухъ существъ, толико между собою несходныхъ и столь независимыхъ одно отъ другаго. Токмо Богъ имѣлъ возможность, посредствомъ хотѣнiя, совершенно произвольнаго, подчинить оному два существа столь различныя въ натурѣ и дѣйствiи, дабы они дѣйствовали совокупно. Представьте себѣ, что хотѣнiе Божiе, совершенно произвольное и всемогущее, прекратилось: сiе согласiе, такъ сказать, столь принужденное, тотчасъ разрушится, подобно, какъ камень падаетъ по своей собственной па-

жести, какъ скоро рука не держитъ его болѣе на воздухѣ: каждая изъ сихъ двухъ частей возвращается въ свою природную независимость въ дѣйствіи, относительно къ другой. Изъ сего должно слѣдовать, что душа, вмѣсто того, чтобъ уничтожиться чрезъ таковое раздѣленіе, которое возвращаетъ оную въ природное ея состояніе, содѣлывается тогда свободною мыслить независимо отъ тѣлесныхъ движеній, такъ какъ я свободенъ идти одинъ, куда мнѣ угодно, какъ скоро меня развяжутъ съ другимъ человѣкомъ, съ которымъ вышняя власть содержала меня скованнымъ. Конецъ сего соединенія есть ничто иное, какъ разрѣшеніе и свобода, подобно какъ соединеніе есть принужденіе и совершенная неволя: тогда душа будетъ мыслить независимо отъ всѣхъ движеній тѣла, такъ какъ предполагаютъ въ Религіи Христіянской Ангеловъ, кои никогда не были соединены съ тѣлами, мыслящими на небесахъ. — И такъ, для чего же боятся уничтоженія души при таковомъ раздѣленіи, которое не можетъ произвести ничего другаго, кромѣ полной свободы ея мыслей?

IV. Тѣло съ своей стороны также не уничтожается: не находится ниже малѣйшаго атома, которой бы могъ погибнуть. То, что называютъ смертью, есть ничто иное, какъ простая разстройка органовъ: тончайшія частицы улетаютъ; машина разстроивается и разрушается. Но въ какое бы мѣсто разрушеніе или случай ни удалили остатки, никакая частичка никогда не престаетъ существовать, и всѣ Философы согласны въ семъ положеніи, что никогда во вселенной не случается уничтоженія даже

малѣйшаго и самаго непримѣтнаго атома. По какой же причинѣ боятся уничтоженія существа благороднѣйшаго и въ превосходной степени мыслящаго, которое мы называемъ душею? Какъ могутъ воображать, что тѣло, которое не уничтожается, истребляетъ душу, благороднѣйшую его, которая есть существо, для него постороннее и совершенно отъ него независящее? Раздѣленіе сихъ двухъ существъ не болѣе можетъ произвести уничтоженіе одного, какъ и другаго. Не противорѣчатъ тому, что никакой атомъ изъ тѣлеснаго состава не уничтожается въ минуту раздѣленія сихъ двухъ частей; для чего же ищутъ столь тщательно предлоговъ, дабы вѣрить, что душа, которая несравненно болѣе имѣетъ совершенства, уничтожается? Справедливо, что Богъ во всякое время довольно всемогущъ, дабы ее уничтожить, ежели это Ему угодно; но нѣтъ никакой причины думать, чтобы Онъ лучше хотѣлъ сіе сдѣлать во время раздѣленія отъ тѣла, нежели во время соединенія съ онымъ. Поелику то, что называютъ смертью, есть ничто иное, какъ простое разстройство частицъ, составляющихъ органы, то не льзя сказать, чтобы сіе разстройство происходило также въ душѣ, какъ и въ тѣлѣ. Душа, будучи существо мыслящее, не имѣетъ никакого тѣлеснаго свойства: въ ней не находится ни частей, ни фигуры, ни расположенія частей между собою, ни движенія, или перемѣны мѣста. Такимъ образомъ никакое разстройство не можетъ съ нею случиться. Душа, которая есть *я* мыслящее и желающее, есть существо простое, единое въ самомъ себѣ, и не-

дѣлимое. Никогда въ одномъ человѣкѣ не можетъ быть двухъ *я*, ни двухъ половинъ одного и того же *я*. Предметы достигаютъ къ душѣ посредствомъ разныхъ органовъ, кои производятъ въ ней различныя чувствованія; но всѣ сіи разные каналы сходятся къ единственному центру, гдѣ все соединяется. Центръ сей есть *я*, которое толико едино, что чрезъ него-то одно каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ истинное единство, и не составляетъ многихъ людей. Никакъ не льзя сказать о семъ *я*, которое мыслитъ и желаетъ, чтобы оно имѣло разныя части, вмѣстѣ соединенныя, такъ какъ тѣло сложено изъ членовъ, связанныхъ между собою. Сія душа не имѣетъ ни фигуры, ни протяженія, ни движенія мѣстнаго, ни цвѣта, ни теплоты, ни твердости и никакого другаго чувственнаго качества. Ее не видятъ, не слышатъ, не осязаютъ; и понимать о ней можно только то, что она мыслитъ и желаетъ, такъ какъ натура тѣла есть быть протяженнымъ, дѣлимымъ и образованнымъ. Какъ скоро предположили дѣйствительное различіе тѣла и души, то должно заключить, не останавливаясь, что душа не имѣетъ ни состава, ни дѣлимости, ни фигуры, ни расположенія частей, ни, слѣдовательно, устроенія органовъ. Тѣло, которое имѣетъ органы, можетъ потерять сіе расположеніе частей, перемѣнить фигуру и быть разстроеннымъ; но что касается до души, то она не можетъ потерять устроенія, котораго не имѣетъ, и которое совсѣмъ неприлично ея натурѣ.

V. Можно бы сказать, что поелику душа создана токмо для того, чтобъ быть соединен-

ною съ тѣломъ, то она собственно опредѣлена къ сему обществу, такъ что заимственное ея существованіе престаетъ, какъ скоро сообщеніе ея съ тѣломъ кончилось. Но предполагать, что душа создана такимъ образомъ, что бытіе ея ограничивается тѣмъ временемъ, въ которое она соединена съ тѣломъ, значитъ говорить безъ доказательствъ, говорить безъ основательности. Откуда взяли сію странную мысль, и по какому праву предполагаютъ оную, вмѣсто того, чтобы доказывать? Тѣло безъ сомнѣнія менѣе совершенно, нежели душа, поелику гораздо совершеннѣе мыслить, нежели не мыслить; не смотря на то, мы видимъ, что бытіе тѣла не ограничивается продолженіемъ времени соединенія его съ душею; послѣ того, когда смерть прерветъ сіе соединеніе, тѣло еще существуетъ даже въ малѣйшихъ частицахъ. Изъ сего происходятъ токмо два слѣдствія. — Первое, что тѣло раздѣляется и разстроивается: сего не можетъ случиться съ душею, которая есть проста, недѣлима, и не имѣетъ въ себѣ устроенія; второе, что тѣло не движется болѣе съ зависимостію отъ мыслей душевныхъ. Не должно ли заключить, что такимъ же образомъ, еще по сильнѣйшей причинѣ, душа продолжаетъ съ своей стороны существовать, и что она тогда начинаетъ мыслить независимо отъ движеній тѣлесныхъ. Дѣйствіе слѣдуетъ бытію, какъ всѣ Философы въ семъ согласны. Сіи два существа независимы одно отъ другаго какъ въ натурѣ своей, такъ и въ дѣйствіи. Какъ тѣло не имѣетъ нужды въ мысляхъ души, чтобъ быть движимымъ, такъ и душа не имѣетъ никакой нужды

въ движеніяхъ тѣла, чтобъ мыслить. Токмо случайнымъ образомъ сіи два существа, столь несходныя между собою и столь независимыя одно отъ другаго, принуждены дѣйствовать согласно; конецъ сего преходящаго общества позволяетъ дѣйствовать каждому сообразно его натурѣ, которая не имѣетъ никакого отношенія къ натурѣ другаго.

VI. Наконецъ, нужно знать: Богъ, Который властенъ уничтожить душу человѣка, или продолжать ея существованіе, хочетъ ли сего уничтоженія, или сохраненія? Нѣтъ никакой вѣроятности думать, чтобы Онъ хотѣлъ уничтожить души, Тотъ, Который не уничтожаетъ ниже малѣйшаго атома во вселенной; также нѣтъ ни малой вѣроятности, чтобы Онъ хотѣлъ уничтожить душу въ то мгновеніе, когда отдѣляетъ ее отъ тѣла: поелику она есть существо, совершенно чуждое сему тѣлу и независимое отъ него. А какъ сіе раздѣленіе есть ничто иное, какъ конецъ подчиненія души извѣстному согласію дѣйствій ея съ тѣломъ; то явно, что оно есть освобожденіе души, а не причина ея уничтоженія. Тѣмъ не менѣе должно признать, что мы обязаны вѣрить возможности сего уничтоженія, столь чрезвычайнаго, и которое столь трудно понимать, предполагая, что Богъ Самъ открылъ намъ сіе въ Своемъ словѣ. То, что зависитъ отъ Его воли отрѣшенной, не можетъ быть намъ иначе открыто, какъ чрезъ Него же самаго. Тѣ, которые хотятъ вѣрить смертности души противъ всякой правдоподобности, должны намъ доказать, что Самъ Богъ изрекъ сіе, дабы насъ въ томъ

увѣрить. Мы не обязаны доказывать имъ, что Богъ не хочетъ сего уничтоженія; довольно для насъ предположить, что душа человѣка, которая есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ существъ, извѣстныхъ намъ послѣ Бога, безъ сомнѣнія еще меньше должна потерять бытіе, нежели другія низкія существа, насъ окружающія; но нѣтъ примѣра, чтобы въ цѣлой вселенной, съ самаго сотворенія оной, уничтожился хотя малѣйшій атомъ: и такъ для насъ довольно предполагать, что душа человѣка есть, такъ какъ малѣйшій атомъ, внѣ всякой опасности быть уничтоженною. Вотъ предразсудокъ разумнѣйшій, самый основательный, самый рѣшительный. Ежели наши противники хотятъ лишить насъ онаго, то они должны сдѣлать сіе посредствомъ доказательствъ ясныхъ и основательныхъ; но никогда не могутъ успѣть въ семъ иначе, какъ представивъ намъ противъ его положительное объявленіе Самаго Бога. Поелику человѣкъ по всей вѣроятности долженъ мыслить въ пользу своего искренняго друга, такъ какъ онъ мыслитъ во всякомъ случаѣ въ пользу послѣднихъ между людьми, въ коихъ онъ наименѣе принимаетъ участія; то каждый имѣетъ право вѣрить, что онъ мыслитъ также о семъ искреннемъ другѣ, по крайней мѣрѣ тогда, ежели не объявляетъ сему противнаго. Еще болѣе: воля его, будучи свободна и совершенно безусловная, не иначе можетъ быть извѣстна, какъ чрезъ него же самаго. Когда я свободенъ выдти изъ моей комнаты, или оставаться въ ней, то мои домашніе отъ меня только могутъ узнать свободное рѣшеніе, которое я принялъ въ ту, или другую сторону.

Изъ сего явствуетъ, что наши противники долженствуютъ доказать намъ посредствомъ какого-либо объявленія со стороны Самаго Бога, что Онъ сдѣлалъ для души человѣческой изключеніе совершенно особенное изъ Своего всеобщаго закона, не уничтожать никакого существа; и сохранять бытіе даже малѣйшаго атома. И такъ пусть замолчатъ, или покажутъ намъ объявленіе Божіе о семъ изключеніи изъ Его всеобщаго закона.

VII. Мы представляемъ книгу, которая имѣетъ всѣ знаки Божественности, поелику она научила насъ познавать и любить выше всего истиннаго Бога. Въ сей-то книгѣ Богъ вѣщаетъ столь прилично Богу, изрекши: Я есмь Тотъ, Который есть, — ***иже есть Сый.*** Никакая другая книга не описываетъ Бога достойнымъ Его образомъ. Боги Гомеровы суть позоръ и посмѣяніе Божества. Книга, которой мы слѣдуемъ, показавъ Бога таковымъ, каковъ Онъ есть, научаетъ насъ единственному поклоненію, достойному Его. Не нужно умилостивлять Его кровію жертвъ; должно любить болѣе, нежели себя; должно любить себя не иначе, какъ для Него и Его любовію; должно отрещись себя для Него, и предпочитать Его волю нашей собственной; должно, чтобы Его любовь производила въ насъ всѣ добродѣтели, и не допускала ни одного порока. Это есть совершенное превращеніе сердца человѣческаго, коего человѣкъ никогда не могъ вообразить: онъ никогда бы не могъ изобрѣсти такой Религіи, которая не оставляетъ ему ни его мысли, ни его желанія, и которая заставляетъ его совершенно принадлежать другому.

даже тогда, когда предлагаютъ ему оную съ высочайшею властію, его разумъ не можетъ понимать ее, воля его возмущается, и раздражается самое его основаніе. Не должно сему удивляться; ибо нужно привести въ смятеніе человѣка, унизить *я*, разбить сего идола, возродить новаго человѣка, и поставить Бога на мѣстѣ нашего *я*, дабы содѣлать Его источникомъ и средоточіемъ всей любви нашей. Ежели человѣкъ вымыслитъ Религію, то оная будетъ отъ сей весьма различна: самолюбіе будетъ ея Авторомъ, и сдѣлаетъ ее совершенно для себя; сія же напротивъ не оставляетъ ему ничего. Не смотря на сіе, она толико справедлива, что то самое, что наиболѣе возмущаетъ насъ противъ ее, есть точно то, что наиболѣе должно убѣдить насъ въ ея истинѣ. Богъ есть все, Которому все принадлежитъ; тварь ничто, въ которомъ ничто не должно иначе пребывать, какъ въ Богѣ и для Бога. Всякая Религія, которая не достигаетъ до сего, недостойна Божества, нисколько не служитъ къ исправленію человѣка, и носитъ на себѣ характеръ ложности, совершенно очевидной. На землѣ находится токмо одна оригинальная книга, которая поставляетъ Религію въ томъ, чтобъ любить Бога больше, нежели себя, и отрещись себя для Него; другія же, кои повторяютъ сію великую истину, извлекли оную изъ сей книги. Всякая истина показана намъ въ сей основной истинѣ. Книга, которая такимъ образомъ научила міръ познавать всячество Бога, ничтожество человѣка и служеніе Любви, не можетъ быть какая нибудь другая, какъ не Божественная. Или нѣтъ ни-

какой Религіи, или сія есть истинная. Далѣе: сія книга, столь превосходная по своему ученію, наполнена пророчествами, коихъ совершеніе очевидно предъ лицемъ цѣлаго міра, какъ-то отриновеніе Іудейскаго народа, и призваніе народовъ языческихъ къ поклоненію истинному Богу посредствомъ Мессіи. Съ другой стороны, она засвидѣтельствована безчисленными чудесами, содѣланными публично, въ разныхъ вѣкахъ и при глазахъ величайшихъ непріятелей Религіи. Наконецъ, она произвела все то, что въ ней сказано: она перемѣнила лице земли; она населила степи пустынниками, кои были Ангелы въ смертномъ тѣлѣ; она заставила процвѣтать даже въ самомъ нечестивомъ и развратнѣйшемъ мірѣ добродѣтели весьма трудныя и любви достойнѣйшія; она убѣдила человѣка, идолопоклонника самаго себя, считать себя за ничто, и любить единственно Существо невидимое. Таковая книга должна быть почитаема за снизшедшую съ небесъ на землю. Въ ней-то Богъ объявляетъ намъ истину, которая уже сама по себѣ толико вѣроятна. Тотъ же самый всеблагій и всемогущій Богъ, Который единъ могъ бы отнять у насъ вѣчную жизнь, обѣщаетъ намъ оную, — и надеждою сей жизни безконечной Онъ убѣдилъ толико мучениковъ презирать жизнь краткую, непостоянную и презрѣнную тѣлъ ихъ.

VIII. Не натурально ли, что Богъ, Который испытываетъ въ сей краткой жизни каждаго человѣка относительно къ порокамъ и добродѣтели, и Который часто оставляетъ нечестивыхъ продолжать со благопоспѣшеніемъ пути ихъ, между тѣмъ какъ праведники живутъ и

умираютъ въ скорби и презрѣніи, — сохраняетъ для другой жизни наказанія однимъ и награду другимъ? — Сему-то научаетъ насъ Божественная книга. Чудесное и утѣшительное сходство между пророчествами Писанія и истиною, напечатлѣнною въ нашемъ собственномъ основаніи! — Все согласно: Философія, высочайшая достовѣрность обѣтованій и внутреннее чувство истины въ сердцахъ нашихъ.

Откуда же происходитъ, что люди столь непокорны и столь недовѣрчивы въ разсужденіи пріятной новости о ихъ безсмертіи? Нечестивые говорятъ имъ, что они безнадежны, и что въ теченіи малаго числа дней долженствуютъ быть поглощены бездною ничтожества; они симъ утѣшаются — они торжествуютъ о своемъ близкомъ разрушеніи, они, которые любятъ себя съ толикимъ изступленіемъ; они восхищаются симъ ученіемъ, ужаса исполненнымъ — и имѣютъ склонность къ отчаянію. Другіе говорятъ имъ, что они имѣютъ средство для пріобрѣтенія вѣчной жизни — и они негодуютъ противъ сего средства; оное раздражаетъ ихъ: боятся быть имъ убѣждены, и обращаютъ всю свою тонкость къ тому, чтобъ издѣваться надъ сими рѣшительными доказательствами. Они лучше хотятъ погибнуть, предаваясь безумной своей гордости и скотскимъ страстямъ своимъ, нежели жить вѣчно, противоборствуя самимъ себѣ, дабы слѣдовать добродѣтели. — О чудовищное бѣшенство! о нелѣпое самолюбіе, которое возстаетъ противъ самаго себя! О человѣкъ, содѣлавшійся врагомъ самому себѣ, по причинѣ любви къ себѣ, правилъ неимѣющей! —

ГЛАВА III.

О свободѣ воли человѣческой.

Сей вопросъ будетъ тотчасъ рѣшенъ, ежели станутъ изслѣдовать оный съ таковою же умѣренностію и столь же воздержно, какъ обыкновенно разсматриваютъ всѣ вопросы, коихъ рѣшеніе весьма нужно въ жизни человѣческой.

I. Не нужно изслѣдовать, могъ ли Творецъ создать человѣка, не давъ ему свободы, и принудивъ хотѣть всегда добра, какъ предполагаютъ въ Христіянствѣ, что блаженные на небесахъ безпрестанно находятся въ необходимости любить Бога. Кто можетъ сомнѣваться, что Богъ имѣетъ полную власть создать человѣка непосредственно въ семъ состояніи, и утвердить его въ ономъ навсегда?

II. Я признаюсь, что невозможно доказать ни по натурѣ души нашей, ни посредствомъ правилъ высочайшаго порядка, что Творецъ не могъ привести весь родъ человѣческій въ сіе состояніе блаженной и святой необходимости. Должно согласиться, что въ Богѣ существуетъ токмо воля совершенно свободная и отрѣшенная, которая опредѣлила создать человѣка свободнымъ, то есть исключеннымъ изъ всякой необходимости, не утверждая его въ счастливомъ принужденіи хотѣть всегда добра.

III. Внутреннее убѣжденіе, которое мы безпрерывно чувствуемъ о нашей свободѣ, есть то, что рѣшитъ въ семъ случаѣ. Разумъ нашъ состоитъ не въ другомъ чемъ-либо, какъ въ нашихъ ясныхъ идеяхъ. Мы не можемъ ничего

инаго дѣлать, какъ внимательно совѣтоваться съ ними, дабы заключить, что такое-то предложеніе истинно, или ложно. Не отъ насъ зависитъ вѣрить, что *да* есть *нѣтъ*, что кругъ есть треугольникъ, что долина есть гора, что ночь есть день. Откуда происходитъ, что для насъ совершенно невозможно смѣшивать сіи вещи? — Отъ того, что упражненіе разума состоитъ единственно въ совѣтованіи съ нашими идеями, и что идея круга совершенно различна отъ идеи треугольника, идея долины изключаетъ идею горы, и понятіе дня противоположно понятію ночи. Разсуждайте, сколько вамъ угодно, но я не повѣрю, чтобъ вы могли выдумать основательное сомнѣніе противъ какой-либо изъ вашихъ ясныхъ идей. Вы никогда не судите ни о какой изъ нихъ, но судите токмо посредствомъ ихъ, и они-то суть непремѣнное правило всѣхъ вашихъ сужденій. Вы обманываетесь единственно отъ того, что не совѣтуетесь съ ними съ надлежащею точностію. Ежели вы не утверждаете ничего, кромѣ того, что они вамъ представляютъ, и не отвергаете ничего, какъ то; что они яснымъ образомъ изключаютъ; то вы никогда не впадете ниже въ малѣйшее заблужденіе: вы будете подозрѣвать ваше сужденіе, какъ скоро идея, съ коею его сравниваете, покажется вамъ недовольно ясною — и вы никогда не покоритесь иначе, какъ токмо неоспоримой очевидности. И такъ я повторяю: все упражненіе разума состоитъ въ сравненіи идей между собою. — Тѣ, которые умозрительно отвергаютъ сіе правило, не понимаютъ самихъ себя, и по необходимости без-

престанно слѣдуютъ на практикѣ тому, что отвергаютъ въ умозрѣніи. Положивъ основное начало всякаго разума, я утверждаю, что свобода нашей воли есть одна изъ сихъ истинъ, въ коихъ соглашается каждый человѣкъ, ежели онъ не упорствуетъ противъ столь ясной идеи, коей очевидность неопровергаема. Можно спорить на словахъ и пристрастно противъ сей истины, такъ какъ Пирроники смѣшнымъ образомъ спорили о истинѣ собственнаго ихъ бытія, дабы имѣть право сомнѣваться во всемъ безъ изключенія; но о тѣхъ, кои не признаютъ свободы воли, можно сказать то же самое, что было сказано о Пиррроникахъ: это секта не Философовъ, но лжецовъ. Они тщеславятся сомнѣніемъ, хотя сомнѣніе нисколько не состоитъ въ ихъ власти. Всякой благоразумный человѣкъ, которой совѣтуется съ собою и обращаетъ вниманіе на себя, носитъ во внутренности своего сердца неоспоримое рѣшеніе въ пользу своей свободы. Понятіе объ оной представляетъ намъ, что человѣкъ тогда токмо виновенъ, когда онъ дѣлаетъ то, что бы могъ и не дѣлать, то есть въ томъ, что онъ дѣлаетъ по избранію собственной своей воли, не будучи къ сему принужденъ неизбѣжно и неоспоримо какою-либо другою причиною, различною отъ его воли. Вотъ, говоритъ Св. Августинъ, истина, для изъясненія которой не нужно углубляться въ книжныя разсужденія. О семъ-то вѣщаетъ природа; сіе-то напечатлѣно въ сердцахъ нашихъ по благости натуры; сіе-то есть яснѣе солнца; сіе-то знаютъ всѣ люди, начиная со школы, въ которой дѣти учатся читать, даже до престола мудраго Соломона;

сіе - то пастухи воспѣваютъ на горахъ; сему-то Епископы поучаютъ въ священныхъ книгахъ, и сіе-то родъ человѣческій возвѣщаетъ въ цѣлой вселенной.

Сомнѣніе о свободѣ не можетъ быть чистосердечнѣе и основательнѣе сомнѣнія о бытіи тѣлъ, насъ окружающихъ. Въ спорахъ воображеніе разгорячается; обманываютъ самихъ себя, думая быть увѣренными въ томъ, что сомнѣваются, и запутываютъ пустыми софизмами самыя ощутительныя истины; — но въ жизни предполагаютъ свободу, также какъ предполагаютъ, что имѣютъ руки, ноги, тѣло, и что окружены другими тѣлами, на мѣстѣ коихъ не льзя поставить своего. Разсуждайте сколько вамъ угодно о вашихъ ясныхъ идеяхъ; должно или слѣдовать имъ, не страшась быть обманутымъ, или сдѣлаться совершеннымъ Пирроникомъ. Всеобщее сомнѣніе недоказуемо даже и тогда, ежели бы наши ясныя идеи должны были насъ обманывать. Безполезно разсуждать о томъ, слѣдуемъ ли мы имъ, или не слѣдуемъ. Ихъ очевидность неоспорима: она увлекаетъ наше сужденіе; и ежели они насъ обманываютъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы по непремѣнной необходимости должны быть обмануты. Въ семъ случаѣ не мы сами обманываемъ себя, а могущество, превышающее наше собственное, которое насъ обманываетъ, и которое предаетъ насъ заблужденіямъ. Что можемъ мы другое дѣлать, ежели не слѣдовать нашему разуму? И естьли онъ самъ насъ обманываетъ, то кто выведетъ насъ изъ обмана? Имѣемъ ли мы въ себѣ начало, вышшее даже наше-

го разума, которымъ руководствуясь, могли бы не довѣрять ему, и исправлять его? Сей разумъ ограничивается нашими идеями, съ коими мы совѣтуемся, и вмѣстѣ сравниваемъ ихъ между собою. Можемъ ли мы посредствомъ однихъ нашихъ идей привести въ сомнѣніе самыя идеи наши? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Мы можемъ весьма подозрѣвать наше сужденіе, когда сіи идеи темны, и когда темность ихъ оставляетъ насъ въ подозрѣніи; но когда они столь ясны, какъ сія истина: *дважды два составляютъ четыре*, то сомнѣніе въ семъ случаѣ было бы не употребленіе разума, но безуміе. Ежели слѣдовать разуму, которой по своей очевидности увлекаетъ насъ безъ сопротивленія, значитъ обманываться, то изъ сего можно заключить, что Существо безконечно совершенное насъ обманываетъ, и что Оно неправосудно. Мы исполняемъ свою должность, позволяя себя обманывать, и безразсудно будетъ сопротивляться очевидности, которая наконецъ покорила бы насъ, не смотря на всѣ наши тщетныя покушенія ей противорѣчить; и я утверждаю съ Св. Августиномъ, что наша свобода воли и ежедневные ея опыты суть столь убѣдительной и неоспоримой очевидности, что ни одинъ человѣкъ, ежели онъ не бредитъ, не можетъ сомнѣваться объ ней въ самомъ дѣлѣ.

IV. Перейдемъ къ примѣрамъ, болѣе извѣстнымъ, которые представятъ сію истину ощутительнымъ образомъ. Покажите мнѣ человѣка, коего почитаютъ глубокимъ Философомъ, и которой отвергаетъ свободу воли: я не стану съ нимъ спорить, но приведу его къ испытанію въ самыхъ общихъ случаяхъ жизни, дабы

смѣшать его въ собственныхъ его поступкахъ. Я предполагаю, что жена сего человѣка ему невѣрна, что его сынъ ему не повинуется и презираетъ его, что его другъ ему измѣняетъ, что его слуга его окрадываетъ; когда онъ будетъ на сіе жаловаться, я скажу ему: развѣ вы не знаете, что никто изъ нихъ не поступилъ противъ васъ несправедливо, что они не свободны поступать другимъ образомъ, и что по собственному вашему мнѣнію они столь же необходимо принуждены хотѣть того, чего хотятъ дѣйствительно, какъ камень принужденъ бываетъ падать, когда его не держатъ болѣе на воздухѣ? — Повѣрите ли вы, что сей человѣкъ приметъ таковую причину въ оправданіе? Думаете ли вы, что онъ извинитъ невѣрность своей жены, дерзость и неблагодарность своего сына, измѣну своего друга и воровство своего слуги? Несправедливо ли, что сей странный Философъ, которой осмѣливается отвергать свободу воли въ школѣ, предполагаетъ ее за несомнительную въ собственномъ своемъ домѣ, и что онъ будетъ не менѣе неумолимъ противъ сихъ людей, какъ будто бы во всю свою жизнь утверждалъ догматъ величайшей свободы. И такъ очевидно, что сія философія въ семъ случаѣ не одинакова, и что она сама себя изобличаетъ во лжи безъ всякаго стыда. Далѣе, скажите сему человѣку, что публика осуждаетъ его въ такомъ поступкѣ, которой почитается несправедливымъ: онъ будетъ вамъ отвѣчать въ оправданіе себя, что онъ былъ несвободенъ избѣжать сего поступка; и нисколько не будетъ сомнѣваться, чтобы онъ не былъ оправданъ предъ лицемъ цѣлаго міра,

поелику доказываетъ, что онъ дѣйствовалъ не по избранію, но по чистой необходимости. — И такъ вы видите, что сей воображаемый непріятель свободы воли человѣческой доведенъ до того, чтобы предполагать ее въ самомъ дѣлѣ даже тогда, когда показываетъ себя оной непріемлющимъ.

V. Справедливо, что находятся нѣкоторыя дѣйствія, коихъ мы несвободны производить, и которыхъ по необходимости не можемъ избѣжать. Тогда мы не имѣемъ никакого побужденія, или причины хотѣть, которая бы могла дѣйствовать на наше разумѣніе, заставить подозрѣвать его, и принудить насъ вступить въ основательное разсужденіе, дабы знать, прилично ли сдѣлать такой-то поступокъ, или уклониться отъ онаго. Такимъ образомъ человѣкъ, здравый тѣломъ и душею, добродѣтельный и благочестія исполненный, несвободенъ броситься въ окно, бѣжать нагой по улицамъ и убить дѣтей своихъ. Въ семъ положеніи онъ не можетъ имѣть никакой причины хотѣть произвести сіи дѣйствія, ни предмета къ размышленію, ни дѣйствительной нерѣшимости воли въ разсужденіи сего. И такъ онъ несвободенъ сдѣлать таковыхъ поступковъ. Онъ долженствовалъ бы для сего имѣть какую-либо безразсудную меланхолію, или отчаяніе, подобное отчаянію нѣкоторыхъ язычниковъ, которое могло бы повергнуть его въ таковую крайность; но какъ мы чувствуемъ въ себѣ истинную невозможность произвести дѣйствія столь безумныя въ то время, когда имѣемъ употребленіе нашего разума, то напротивъ ощущаемъ, что мы свободны въ от-

ношеніи ко всѣмъ намѣреніямъ, о которыхъ размышляемъ основательно. — Въ самомъ дѣлѣ, весьма смѣшно было бы разсуждать, естьли бы мы не могли избирать, и были всегда по необходимости принуждены слѣдовать одному только намѣренію. Не смотря на сіе, мы разсуждаемъ очень часто, и не можемъ сомнѣваться, чтобъ наши разсужденія не были весьма хорошо основаны, всякой разъ, когда они обращаются на многія намѣренія, кои всѣ имѣютъ свою наружность добра, и свое побужденіе, дабы привлечь насъ. И такъ должно или вѣрить, что вся жизнь человѣческая проходитъ совершенно въ сонномъ мечтаніи, и въ разсужденіяхъ, кои суть ничто иное, какъ дѣтская игра, или лучше заключить, что мы свободны въ общихъ случаяхъ, когда весь родъ человѣческій разсуждаетъ и думаетъ рѣшить. Такимъ образомъ я назначаю самому себѣ встать, или остаться сидящимъ, молчать, или говорить, отложить мой обѣдъ, или не откладывать его. Въ таковыхъто вещахъ невозможно человѣку сомнѣваться основательно о дѣйствіи своей воли.

VI. Должно еще допустить, что человѣкъ несвободенъ ни въ разсужденіи блага, взятаго вообще, ни въ разсужденіи верховнаго блага, яснымъ образомъ познаваемаго. Свобода состоитъ въ нѣкоторомъ родѣ равновѣсія воли между двумя сторонами. Человѣкъ можетъ токмо избирать между предметами, кои достойны нѣкотораго выбора и какой-либо любви сами по себѣ, и которые имѣютъ взаимный перевѣсъ между собою. Надлежитъ, чтобы съ той и съ другой стороны находились причины истинныя, или ка-

жущіяся таковыми, къ тому, чтобы хотѣть — и сіи-то причины называются побужденіями. Но токмо блага, истинныя или видимыя, могутъ возбуждать желаніе: ибо зло, поколику оно зло, безъ всякой примѣси добра, есть ничто, лишенное всякой привлекательности. И такъ должно, чтобъ испытаніе свободы было основано на нѣкоторомъ родѣ перевѣса между различными предложенными благами. Должно, чтобъ разумѣніе и воля были въ равновѣсіи между сими благами, истинными или видимыми. Но очевидно, что когда вы положите съ одной стороны вѣсовъ благо, разсматриваемое вообще, то есть цѣлость благъ безъ исключенія, то не можете положить ничего съ другой стороны, кромѣ ничтожества всякаго блага, и что воля не можетъ сдѣлать никакой отсрочки въ своемъ рѣшеніи, ни избирать въ самомъ дѣлѣ между всѣмъ и ничѣмъ. Далѣе, ежели предполагаютъ верховное благо присутствующимъ и ясно познаваемымъ, то не должно противополагать ему никакого другаго блага, которое бы дѣлало перевѣсъ. Безконечное безъ сомнѣнія увлечетъ равновѣсіе, будучи положено противъ конечнаго. Несоразмѣрность между ими безконечна. Разумѣніе не можетъ ни сомнѣваться, ни медлить, ни остановить хотя нѣсколько свое рѣшеніе; воля же будетъ возхищена и увлечена. Размышленіе въ семъ случаѣ не было бы размышленіе; это будетъ безуміе, а безуміе невозможно въ состояніи, когда предполагаютъ высочайшую истину и доброту весьма ясно познаваемою. И такъ невозможно медлить въ избраніи верховнаго блага, какъ токмо тогда, ежели знаютъ его по-

верхностно, несовершенно и смѣшаннымъ образомъ, познаніемъ такимъ, которое унижаетъ его даже до того, что сравниваетъ его съ благами, кои суть безконечно его ниже. Тогда темность сего великаго предмета, и отдаленность, въ коей мы его созерцаемъ, производитъ нѣкоторое вознагражденіе за малость предмета конечнаго, которой есть настоящій и ощутительный. Въ семъ-то ложномъ равенствѣ человѣкъ размышляетъ, избираетъ и испытываетъ свою свободу между двумя благами, безконечно неравными. Но ежели бы верховное благо показало себя вдругъ очевидно, со всѣми своими безконечными и всемогущими прелестями, то овое тотчасъ бы возхитило всю любовь нашу, и принудило изчезнуть всякое другое благо, подобно какъ ясный день разсѣваетъ мраки ночные. Для сего довольно видѣть, что въ теченіе сей жизни большая часть благъ, кои намъ представляются, суть или столь посредственны сами по себѣ, или столь помрачены, что они поставляютъ насъ въ возможности ихъ сравнивать. Посредствомъ сего-то сравненія мы размышляемъ, дабы избирать; а когда размышляемъ, то чувствуемъ по внутреннему сознанію, что мы свободны въ выборѣ, поелику видъ каждаго изъ сихъ благъ не довольно могущественъ къ тому, дабы разрушить всякое противовѣсіе, и увлечь непобѣдимо нашу волю. Въ семъ-то перевѣсѣ противоположныхъ благъ испытывается свобода воли человѣческой.

VII. Отымите свободу, вся жизнь человѣческая будетъ превращена, и вы не найдете болѣе никакого слѣда порядка въ обществѣ. Ежели

люди несвободны въ томъ, что они дѣлаютъ хорошо, или худо, то благо не есть болѣе благо и зло не есть болѣе зло. Ежели неизбѣжная и неоспоримая необходимость заставляетъ насъ хотѣть всего того, чего мы хотимъ дѣйствительно, то наша воля не болѣе подлежитъ отвѣту въ ея хотѣнiи, какъ пружина въ какой-либо машинѣ подлежитъ оному въ движенiи, которое для нея необходимо и неизбѣжно ей предписано. Въ семъ случаѣ смѣшно будетъ обвинять волю, которая хочетъ не иначе, какъ тогда, когда другая причина, отличная отъ оной, заставляетъ ее хотѣть. Должно возходить прямо къ сей причинѣ, такъ какъ я дохожу до руки, которая подымаетъ палку, чтобы меня ударить, не смотря на палку, которая ударяетъ меня не иначе, какъ тогда, ежели сiя рука ее опуститъ. Еще повторяю, отымите свободу — вы не оставите на землѣ ни порока, ни добродѣтели, ни достоинства. Награды будутъ смѣшны, а наказанiя несправедливы и ненавистны. Каждый дѣлаетъ то, что онъ долженъ дѣлать, поелику каждый дѣйствуетъ по необходимости. Не должно ни избѣгать того, что неизбѣжно, ни побѣждать того, что невозможно побѣдить. Все въ порядкѣ, поелику это есть порядокъ, чтобы все уступало необходимости. Что можетъ быть болѣе страннаго, какъ противорѣчить своимъ собственнымъ идеямъ, то есть, гласу разума, и упорствовать въ защищенiи того, что принуждены безпрестанно признавать за ложь на самомъ дѣлѣ, дабы утвердить ученiе, которое разрушаетъ всякой порядокъ и всякое благочинiе, которое

смѣшиваетъ порокъ и добродѣтель, которое одобряетъ всякое безчестіе, погашаетъ всякой стыдъ и всякое угрызеніе, унижаетъ и обезображиваетъ безвозвратно весь родъ человѣческій. — Для чего хотятъ такимъ образомъ заставить молчать гласъ разума? Дабы свергнуть иго Вѣры, и ссылаться на притворную немощь въ пользу порока противъ добродѣтели. Токмо гордость и страсти самыя безпорядочныя могутъ довести человѣка до столь чрезвычайнаго изступленія и вражды противъ собственнаго его разума. Но сіе самое излишество должно открыть глаза тому, кто впалъ въ оное. Человѣкъ не долженъ ли не довѣрять своему испорченному сердцу, и не принимать самаго себя судьею, какъ скоро онъ замѣтитъ, что необузданная склонность къ злу доводитъ его даже до того, что онъ противорѣчитъ самому себѣ, и отвергаетъ собственную свою свободу, которую внутреннее убѣжденіе доказываетъ ему ежеминутно. — Ученіе столь безобразное и столь заносчивое — какъ говоритъ Цицеронъ о ученіи Епикурейцевъ — заслуживаетъ не того, чтобъ быть преподаваемымъ въ школѣ, но достойно быть наказаннымъ Правительствомъ.

VIII. Философы вопрошаютъ, какимъ образомъ случилось, что Существо, безконечно совершенное, Которое по своей натурѣ стремится всегда къ высочайшему совершенству Своего творенія, могло создать волю свободную, то есть оставленную собственному ея выбору между благомъ и зломъ, между порядкомъ и нарушеніемъ порядка? Для чего оставило Оно существа, сею волею одаренныя, собственной ихъ слабости, предвидя, что упо-

требленіе, которое они сдѣлаютъ изъ сего дара, будетъ то, чтобы погубить себя и привести въ безпорядокъ все твореніе Божества?

Я отвѣчаю: то, что хотятъ опровергнуть, есть неоспоримо. Вопервыхъ признаютъ, что находится Существо безконечно совершенное, Которое создало родъ человѣческій; вовторыхъ, цѣлая натура вопіетъ, что наша воля свободна. Пусть мнѣ покажутъ человѣка, которой не имѣетъ стыда отвергать свободу воли; я заставлю его утверждать оную тридцать разъ въ день во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ; истина вырвется изъ него противъ его воли: толико-то онъ исполненъ ею даже въ то время, когда стремится опровергать ее. И такъ очевидно, что Существо безконечно совершенное создало насъ съ свободною волею. Дѣйствіе, очевидное какъ день, есть рѣшительное. Можно выдумывать тонкости, дабы доказать, что Существо безконечно совершенное не могло вложить сего несовершенства и сего источника безпорядка въ Свое твореніе. Отвѣтъ на сіе коротокъ и рѣшителенъ. Существо безконечно совершенное знаетъ несравненно лучше, нежели мы, то, что прилично безконечному Его совершенству. Но очевидно, что человѣкъ, которой есть Его твореніе, свободенъ, и сего не могутъ отвергать, не противорѣчивъ собственному своему разуму. Слѣдовательно Существо безконечное усмотрѣло, что свобода воли человѣческой можетъ быть соглашена съ безконечнымъ совершенствомъ Творца. И такъ должно, чтобъ разумѣніе конечное молчало и смирялось, когда Существо безконечное рѣшитъ на самомъ дѣлѣ всякой вопросъ;

безъ сомнѣнія Оно не нарушило порядка. Поелику же Оно создало человѣка свободнымъ, — ибо человѣкъ не можетъ самъ по себѣ заставить молчать гласъ своего сердца о свободѣ — то изъ сего слѣдуетъ, что Творецъ могъ создать человѣка свободнымъ безъ нарушенія порядка. Ежели ограниченный разумъ человѣческій не можетъ понимать, какъ сія свобода, источникъ всякаго безпорядка, можетъ согласоваться съ высочайшимъ порядкомъ въ твореніи Божіемъ, то человѣкъ долженъ токмо смиренно вѣрить тому, чего не понимаетъ; самый его разумъ содержитъ его въ безпрерывной подчиненности сей истинѣ, посредствомъ неизгладимаго впечатлѣнія о его свободѣ. — Даже тогда, ежели онъ не можетъ постигнуть собственнымъ своимъ разумомъ какую-либо истину, въ которой самый сей разумъ не допускаетъ никакого сомнѣнія, то должно разсматривать оную также, какъ и многія другія истины естественнаго порядка, коихъ не льзя ни изъяснить, ни подвергнуть основательному сомнѣнію, какъ на примѣръ истина матеріи, которую невозможно предполагать ни сложенною изъ атомовъ, ни дѣлимою до безконечности, не подвергнувшись непреодолимымъ трудностямъ.

IX. Находится чрезмѣрная разность между совершенствомъ Художника и его творенія. Художникъ не можетъ ничего сдѣлать иначе, какъ съ совершенствомъ безконечнымъ, поелику онъ не можетъ никогда себя унизить, и ничего потерять изъ того, что онъ есть; но твореніе безконечно совершеннаго Художника не можетъ имѣть совершенства другаго, кромѣ конечнаго. Естьли

бы твореніе имѣло совершенство безконечное, то оное было бы самъ Художникъ: поелику нѣтъ ничего, кромѣ единаго Бога, что бы могло быть безконечно совершеннымъ. Ничто не можетъ съ Нимъ равняться, и ничто не можетъ существовать иначе, какъ въ безконечно низшей Его степени; изъ сего должно заключить, что, не смотря на Его всемогущество, Онъ не можетъ ничего произвести внѣ Себя, что бы не было безконечно несовершенно, то есть, безконечно ниже Его верховнаго совершенства. Дабы понимать то, какъ Творецъ могъ производить внѣ Себя; должно представлять Его себѣ какъ бы разсматривающимъ безконечныя степени совершенства, ниже Его собственнаго находящіяся. На какой бы степени Онъ ни остановился, но всегда находитъ безконечныя, возходя отъ нея къ Себѣ, и низходя къ ней отъ Себя. И такъ Онъ не можетъ утвердить Своего творенія ни въ какой степени такимъ образомъ, чтобы оное не было въ безконечномъ неравенствѣ въ отношеніи къ Нему. Всѣ сіи различныя степени болѣе или менѣе возвышены одни предъ другими: но всѣ находятся безконечно ниже Верховнаго Существа. И такъ явно обманываются, воображая, что Существо безконечно совершенное долженствуетъ самому себѣ, для сохраненія своего совершенства и своего порядка, утвердить свое твореніе въ наивеличайшемъ порядкѣ и высочайшей степени совершенства, какую токмо оно могло даровать ему; совсѣмъ напротивъ извѣстно, что Богъ не можетъ поставить никогда и никакого творенія на извѣстной степени совершенства; такъ чтобы Онъ не могъ поставить

его на другой вышшей степени порядка и совершенства, восходя всегда къ безконечному, которое есть Онъ Самъ. Такимъ образомъ мы знаемъ, что Богъ, далекъ будучи отъ того, чтобы всегда хотѣть высочайшей степени порядка и совершенства, никогда не можетъ достигнуть оной, и что Онъ останавливается всегда на степени низшей другихъ, кои всѣ возходятъ до безконечнаго. Должно ли же удивляться, что Богъ не создалъ воли человѣка столь совершенною, какъ бы могъ создать ее? Справедливо, что Онъ имѣетъ возможность вдругъ сдѣлать ее непогрѣшимою, блаженною и поставить въ состояніи духовъ небесныхъ. Я признаюсь, что въ семъ состояніи люди были бы совершеннѣе и болѣе соучаствующи въ верховномъ порядкѣ. Но возраженіе, которое о семъ дѣлаютъ, нисколько бы не уменьшилось, поелику находятся еще выше духовъ небесныхъ, кои суть ограничены, безконечныя степени совершенства, возходя къ Создателю, въ коихъ Творецъ могъ бы помѣстить существа, превосходнѣйшія самихъ Ангеловъ. И такъ должно или заключить, что Богъ не можетъ ничего творить внѣ Себя, поелику все то, что бы Онъ ни создалъ, будетъ безконечно ниже Его, и слѣдовательно безконечно несовершенно; или признать чистосердечно, что Богъ, производя Свое твореніе, не избираетъ никогда высочайшей изъ всѣхъ степеней порядка и совершенства. Одной сей истины довольно къ тому, чтобы разсѣять возраженія. Правда, что Богъ создалъ бы человѣка болѣе совершеннымъ и болѣе участвующимъ въ Его верховномъ порядкѣ, сдѣлавъ его вдругъ непогрѣшимымъ и блаженнымъ,

нежели создавъ его свободнымъ; но Онъ сего не хотѣлъ, поелику безконечное Его совершенство нимало не обязываетъ Его даровать Своему творенію степень совершенства такую, чтобы не находилось другихъ до безконечности выше оныя. Каждая степень имѣетъ порядокъ и совершенство, достойное Творца, хотя вышшія степени имѣютъ оныхъ болѣе. Человѣкъ свободный хорошъ самъ по себѣ, сообразенъ порядку и достоинъ Бога, хотя человѣкъ непогрѣшимый былъ бы еще лучше.

X. Богъ, создавъ человѣка свободнымъ, не совсѣмъ оставилъ его самому себѣ. Онъ просвѣщаетъ его посредствомъ разума; Онъ Самъ находится внутри человѣка, дабы вдохнуть въ него благо, дѣлать ему упреки даже за малѣйшее зло, дабы привлекать его посредствомъ Своихъ обѣтованій, удерживать его Своими угрозами, и услаждать его Своею любовію. Онъ намъ прощаетъ, исправляетъ насъ, ожидаетъ насъ, сноситъ нашу неблагодарность и наше презрѣніе, не утомляется призывать насъ даже до послѣдняго мгновенія, — и цѣлая жизнь наша есть продолжающаяся благодать. Я признаюсь, что когда представляютъ людей, лишенныхъ свободы для избранія блага, отъ которыхъ Богъ требуетъ добродѣтелей, для нихъ невозможныхъ, — то сіе отступленіе Божіе производитъ ужасъ, и оно противно какъ Его порядку, такъ и Его благости. Но непротивно порядку то, что Богъ оставилъ на выборъ человѣку, вспомоществуемому Его благодатію, сдѣлать себя щастливымъ добродѣтелію, или нещастнымъ посредствомъ грѣха. Естьли же человѣкъ будетъ ли-

шенъ небесной награды, то сіе потому, что онъ ее отвергнулъ, когда она была, такъ сказать, въ его рукахъ. Человѣкъ, находясь въ семъ состояніи, не терпитъ никакого зла, кромѣ того, которое онъ самъ себѣ причиняетъ, будучи полновластенъ доставить себѣ величайшее изъ всѣхъ благъ.

XI. Богъ, создавъ человѣка свободнымъ, даровалъ ему удивительную черту сходства съ Божествомъ, Коего онъ есть изображеніе. Сходство сіе есть чудесная власть въ существѣ зависимомъ и сотворенномъ, коего зависимость не отнимаетъ его свободу, и которая можетъ измѣнять себя, какъ ему угодно. Человѣкъ дѣлаетъ себя добрымъ, или злымъ по собственному своему выбору; онъ обращаетъ свою волю ко благу, или къ злу; онъ есть, какъ Богъ, совершенно властенъ въ своихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ, и имѣетъ даже, подобно Творцу, смѣсь свободы для нѣкоторыхъ благъ и необходимость для другихъ. Какъ Богъ находится въ необходимости любить Себя, и не любить никогда и ничего кромѣ добра, такъ и человѣкъ любитъ токмо то, что имѣетъ нѣкоторую степень добра, и любитъ Бога по необходимости, какъ скоро познаетъ Его съ совершенною очевидностію. Съ другой стороны Богъ, безконечно превосходящій всѣ блага, различныя отъ Него; посредствомъ сего безконечнаго превосходства есть совершенно свободенъ избирать все то, что Ему угодно, между всѣми сими подчиненными благами, которыя хотя и неравны между собою, но имѣютъ нѣкоторой родъ равенства въ томъ, что всѣ они суть безконечно ниже Верховнаго Существа,

И такъ ниодно изъ нихъ не есть довольно совершенно къ тому, чтобы опредѣлить Бога, и каждое оставляетъ Его собственному Его опредѣленію. Человѣкъ имѣетъ нѣкоторую часть таковой свободы. — Никакое изъ благъ, извѣстныхъ ему здѣсь на землѣ, не превосходитъ его желанія; ни одно не преклоняетъ его неоспоримо, — и всѣ оставляютъ его собственному его рѣшенію. Оное принадлежитъ ему, и онъ разсуждаетъ, избираетъ и имѣетъ верховную власть надъ своею собственною волею. Въ сей-то власти надъ собою оказывается удивительный характеръ сходства съ Божествомъ, и сія черта сходства достойна удовольствія Того, Который долженствуетъ Самому Себѣ творить все для Себя.

XII. Не есть ли сіе достойно Бога, что Онъ поставляетъ человѣка посредствомъ сей свободы въ состояніе заслуживать? Что находится величайшаго для твари, кромѣ заслуги, или достоинства? — Достоинство есть благо, которое даютъ себѣ по собственному своему выбору и чрезъ которое человѣкъ получаетъ право на пріобрѣтеніе другихъ благъ вышшаго порядка. Посредствомъ заслуги человѣкъ возвышается, возрастаетъ, совершенствуется, и преклоняетъ Бога даровать ему блага новыя, которыя называются награжденіями. — Не прекрасно ли и не достойно ли порядка, что Богъ не хотѣлъ даровать человѣку блаженства иначе, какъ заставивъ его прежде заслужить оное? Сіе послѣдованіе степеней, по коимъ человѣкъ восходитъ, не приличествуетъ ли мудрости Божіей, и неспособно ли украсить ея твореніе? Справедливо,

что человѣкъ не можетъ заслуживать, не будучи виновенъ въ томъ случаѣ, ежели онъ не заслуживаетъ дѣйствительно; но Богъ даетъ ему свободу не для того, чтобы онъ преуспѣвалъ въ недостоинствѣ, а напротивъ, дабы пріобрѣталъ достоинство; и для достоинства, которое есть единственная его цѣль, терпитъ Онъ недостоинство, къ которому свобода располагаетъ человѣка. Человѣкъ поступаетъ противно намѣренію Божію и цѣли Его вспомоществованія, когда онъ дѣлаетъ худое употребленіе изъ дара столь изящнаго и столь способнаго къ его усовершенствованію.

XIII. Богъ, даровавъ человѣку свободу, хотѣлъ оказать во всемъ блескѣ Свою благость, Свое великолѣпіе и Свою любовь; но не смотря на сіе, ежели бы человѣкъ, противясь Его намѣреніямъ, употребилъ во зло сію свободу, дабы выступить изъ порядка чрезъ грѣхъ, то Богъ принудилъ бы его возвратиться въ порядокъ посредствомъ наказанія грѣха его. И такъ всѣ существа, одаренныя свободною волею, подчинены порядку: одни любя его, и пребывая въ сей любви постоянными; другіе, возвращаясь въ оный посредствомъ раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ; иные чрезъ правосудное наказаніе конечной ихъ нераскаянности. Такимъ образомъ порядокъ превозмогаетъ во всѣхъ людяхъ: онъ ненарушимо сохраненъ въ невинныхъ, возобновленъ въ обращенныхъ грѣшникахъ, и отмщенъ вѣчнымъ правосудіемъ, которое само есть высочайшій порядокъ, въ грѣшникахъ нераскаянныхъ. Сколь славно для премудрости извлекать такимъ образомъ благо изъ самаго зла, и обращать зло во благо!

Допуская зло, Богъ не творитъ его. Все то, что произошло отъ Него въ Его твореніи, пребываетъ достойно Его; но Онъ терпитъ то, что Его твореніе, которое всегда есть безконечно несовершенно само по себѣ, можетъ уменьшать степень доброты, которую Онъ вложилъ въ него. Онъ терпитъ недостатки въ своемъ твореніи, дабы имѣть славу возобновить его чрезъ милосердіе, или наказать по правосудію, ежели оно презираетъ сіе предлагаемое ему милосердіе. Сколь прекрасно для Бога прославлять такимъ образомъ сіи двѣ различныя части Своего порядка! Одной принадлежитъ награждать добро, а другой наказывать зло. Естьли бы Онъ не создалъ человѣка свободнымъ, то не могъ бы оказать ни Своего милосердія, ни Своего правосудія; не могъ бы ни награждать заслуги, ни наказывать проступковъ, ни обращать заблуждающагося человѣка: Онъ оставался бы нѣкоторымъ образомъ должнымъ Самому Себѣ сими различными родами славы. Онъ даетъ ихъ Себѣ, не повреждая Своей благости, которая не оскудѣваетъ никакому человѣку. Должно ли удивляться, что Онъ долженствуетъ Себѣ прославлять Себя толикими способами? — Ежели разсмотрѣть глубину мудрости Божіей въ допущеніи зла, то невозможно въ семъ найти никакой несправедливости для человѣка, поелику его заблужденіе допускается не иначе, какъ тогда, когда онъ уже получилъ всю возможную помощь, дабы не заблуждаться никогда. Ежели разсматриваютъ сіе допущеніе въ отношеніи къ Самому Богу, то оное не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что бы нарушало Его порядокъ и Его благость, поелику

Онъ токмо терпитъ то, чего не творитъ и чему не споспѣшествуетъ. Онъ противополагаетъ грѣху всю помощь разума и благодати; остается токмо одно отрѣшенное Его всемогущество, коего Онъ противъ его не употребляетъ, поелику Онъ не хочетъ нарушить свободу воли, которую оставилъ человѣку для пріобрѣтенія достоинства, и то, что уклоняется отъ порядка со стороны благости и награжденія, въ то же время возвращается въ него со стороны правосудія и наказанія. Такимъ образомъ порядокъ, которой имѣетъ двѣ существенныя части, пребываетъ ненарушимымъ посредствомъ таковой перемѣны милосердія и правосудія, къ которому каждый долженъ принадлежать.

Какое же заключеніе можно сдѣлать о трехъ предложенныхъ вопросахъ?

Существо безконечно совершенное создало насъ для Себя Самаго, то есть, чтобъ мы занимались удивленіемъ къ Нему, хвалою Его и любовію Его. Вотъ служеніе Ему. Знаки, представляющіе совнѣ таковое служеніе, суть необходимы, дабы возвѣщать его тѣмъ, кои его не имѣютъ, дабы утвердить и усовершенствовать оное въ тѣхъ, кои уже имѣютъ его, но несовершенно, и дабы содѣлать его единообразнымъ во всѣхъ, поелику всѣ должны быть соединены въ семъ общественномъ Богослуженіи. —

Душа безсмертна, поелику она не имѣетъ въ себѣ никакой причины къ разрушенію, потому что Богъ не уничтожаетъ никакого существа даже до малѣйшаго атома, и что Онъ обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную. —

Свобода воли неоспорима. — Не нужно опровергать тѣхъ, кои оную отвергаютъ, поелику они сами себя обличаютъ во лжи. Должно или предполагать ее безпрестанно, или отказаться отъ разума, и не жить по человѣчески. То, въ чемъ натура удостовѣряетъ насъ неоспоримо, сдѣлалось намъ еще извѣстнѣе по объявленію Самаго Бога, говорящаго въ Писаніи. — Что же медлимъ мы вѣровать? Отъ чего происходитъ, что человѣкъ, легковѣрный ко всему, что ласкаетъ его гордости и страстямъ его, изыскиваетъ столько тонкостей противъ сихъ истинъ, кои долженствовали бы исполнить его утѣшеніемъ? Человѣкъ боится узрѣть Бога, безконечно благаго, Который хочетъ его любви, и Который требуетъ отъ него сообщенія съ Собою, содѣлывающаго его блаженнымъ. Онъ боится узнать, что душа его не умретъ вмѣстѣ съ его тѣломъ, и что послѣ сей краткой и нещастной жизни Богъ пріуготовляетъ ему жизнь небесную, безъ конца. Онъ боится найти Бога, Который оставляетъ его господиномъ своего жребія, дабы содѣлать его щастливымъ посредствомъ его добродѣтелей, или нещастнымъ чрезъ пороки, и Который хочетъ, чтобъ Ему служили посредствомъ воли свободной. Откуда происходитъ столь противоестественный страхъ, и неимовѣрность, толико противная всѣмъ нашимъ величайшимъ пользамъ! Отъ того, что самолюбіе есть любовь глупая, любовь вздорная, любовь заблуждающаяся, которая сама вооружается противъ самой себя. Гораздо болѣе страшатся принудить нѣсколько свои страсти и свое тщеславіе въ теченіи малаго числа дней, кои мы препровождаемъ здѣсь на

землѣ, нежели потерять благо безконечное, нежели отказаться отъ вѣчной жизни, нежели предать себя вѣчному отчаянію. Чего должно ожидать отъ души столь больной и столь недовѣрчивой ко всякому врачеванію? — Захотѣлиль бы слушать человѣка, которой имѣетъ, относительно другой какой-либо матеріи, предразсудки, столь неизлѣчимые, противъ своего истиннаго блага? Токмо одно находится лѣкарство для толикихъ золъ, которое состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ вошелъ во внутренность своего сердца, не для того, чтобы въ ономъ обладать самому собою, но чтобы оставить тамъ обладать Бога; чтобы онъ просилъ Его, слушалъ Его, недовѣрялъ самому себѣ, повѣрялъ себя Ему, чтобы онъ осуждалъ свою гордость, требовалъ помощи въ своей слабости, дабы укротить всѣ свои страсти, и чтобы онъ признавалъ, что самолюбіе есть рана въ его сердцѣ, и что для излѣченія оной и пріобрѣтенія здравія и мира онъ имѣетъ нужду токмо въ любви къ Божеству.

ПИСЬМО

о внутреннемъ и внѣшнемъ Богослуженіи и о Религіи Іудейской.

Какъ мнѣ извѣстно, что вы читаете Абадія о истинѣ Религіи, то я не могу удержаться, чтобъ не предложить вамъ нѣкоторыхъ размышленій о сей матеріи. Я прошу васъ основательно разсмотрѣть оныя.

Богъ создалъ всѣ вещи для Себя. Онъ долженствуетъ всѣмъ токмо Самому Себѣ, и не можетъ никому чѣмъ-либо быть обязанъ. Всѣ существа, не имѣющія разума, движутся не иначе, какъ слѣдуя законамъ движенія, коимъ Онъ подчинилъ ихъ. Всѣ сіи существа содержатся въ Его десницѣ и, такъ сказать, повинуются Его всемогущему гласу; токмо чрезъ Него имѣютъ они движеніе и жизнь. Но Онъ создалъ еще другія существа, коихъ одарилъ разумомъ и волею. Сіи существа, которыя познаютъ и желаютъ, менѣе ли принадлежатъ своему Творцу, нежели другія? Менѣе ли Ему долженствуютъ? Менѣе ли Онъ имѣетъ власти надъ ними? Не также ли Онъ создалъ ихъ для Себя, какъ и прочія? Не долженствуетъ ли Онъ управлять по Своему произволенію всѣми ихъ мыслями и желаніями, также какъ управляетъ движеніемъ тѣлъ? Не для того ли Онъ создалъ существа, способныя къ познанію и любви, дабы они познавали и любили Его истину и благость безконечную? — Отношеніе твари къ Творцу есть существенный конецъ творенія; поелику Богъ долженствуетъ всѣмъ Себѣ, и не можетъ ничего создать иначе, какъ для Самаго Себя. Сіе отношеніе именуется Его славою. Оное бываетъ различно, слѣдуя различнымъ натурамъ существъ. Богъ относитъ къ Самому Себѣ, по Своей собственной волѣ, тѣ существа, кои оной не имѣютъ, и не могутъ свободно сами собою относиться къ Нему. Вотъ порядокъ твореній, менѣе благородный; но что касается до вышшаго рода существъ разумныхъ, то поелику они свободны и имѣютъ волю, Богъ оставляетъ ихъ

самимъ себѣ, требуя отъ нихъ, чтобы они охотно сами собою къ Нему относились. — Отношеніе матеріи есть быть покорною, такъ сказать, страждущею въ рукахъ Творца, и способною ко всѣмъ формамъ и движеніямъ, какія Ему угодно будетъ дать ей; ибо отношеніе твари къ Творцу всегда бываетъ сообразно натурѣ самой твари. Матерія можетъ имѣть только форму и движеніе, и представляетъ Богу токмо то, что въ ней находится, то есть движенія и формы; даже не можетъ и сего сдѣлать, а предоставляетъ себя совершенно Его волѣ. Онъ Самъ даетъ Самому же Себѣ все то, что хочетъ взять отъ сихъ существъ бездушныхъ; — но что касается до существъ разумныхъ и волею одаренныхъ, которыя принадлежатъ къ гораздо высшему порядку, то Онъ въ нихъ ничего не дѣлаетъ несообразнаго съ ихъ волею; воля же въ нихъ есть то же, что движеніе въ матеріи. Какъ Богъ, причина всякаго добра, даетъ движеніе существамъ движимымъ, то также даетъ Онъ волю существамъ желающимъ: Онъ даетъ имъ волю свободную, хотя зависящую отъ Него. И такъ все существующее есть собственно зависимо: свобода данная есть свобода существенно зависимая. Слѣдовательно сія свобода не имѣетъ ничего общаго съ независимостію: это есть подчиненная свобода существа, которое ничего само чрезъ себя не имѣетъ. Въ семъ состояніи существо свободное и волею одаренное должно безпрестанно разсматривать себя какъ полу-ничтожество, какъ даръ, всегда преходящій, и которой продолжается не иначе, какъ токмо возобновляясь,

какъ заимственное полусущество, какъ нѣчто непостоянное, которое избѣгаетъ изслѣдованій, какъ существо текучее и послѣдовательное, которое никогда не находится въ цѣлости, и коего части, такъ сказать, никогда не бываютъ вмѣстѣ, подобно какъ рѣчныя волны, кои безпрерывно слѣдуютъ однѣ за другими. Я не знаю, какъ можно увѣриться, что *я* вчерашнее есть то же самое *я*, которое и нынѣ. Они не соединены между собою по необходимости; одно можетъ быть безъ другаго. Можетъ быть завтрашнее *я* никогда не будетъ слѣдовать за нынѣшнимъ, подобно какъ мое тѣло вчера имѣло другія части, другое расположеніе и другое устройство, нежели то, какое сегодня; также и я, которое мыслитъ и которое желаетъ, имѣетъ нынѣ другія мысли и желанія, нежели вчера. — О Боже! что я такое? Я не знаю объ этомъ ничего: столь маловажны мои свѣдѣнія! Но я мыслю и желаю: вотъ все то, что я могу представить Создавшему меня. Должно, чтобъ я приписывалъ токмо Ему единому все то, что я есмь, поелику долженствую возвратить Ему все, мною отъ Него полученное. Онъ не вложилъ въ меня ничего для меня самаго, но все для одного Себя. Таковы-то существенныя права Его, изъ коихъ Онъ ничего и никогда уступить не можетъ. Онъ вложилъ въ меня мысль и волю, слѣдовательно я обязанъ Ему всѣми моими мыслями и желаніями. Въ каждую минуту Онъ даетъ мнѣ все; въ каждую минуту я долженствую Ему всѣмъ безъ остатка. Онъ даетъ мнѣ самаго меня, и такъ я долженъ Ему самимъ собою: я принадлежу Ему, и нисколько

самому себѣ. Мое отношеніе сообразуется моему бытію; оное состоитъ въ мысли и волѣ: слѣдовательно мое отношеніе есть отношеніе мысли и воли. Отношеніе мысли есть познавать Бога, верховную Истину; отношеніе воли есть любить Бога, безконечное Благо. Но что значитъ любить Его? — Исполнять Его волю. Онъ не имѣетъ нужды ни во мнѣ, ни въ тѣхъ низкихъ вещахъ, которыми я обладаю. Въ то же время, какъ я думаю владѣть ими, Онъ обладаетъ ими дѣйствительно, и я не могу дать Ему ихъ. Онъ можетъ къ Своему величію присовокупить токмо мои желанія, поелику Онъ всѣмъ преизбыточествуетъ, и не можетъ ничего другаго принять въ безконечную полноту Свою. И такъ, что я могу? Токмо то, къ чему Онъ даровалъ мнѣ силы. Я могу хотѣть всего того, чего Онъ хочетъ, и предпочитать Его волю всему, что называется собственною моею пользою. Вотъ мое дѣйствительное отношеніе, сообразное моему существу; вотъ конецъ сотворенія меня, любовь къ Богу, поклоненіе въ духѣ и истинѣ, коего Онъ требуетъ отъ Своихъ тварей; вотъ то, что именуется Религіею. — Избраннѣйшія куренія, величественнѣйшія церемоніи, святѣйшіе храмы, торжественнѣйшія собранія, возвышеннѣйшіе гимны, трогательнѣйшая мелодія, драгоцѣннѣйшія украшенія, скромная и важная наружность служителей олтаря, суть токмо внѣшніе, тѣлесные знаки сего совершенно внутренняго Богослуженія, которое состоитъ въ сообразованіи нашей воли съ волею Божіею. — Сіе-то составляетъ цѣлаго человѣка; онъ есть существо, совершенно относительное къ Богу;

безъ Него онъ ничто — и еще болѣе погружается въ ничтожество съ той минуты, какъ скоро отпадаетъ отъ сего необходимаго порядка.

Справедливо, что Религія требуетъ внѣшнихъ знаковъ, кои долженствуютъ сопровождать внутреннее поклоненіе. Причины сему суть слѣдующія. Богъ создалъ людей съ тѣмъ, чтобы они жили въ обществѣ. Сіе общество не должно повреждать внутренняго ихъ поклоненія; напротивъ надлежитъ, чтобъ оное было взаимное сообщеніе таковаго поклоненія; чтобы само сіе общество было безпрерывное Богослуженіе, и чтобъ сіе Богослуженіе имѣло чувственные знаки, кои бы служили первоначальною связью человѣческаго общества. Въ семъ состоитъ внѣшнее Богослуженіе, которое также нужно, и которое должно соединять людей. Богъ безъ сомнѣнія хотѣлъ, чтобы они любили другъ друга, чтобъ жили всѣ согласно, какъ братья въ одномъ семействѣ и какъ дѣти одного общаго Отца. Надлежитъ, чтобы они могли взаимно себя научать, наставлять, исправлять, увѣщевать и ободрять другъ друга; восхвалять совокупно Отца всѣхъ, и воспламеняться къ Нему любовію. Сіи столь необходимые предметы составляютъ всю внѣшность Религіи. Оные требуютъ собраній, въ коихъ должны предсѣдательствовать священныя особы, подчиненности, общихъ молитвъ, и общихъ знаковъ для изображенія однихъ и тѣхъ же чувствованій. Ничто не можетъ быть достойнѣе Божества, и ничто не носитъ на себѣ столь явной Его печати, какъ сіе внутреннее единодушіе истинныхъ чадъ Его, которое производитъ нѣкоторой родъ единообраз-

ности въ ихъ внѣшнемъ поклоненіи. — Сіе-то именуется *Религіею*, которое слово происходитъ отъ Латинскаго *religare*, *возсоединять*; поелику Богослуженіе собираетъ и соединяетъ вмѣстѣ людей, коихъ стремительность страстей сдѣлала бы дикими и неспособными къ общежитію безъ сего священнаго союза. Отъ сего-то происходитъ, что народы, не имѣющіе истинной и чистой Религіи, принуждены были лучше изобрѣсти ложныя, нежели не признавать начала, вышшаго человѣка, которое бы управляло имъ и содѣлывало его способнымъ къ жизни общественной. Отъ сего-то происходитъ, что Нума, Ликургъ, Солонъ и другіе Законодатели имѣли нужду показывать себя свыше вдохновенными; чтобъ быть въ состояніи управлять народами. Отъ сего-то произошло, что нечестивцы, каковъ Лукреціи, осмѣлились говорить, что страхъ къ Богамъ есть изобрѣтеніе политики Тирановъ, которые хотѣли освятить иго ихъ самовластія, дабы содержать народы въ рабствѣ, исполненномъ низости и суевѣрія: слѣпцы, которые не видятъ, что величайшее изъ благъ, порядокъ и миръ, не можетъ родиться отъ заблужденія. Изобрѣтатели ложныхъ Религій подобны шарлатанамъ и дѣлателямъ фальшивыхъ денегъ. Не льзя вздумать выпускать ложную монету, естьли бы не находилось уже истинной. Обманщики потому продаютъ худыя лѣкарства, что люди знаютъ уже нѣкоторыя хорошія, коими пользуются въ своихъ болѣзняхъ. Ложное подражаетъ истинному, а истинное всегда предшествуетъ ложному. Простое и чистое Богослуженіе, коимъ по необходимости мы обязаны

Верховному Существу, долженствуетъ пребывать во всѣ времена и родиться вмѣстѣ съ человѣкомъ. Оное научаетъ людей познавать то, чѣмъ они долженствуютъ другъ другу, изъ отношенія къ Тому, Коему они всѣмъ обязаны; Оное укротило, образовало, соединило людей. Сей единственной связи, толико могущественной, недоставало у всѣхъ народовъ, забывшихъ Бога. Должно было возвратиться къ сему съ помощію политики; и заблудившіеся люди, по недостатку истинной Религіи, которую они потеряли, принуждены были выдумать смѣшныя и нелѣпыя. Самая чудовищная вѣра была бы меньшее зло въ обществѣ, нежели невѣріе. — Но возвратимся къ основанію Богослуженія. Оное требуетъ двухъ вещей равномѣрно: первое, единодушія, то есть, чтобъ быть одинаковымъ въ сердцахъ всѣхъ людей; второе, чтобъ оно было изображаемо чувственными знаками, которые утверждаютъ его въ обществѣ навѣки, и составляютъ въ ономъ нерушимѣйшую связь.

Доказательства въ разсужденіи единодушія, коего требуетъ внутреннее поклоненіе, суть слѣдующія. Богъ, верховная истина, не можетъ быть покланяемъ ложью. — Мысль не можетъ почитать Его чрезъ заблужденія, воля не можетъ почитать Его пороками и зломъ. И такъ истинное Богослуженіе существенно состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить истинѣ и любить верховное благо. Слѣдовательно всѣ Религіи, которыя не могутъ быть приведены къ тому, чтобы познавать и любить выше всего единаго Бога, безконечно совершеннаго, Коимъ всѣ вещи имѣютъ бытіе, не суть служенія, достойныя Божества. Каждая

Религія, въ коей находятъ или заблужденія, касательно сего безконечнаго Существа, или которая одобряетъ безпорядки воли противъ господствующей любви къ Нему, есть очевидно ложная. Слѣдовательно всѣ частныя Философіи, которыя противорѣчатъ взаимно между собою о первобытномъ существѣ, о послѣднемъ назначеніи человѣка, и проч. не суть сіе поклоненіе, и сіе тѣло Религіи, котораго мы искать долженствуемъ. Богъ не есть Творецъ безпорядка и лжи. Тѣ, кои воздаютъ Ему истинное поклоненіе, могутъ сіе дѣлать не иначе, какъ будучи Имъ Самимъ вдохновенны и одушевлены. Духъ Божій никогда не измѣняется и не противорѣчитъ Самъ Себѣ. То, что Онъ внушаетъ одному, внушаетъ и другому; или по крайней мѣрѣ не внушаетъ ему ничего противнаго. И такъ духъ истины есть духъ единомыслія, и производитъ то, что всѣ, наученные Богомъ покланяться Ему, одинаково мыслятъ и одного желаютъ касательно существеннаго въ семъ поклоненіи. Должно искать таковаго неизмѣняющагося единомыслія во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ міра. Изъ сего слѣдуетъ, что нѣтъ ничего столь недостойнаго Божества, какъ разногласіе Философій и Вѣръ. Можетъ ли Богъ быть почитаемъ симъ нелѣпымъ смѣшеніемъ толикаго множества нечестивыхъ мнѣній, изъ коихъ одни предаютъ проклятію другія, между тѣмъ какъ ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ ни истиннаго объ Немъ понятія, ни внутренняго служенія любви, коимъ мы Ему обязаны? Сколько споровъ Философическихъ! Одни полагаютъ Божество въ огнѣ, другіе въ воздухѣ, иные въ цѣломъ ме-

ханизмѣ вселенной. Ни одинъ не признаетъ Существа безконечнаго, Которое заключаетъ въ Себѣ все то, что ни находится совершеннѣйшаго въ другихъ существахъ, и не имѣетъ никакихъ недостатковъ частной, или ограниченной натуры. Ни одинъ не признаетъ Существа самобытнаго, отъ котораго имѣютъ бытіе всѣ другія, извлеченныя имъ изъ ничтожества: слѣдовательно ни одинъ изъ сихъ Философовъ не воздаетъ истиннаго поклоненія истинному Богу. Смѣшенное собраніе всѣхъ таковыхъ Философій есть безобразная куча вздорныхъ мнѣній, кои сражаются и смѣшиваются взаимно, не утверждая ничего. И такъ не будемъ искать никакихъ слѣдовъ истиннаго Богослуженія въ семъ множествѣ сектъ философскихъ. Еще менѣе можемъ найти таковаго единомыслія въ различныхъ Религіяхъ. Послушаемъ Грековъ и Египтянъ: они наименуютъ намъ двенадцать великихъ боговъ, у обоихъ народовъ различнаго вида, какъ объявляетъ Иродотъ. Послушаемъ Персовъ; они скажутъ совсѣмъ другое: огонь, подъ именемъ Митры, и солнце есть истинное Божество. Послушаемъ Римлянъ; они покажутъ намъ другихъ Боговъ, неизвѣстныхъ первымъ народамъ. Индійскіе Брахманы и Гимнософисты представятъ намъ еще новаго рода. Каждая страна, каждой городъ требуетъ особливаго почтенія къ своимъ собственнымъ. Токмо одинъ Богъ, Творецъ неба и земли, былъ неизвѣстенъ нигдѣ, кромѣ Іудеи. Древніе и новые боги толпами представляются. Вездѣ унижали Божество; размножали оное, полагали въ самыхъ презрѣнныхъ существахъ, приписывали ему страсти самыя несправедли-

вныя, самыя низкія и порочныя. Поклоненіе таковымъ чудовищнымъ богамъ столько же нелѣпо, какъ и они сами. Не знали другихъ средствъ укротить гнѣвъ ихъ противъ виновнѣйшихъ и нераскаянныхъ человѣковъ, кромѣ куреній, Гекатомбовъ и тщетныхъ таинствъ; которыя сокрывали въ себѣ гнусныя жестокости и отвратительнѣйшія мерзости. Язычники никогда не имѣли ни корпуса, ни науки Богослуженія; у нихъ все было подвержено перемѣнамъ произвольнымъ и неизвѣстнымъ. Нигдѣ не возможно найти столько вздорныхъ противорѣчій, какъ въ басняхъ Поэтовъ, которые были ихъ пророками. Каждая страна, каждой городъ, каждой человѣкъ имѣлъ свою Религію; слѣдовательно невозможно найти ни одного слѣда единодушія ни въ Философіяхъ, ни въ Религіяхъ язычниковъ. И такъ очевидно, что Богъ не низпосылалъ имъ никогда вдохновеній, и не научалъ ихъ ни истинному объ Немъ понятію, ни поклоненію, достойному Его, а посему и не должно искать у нихъ сего отношенія мысли и воли твари къ Творцу, которое есть истинный конецъ существъ свободныхъ и разумныхъ; также не должно воображать, что можно найти единомысліе въ маломъ числѣ людей сокрытыхъ и неизвѣстныхъ другъ другу, которые бы могли въ разныхъ странахъ и въ различныя времена познавать безконечное Существо и любить Его внутренно господствующею надъ всѣмъ любовію. На это могутъ сослаться Деисты; но таковую систему можно разрушить двумя словами, и для сего-то я приступаю ко второму доказательству о необходимости внѣшняго Богослуженія. — Истинные поклонники подобны избран-

нымъ изъ Протестантовъ, которыхъ предполагали сокрытыми въ Католической Церкви прежде ея реформы. Сіи истинные поклонники долженствуютъ воздавать истинному Богу внѣшнее поклоненіе. Не довольно въ Него вѣровать и любить Его; должно исповѣдывать Его устно, и возвѣщать объ Немъ другимъ людямъ, созданнымъ на тотъ же конецъ, какъ и они, дабы познавать и любить Его; должно бы отвергнуть идоловъ, множество боговъ, и все служеніе, противное понятію о Творцѣ. Сдѣлали ль они это? Ежели сдѣлали, то сіе было бы извѣстно; ибо таковые люди довольно рѣдки и замѣчательны. Или бы они обратили языческій міръ, какъ Апостолы, или бы подпали гоненію цѣлаго міра, которое претерпѣвали бы, защищая истину. Въ томъ и другомъ случаѣ были бы они славнѣйшіе люди; и Исторіи наполнились бы повѣствованіями о ихъ дѣяніяхъ; но мы не видимъ въ нихъ никакого слѣда таковыхъ дѣяній. Мы знаемъ, что Сократъ презиралъ боговъ Аѳинскихъ, и чрезъ твореніе вселенныя, какъ бы сквозь завѣсу, видѣлъ совершеннѣйшее Существо, нежели боги простаго народа, выдуманные баснотворцами; но онъ видѣлъ все токмо въ половину, не смѣлъ говорить о семъ, и умеръ подлымъ образомъ, покланяясь богамъ, коимъ не вѣрилъ. Слѣдовательно не возможно найти между язычниками Философовъ превосходнѣйшихъ, нежели другіе, которые бы сохраняли втайнѣ чистое понятіе о истинномъ Богѣ, и чистое служеніе Ему, и были бы въ семъ единомыслящи. Посредствомъ таковыхъ людей, разсѣянныхъ повсюду и неизвѣстныхъ другъ для друга, не можетъ испол-

нится цѣль, которую совершенное Существо предположило Себѣ при сотворении насъ, состоящая въ томъ, чтобы въ обществѣ человѣческомъ приносимо было Ему поклоненіе, достойное Его, и чтобы изъ сего самаго общества сдѣлать истинное служеніе безконечной Его святости. Почитаніе Ему было бы приносимо токмо низкими душами, коихъ Богослуженіе измѣняло бы Вѣрѣ ихъ. Бросивъ взоръ на вселенную отъ одного конца оныя до другаго, я вижу одинъ токмо народъ, которой можетъ составлять таковое на Религіи основанное общество. Сей народъ есть Іудейскій, коему Творецъ извѣстенъ. Тамъ имя Его велико; тамъ именуютъ Его, *иже есть Сый*; тамъ исповѣдуютъ, что Онъ извлекъ вселенную изъ ничтожества силою Своея всемогущія и плодотворныя воли; тамъ полагаютъ за первое основаніе, что должно служить рабски сему Верховному и единому Богу; что должно любить Его отъ всего сердца, отъ всея души, всѣми мыслями и всѣми силами своими. Токмо таковыя понятія составляютъ истинное Богослуженіе, и токмо у сего народа находятся оныя. Сіи понятія не могутъ происходить иначе, какъ отъ Самаго Бога: толико-то они суть возвышенны и превосходятъ разумъ человѣческій! Они суть величайшее изъ всѣхъ чудесъ въ насъ самихъ. Кто не имѣетъ таковой идеи о Божествѣ, не можетъ говорить объ Немъ иначе, какъ токмо хуля Его, не можетъ мыслить о Богѣ, не унижая безконечнаго Его совершенства, не можетъ ничѣмъ служить Ему кромѣ безполезной внѣшности, не можетъ любить Его выше всего въ мірѣ, и больше, не-

жели самаго себя, такъ какъ Онъ собственно любимъ быть долженствуетъ. Слѣдовательно истинное Богослуженіе находится токмо въ одной странѣ и у одного народа, которому Господь благоволилъ открыть Себя. Въ семъ-то народѣ существуетъ единомысліе постоянное и неизмѣняемое. Всѣ Израильтяне происходятъ отъ одного человѣка, отъ котораго они получили сіе поклоненіе, сохранявшееся безпрерывно отъ начала міра. Сей народъ, составляющій одно семейство, имѣетъ одну только книгу, которая соединяетъ всѣ ихъ мысли и желанія въ единомъ Богѣ. Сія книга часто собирала ихъ во времена ихъ праздниковъ, дабы они всѣ вмѣстѣ, составляя какъ бы одно сердце и одну душу, единогласно возсылали похвалы Создателю. Сія единственная книга образуетъ и учреждаетъ единственное Богослуженіе. У нихъ все составляетъ одно, и даже законы благочинія и законы гражданскіе. Все происходитъ отъ единаго Бога, Существа безконечнаго и все создавшаго — все стремится единственно къ Нему. — Это не есть Религія, заключенная въ сердцѣ и слѣдовательно сокрытая; это простая и свободная любовь къ Создателю, которая громко проповѣдуется чрезъ знаки, никакой двусмысленности въ себѣ не заключающіе, какъ и свойственно Любви открывать себя чувствительнѣйшими знаками, когда оная господствуетъ въ сердцѣ. Внѣшніе обряды суть токмо знаки внутренняго Богослуженія, которое одно есть существенное. Сіи обряды назначены къ тому, чтобы поражать чувства грубаго человѣка и питать любовь во внутренности сердецъ. Оные не состав-

ляютъ главной части Богослуженія; токмо въ нравахъ и въ обществѣ сего народа совершеннѣйшее Богослуженіе исполняется посредствомъ всѣхъ добродѣтелей, любовію внушаемыхъ. Вотъ то Богослуженіе публичное, единодушное и непремѣнное, коего мы ищемъ.

Вотъ, М. Г., размышленія, кои можете вы дѣлать, дабы безъ дальнихъ изслѣдованій достигнуть увѣренности, что Богъ, прежде пришествія на землю І. Христа, не имѣлъ истиннаго поклоненія нигдѣ, кромѣ Израильскаго народа. Ежели извѣстно, что тѣ, коихъ именуютъ Ноахитами, и потомъ Іовъ, покланялись единому истинному Богу, не будучи въ союзѣ съ Моисеемъ и не зная учрежденнаго имъ Богослуженія, то по крайней мѣрѣ Ноахиты, Іовъ и другіе, имъ подобные, совершали Богослуженіе внѣшнее и публичное: они исповѣдовали предъ всѣми то, чему вѣрили; они возсылали хваленія Богу, любили Его совокупно, и любили другъ друга изъ любви къ Нему; даже посвящали Ему олтари, и приносили жертвы, дабы содѣлать очевидною свою признательность и совершенную покорность Его верховному владычеству. Вотъ истинное Богослуженіе, сообразное Израильскому, преданному Моисеемъ. Здѣсь нѣтъ вопроса о томъ, что составляетъ токмо законъ обрядный; обряды имѣли начало и конецъ; здѣсь говорится токмо о поклоненіи верховной Любви, изображенной, образованной и усовершенствованной въ обществѣ людей посредствомъ чувственныхъ знаковъ. Вотъ то, чѣмъ долженствуемъ мы Богу; вотъ нашъ истинный конецъ; и въ семъ-то Ноахиты, Іовъ и всѣ другіе правед-

ники составляли съ Израильтянами одинъ народъ, и имѣли одно съ ними Богослуженіе. Поелику невозможно, чтобы Богъ когда-либо престалъ долженствовать Самому Себѣ сею данью славы и хваленія, то Онъ во всѣхъ вѣкахъ доставлялъ Себѣ оную. Ни въ какое время не могъ Онъ создать иначе человѣковъ, какъ для того, чтобы они Его познавали и любили. — Это не значитъ знать Его, ежели не вѣрить, что Онъ есть единъ и безконеченъ, единъ, Который есть все, и предъ Коимъ мы ничто. Это не значитъ любить Его, ежели не любить выше всего и не предпочитать самому себѣ, подлому ничтожеству, призванному къ бытію единственно по Его благости. Религія можетъ быть токмо тамъ, поелику Творецъ не могъ имѣть ни въ какое время другой цѣли. Ежели не всѣ созданныя Имъ поколѣнія людей познавали Его и любили, это потому, что они развратили пути свои, что они не прославляли Того, отъ Коего получили нѣкоторыя начала познанія, что они лучше хотѣли принадлежать самимъ себѣ, нежели Тому, Который создалъ ихъ, и тщетная ихъ мудрость повергла ихъ въ плачевнѣйшія заблужденія. Наконецъ, во всѣ времена можно находить истинныхъ поклонниковъ, по благости къ которымъ Богъ терпѣлъ невѣрнымъ, и промышлялъ о Своемъ твореніи. — Гдѣ сіи любители Существа единаго и безконечнаго, гдѣ они? — Мы найдемъ ихъ токмо въ Исторіи одного народа, Исторіи изъ всѣхъ древнѣйшей, которая восходитъ даже до перваго человѣка, и которая показываетъ намъ сіе поклоненіе любви Существу единому и безконечно-

му, коего Богъ никогда не допускалъ прерываться. — Нужно ли болѣе къ заключенію, что не должно искать нигдѣ, кромѣ Іудеевъ, сей публичной и неизмѣняющейся Религіи, коею Богъ долженствуетъ Самъ Себѣ во всѣ времена. — Я надѣюсь, М. Г., что сіе первое письмо сдѣлаетъ васъ добрымъ Жидомъ; за симъ послѣдуетъ другое, дабы превратить васъ въ добраго Христіянина, и наконецъ третіе, дабы сдѣлать васъ добрымъ Католикомъ.

Сокращеніе изъ письма въ опроверженіе Спинозы.

1 е. Существо безконечно совершенное есть простое, единое, безъ сложности.

Слѣдовательно не находится многихъ существъ безконечныхъ, а одно простое существо, которое существуетъ безконечно.

Всякое безконечное дѣлимое невозможно.

Слѣдовательно безконечное, коего мы имѣемъ идею, есть простое; оное безконечно посредствомъ цѣлости бытія, которое не есть собирательное, но напряженное.

Единство выражаетъ болѣе, нежели величайшее число. — Каждое число есть конечно: нѣтъ ничего безконечнаго, кромѣ единства. И такъ безконечное существо, изчерпывая напряженно цѣлость бытія, не изчерпываетъ онаго протяженно, или собирательно.

2 е. Болѣе находится совершенства въ томъ, чтобъ быть въ состояніи произвести какую-ли-

бо вещь, отличную отъ себя, нежели не имѣть возможности сего сдѣлать.

Между ничтожествомъ и бытіемъ находится безконечное разстояніе. Заставить какую-либо вещь перейти отъ одного къ другому, потребно дѣйствіе безконечное же.

И такъ находится безконечное разстояніе между существомъ плодотворнымъ и существомъ безплоднымъ.

Слѣдовательно всякое безплодное существо не есть безконечное; безконечное же плодотворно, т. е. можетъ дать существованіе тому, чего прежде не было.

Оное можетъ произвести нѣчто, поелику есть безконечно.

Оно не можетъ произвести безконечнаго, поелику безконечное есть само оно — и оное не можетъ произвести себя самаго, поелику уже существуетъ.

Слѣдовательно оно не можетъ произвести ничего, кромѣ ограниченнаго, то есть несовершеннаго.

Поелику то, что оное можетъ произвести, имѣетъ степени возможности и совершенства, которыя возходятъ до безконечнаго, то ни одна изъ сихъ степеней не есть безконечное. Это есть благо, поелику есть существо, но благо несовершенное, поелику существо ограниченное.

Ни одна изъ сихъ степеней существа возможнаго не ограничиваетъ существа безконечнаго; ни одна ему не равняется; нѣтъ ни одной, которая бы находилась отъ него въ безконечномъ разстояніи; самая высочайшая, какую только можно назначить, есть безконечно ниже

его. И такъ всѣ они, хотя неравны между собою, суть равны въ отношеніи къ нему, поелику всѣ находятся безконечно ниже его, и поелику безконечное поглощаетъ въ себя всѣ конечныя неравности. — И такъ существо безконечное пребываетъ само въ себѣ безразлично между творить и не творить, между произведеніемъ творенія въ степени бытія вышшаго, или нижшаго. Всѣ степени, неравныя между собою, суть всегда равны въ безконечной низости въ отношеніи къ нему.

Такимъ образомъ оно есть свободно совершенною свободою безразличности творить, или не творить; творить много, или мало; творить что-либо больше, или меньше продолжительное, болѣе, или менѣе протяженное и многочастное, болѣе, или менѣе стройное, болѣе, или менѣе совершенное.

3 е. Богъ есть каждая степень бытія, но не есть каждое существо во множествѣ.

Та же степень бытія можетъ находиться въ твореніи Божіемъ съ исключеніемъ всѣхъ степеней вышшихъ, и существовать въ самомъ Богѣ съ другими степенями, безконечно высочайшими.

Мы видѣли, что существо безконечно совершенное имѣетъ между своими совершенствами и то, что можетъ заставить существовать что-либо, не имѣвшее прежде бытія, и утвердить его въ одной изъ ограниченныхъ степеней бытія, коими сіе плодотворное существо обладаетъ въ самомъ себѣ неограниченно. Оное не можетъ иначе сотворить существъ, какъ токмо въ нѣкоторой степени имѣющихъ сношеніе

съ тѣми, которыя находятся въ немъ безъ различія, посредствомъ простой и недѣлимой безконечности; слѣдовательно оно можетъ сообщить бытіе и совершенство какой-либо изъ сихъ степеней, не сообщая оной Самаго Себя.

Оное безконечно въ степеняхъ совершенства, но не въ частяхъ; слѣдовательно можетъ произвести какую-либо вещь внѣ себя, не прибавляя ничего къ своей безконечности, поелику, творя новое существо, оно не прибавляетъ никакой новой степени совершенства къ безконечнымъ степенямъ, коими обладаетъ. — И такъ твореніе вселенныя, дѣйствительно отъ него различное, не прибавляетъ ничего къ его безконечности, къ его полнотѣ и къ его цѣлости; сія безконечность, цѣлость и полнота относятся токмо къ степенямъ бытія и совершенства. Размноженіе существъ въ твореніи вселенной не прибавляетъ ничего къ симъ степенямъ, а единственно умножаетъ количество самихъ существъ. Все приводится къ сему очевидному началу, что существуетъ дѣйствительное различіе между быть безконечнымъ и быть собраніемъ существъ безконечныхъ.

Я есмь; я не есмь безконеченъ; слѣдовательно не есмь Богъ: и такъ я есмь существо прибавочное къ безконечному, но не въ томъ родѣ, въ коемъ оное безконечно.

Я есмь одинъ, приданный къ одному; я есмь единица, приданная къ другой единицѣ, которая есть безконечно болѣе единица, нежели я.

Находятся другія существа, подобныя мнѣ, кои суть ограничены и несовершенны. Ихъ число доказываетъ ихъ несовершенство: ибо всякое

множество есть собраніе; всякое собраніе означаетъ части, а части значатъ существа несовершенныя, и которыя не суть все.

Сіи части суть дѣйствительно различны одни отъ другихъ. Можно представить себѣ одну, не представляя въ то же время другой; можно понимать уничтоженіе одной, не представляя себѣ, чтобы другая при семъ что-либо теряла, и не уменьшая ни сколько ея идеи, которая есть представленіе ея сущности.

Справедливо, что невозможно понимать сихъ ограниченныхъ существъ, не представляя себѣ безконечнаго Существа, отъ Котораго они имѣютъ бытіе.

Но это токмо связь идей, подобно какъ причины и дѣйствія, а не тождество оныхъ. Всякое ограниченное и произведенное существо есть собственно относительное къ Существу безконечному, какъ причинѣ своего бытія; не смотря на сіе, оно есть истинное существо: ибо я именую существомъ то, что не есть измѣняющаяся принадлежность существа, но само существо, хотя бы оно было произведеніе другаго высочайшаго, или бы по своей собственной натурѣ было необходимое и непремѣнное.

И такъ вотъ сіи истинныя существа, имѣющія причину ихъ бытія, которыя не всегда существовали, и которыя получили бытіе свое отъ другаго. Я называю ихъ твореніями; изъ нихъ одно совершеннѣе другаго; одно болѣе другаго; одно такого вида, другое инаго; одно мыслитъ, другое не мыслитъ. Слѣдовательно одно не есть другое, и ни то, ни другое не есть существо безконечное: слѣдовательно они суть

прибавочныя существа къ такому, которое существуетъ безконечно. Невозможно къ нему прибавить ничего въ томъ смыслѣ, въ коемъ оно есть безконечно; невозможно понимать ничего, чтобъ было болѣе существо, нежели то, что есть таковымъ безконечно; невозможно прибавить никакой степени бытія къ безконечнымъ степенямъ, которыя содержатся въ его полнотѣ; но какъ оно есть одно токмо существо, то можно понимать число внѣ единства; а какъ оно есть единство безконечное, совершенное, то оное можетъ произвести нѣчто, чего прежде не было, и можетъ поставить оное въ различныхъ ограниченныхъ степеняхъ ниже его безконечности, нераздѣльной въ немъ самомъ.

4 е. Всѣ разности, которыя называютъ существенными, суть ничто иное, какъ степени бытія, кои суть нераздѣльны въ верховномъ единствѣ, и которыя оно внѣ себя можетъ раздѣлять до безконечности въ произведеніи существъ ограниченныхъ и подчиненныхъ.

Существо безконечное, не имѣя границъ ни въ какомъ смыслѣ, также ни въ какомъ смыслѣ не можетъ имѣть ни степени, ни разности, какъ существенной, такъ и случайной, ни опредѣленнаго способа бытія, ни видоизмѣненія.

И такъ все то, что есть ограниченно и можетъ имѣть различія и видоизмѣненія, не есть существо безконечное, самобытное, всеобщее.

Слѣдовательно всякое существо ограниченное, и имѣющее различія и видоизмѣненія, не можетъ быть видоизмѣненіемъ существа безконечнаго; ибо говорить: безконечное видоизмѣняющее-

ся, значитъ говорить: безконечное и конечное, поелику видоизмѣненіе есть ограниченіе существа, и дѣйствительное несовершенство.

И такъ всякое видоизмѣняющееся и имѣющее различія существо, которое не можетъ быть представлено ясною идеею существа неизмѣняющагося, и даже безъ тѣни ограниченія, есть по необходимости существо несамобытное, существо недостаточное и дѣйствительно различное отъ того, которое собственно не измѣняется, и есть невидоизмѣняющееся во всякомъ смыслѣ.

И потому безразсудно говорить, что вообще такъ называемыя созданныя существа суть ничто иное, какъ видоизмѣненія существа. Безконечное не было бы болѣе таковымъ, естьли бы оно могло хотя на минуту измѣниться.

Впрочемъ, кто говоритъ: видоизмѣненія одного и того же существа, говоритъ о чемъ-то такомъ, что дѣйствительно относится къ сему же самому существу, такъ какъ вы не можете имѣть никакой идеи о видѣ иначе, какъ токмо посредствомъ идеи самаго существа видоизмѣняющагося, и также какъ вы не можете представить себѣ вида, не представляя въ то же время другихъ видовъ, которые по необходимости истекаютъ изъ существа видоизмѣняющагося. Такимъ образомъ я не могу представить себѣ фигуры, не представляя въ то же время пространства, къ коему она собственно принадлежитъ, и не могу понимать ни дѣлимости, ни движенія, не понимая пространства и фигуры, которая есть ничто иное, какъ его ограниченіе; изъ сего я заключаю, что ежели бы су-

щества, именуемыя созданными, были токмо видоизмѣненія существа безконечнаго, то бы невозможно было понимать ни одного изъ нихъ, не включая въ то же формальное умоначертаніе, или въ ту же идею существа безконечнаго. Такъ на примѣръ: я не могъ бы думать о муравьѣ, не представляя себѣ дѣйствительно и формально сущности Божественной, что однако же ложно и нелѣпо. Далѣе, я не могъ бы понимать ни одного творенія, не представляя себѣ въ томъ же понятіи другихъ, также какъ не могу представить себѣ дѣлимости, непредставляя въ то же время фигуры и пространства, ни воли мыслящаго существа, не разсуждая о его разумѣ.

Слѣдовательно твари не суть видоизмѣненія одного и того же существа.

Слѣдовательно онѣ суть подлинныя сущности, дѣйствительно различныя однѣ отъ другихъ, которыя существуютъ и подвержены различнымъ видоизмѣненіямъ со взаимною независимостію, такимъ же образомъ, какъ одно тѣло движется, между тѣмъ какъ другое пребываетъ въ покоѣ, и также, какъ одинъ человѣкъ видитъ истину и желаетъ добра, между тѣмъ какъ другой обманывается и любитъ зло.

И такъ сіи существа, дѣйствительно различныя между собою, существуютъ и могутъ быть понимаемы въ полной и взаимной независимости, хотя ни то, ни другое невозможно въ отношеніи къ Верховной Причинѣ, Которая произвела ихъ изъ ничтожества въ бытіе.

Изъ сего слѣдуетъ, что находятся существа, изъ коихъ одни менѣе другихъ. Бытіе и

совершенство суть одно и то же. Существо безконечное хотя есть верховное единство, есть безконечно существо, поелику безконечно совершенно. Я подлинно существую, но не есмь оно; я безконечно менѣе совершенъ, нежели оно, поелику не существую самобытно, подобно ему, но токмо посредствомъ единой его плодотворности. — Существо, которое не познаетъ ни себя, ни другаго существа, его создавшаго, есть менѣе совершенно: оно есть менѣе существо, нежели я, который познаю себя и Вину бытія моего.

И такъ находятся безконечныя степени бытія, которыя всѣ соединены посредствомъ недѣлимой простоты въ Существѣ безконечномъ, и которыя суть дѣлимы до безконечности въ произведеніяхъ сего Существа.

Слѣдовательно, безконечныя степени бытія, взятаго напряженно, не имѣютъ ничего общаго съ размноженіемъ бытія протяженнымъ, и Богъ безконеченъ токмо посредствомъ безконечныхъ степеней, взятыхъ напряженно, кои соединены въ Немъ, и къ которымъ ничего не льзя прибавить. Наконецъ, протяженное размноженіе бытія чрезъ твореніе вселенныя не прибавляетъ ничего къ тому роду напряженной безконечности, которая есть Богъ. —

ПИСЬМО

о понятіи безконечнаго, и о свободѣ Божіей творить и не творить.

Хотя мы, М. Г., никогда не имѣли случая видѣться и знать другъ друга, но не смотря на сіе, я имѣю къ вамъ истинное почтеніе, и особенно побужденъ къ сему письмомъ, которое вы ко мнѣ прислали. Я весьма желалъ бы имѣть возможность отвѣчать вамъ на оное удовлетворительнымъ для васъ образомъ; но почти не смѣю сего надѣяться, какъ по трудности матеріи, коихъ объясненія оное требуетъ, такъ и по краткости времени, которое я могу посвятить на таковое занятіе. — Но не входя еще въ изслѣдованіе вашихъ вопросовъ, позвольте мнѣ предложить вамъ мои общія понятія о Философіи; можетъ быть оныя не будутъ безполезны для объясненія предложенныхъ задачъ. —

Я начинаю тѣмъ, что въ матеріяхъ Философическихъ останавливаюсь въ ту же минуту, какъ скоро нахожу истину Вѣры, которая противорѣчитъ какой нибудь Философской мысли, коей я покушаюсь слѣдовать. Я предпочитаю безусловно разумъ Божій своему собственному, и наилучшее употребленіе, которое я могу сдѣлать изъ своего слабаго свѣта, есть то, чтобы предать оный въ Его волю. И такъ, не слушая самаго себя, я внимаю токмо откровенію, которое преподаетъ мнѣ Церковь, и отвергаю все то, что оное повелѣваетъ мнѣ от-

вергать. Естьли бы всѣ Геометры въ свѣтѣ согласно сказали благоразумному; но незнающему ихъ науки человѣку какую нибудь Геометрическую истину, которой онъ нисколько понимать не можетъ, то онъ сдѣлаетъ умно, повѣривъ ей по ихъ единогласному свидѣтельству; употребленіе, которое онъ тогда сдѣлалъ бы изъ своего непросвѣщеннаго разума, было бы то; чтобы покорить его вышшему и лучше наученному разуму толикаго числа знатоковъ. Не больше ли еще долженъ я покорять ограниченный мой разумъ безконечному разуму Божества? Какъ скоро я понимаю его за безконечный, то надѣюсь въ немъ найти безконечно болѣе такого, чего не могу понимать. Такимъ образомъ, когда идетъ дѣло о предметахъ Религіи, то я вѣрю, не разсуждая, подобно младенцу, и не знаю другаго правила въ семъ случаѣ, кромѣ власти Церкви, предлагающей мнѣ откровеніе. Необходимость, въ коей я безпрестанно нахожусь, вѣрить заподлинно такимъ истинамъ, которыя для меня дѣйствительно непонятны, облегчаетъ мнѣ таковую покорность. На примѣръ: въ которую бы сторону я ни обратился, вѣрить ли дѣлимости цѣлаго въ безконечномъ, или вѣрить атомамъ, то всегда нахожусь въ невозможности отвѣчать на возраженія что-либо согласное съ разумомъ, и принужденъ вѣрить тому, что превосходитъ мое понятіе. Но ежели я безпрестанно дѣлаю таковые опыты вѣрить истинамъ, въ порядкѣ совершенно натуральномъ находящимся, и даже самымъ ничего незначущимъ атомамъ, то сколь по сильнѣйшей причинѣ долженствую признавать сверхъ-

естественныя истины, въ коихъ увѣряетъ меня Откровеніе Божіе, хотя мой слабый разумъ и не можетъ объяснить мнѣ оныя. Даже въ самой Философіи должно на каждомъ шагѣ вѣрить, нимало не сомнѣваясь, тому, что превышаетъ самый разумъ; иначе же не можемъ вѣрить ничему, насъ окружающему и извѣстнѣйшему намъ. Слѣпой откажется ли вѣрить, по словамъ людей ясно видящихъ, бытію свѣта и цвѣтовъ, коихъ онъ понимать не можетъ? Не долженъ ли я почитать себя столь же слѣпымъ въ разсужденіи истинъ сверхъестественныхъ, какъ настоящій слѣпой есть таковъ въ разсужденіи свѣта и цвѣтовъ? Не долженъ ли я столько же быть покоренъ власти Божіей, какъ слѣпой всегда покоряется власти людей ясно видящихъ? По моему заключенію, прилично говорить: невозможно понять такого-то предложенія, и что разумъ, кажется, очевидно опровергаетъ оное; или, что предложеніе кажется достовѣрно, и мы несвободны отвергнуть онаго; я утверждаю и отвергаю безъ изъятія все то, чему Религія предлагаетъ мнѣ вѣрить, или не вѣрить. Я простираюсь еще далѣе, ибо я вѣрю всѣмъ тѣмъ предположеніямъ, къ коимъ мой разумъ руководствуетъ меня съ достовѣрностію, хотя и не могу потомъ, достигнувъ оныхъ, побѣдить силою моего разума противорѣчія, на кои принужденъ взирать какъ на доказанныя противъ сихъ положеній, уже принятыхъ мною.

Объяснивъ вамъ, М. Г., сколь я покорствую власти Религіи, долженъ также признаться, сколь непокоренъ всей власти Философіи. Одни показываютъ мнѣ Аристотеля, какъ Князя Фило-

софіи: я обращаюсь къ разуму, которой есть общій судія между Аристотелемъ и всѣми другими людьми. Другіе приводятъ мнѣ Декарта: я отвѣчаю имъ, что самъ Декартъ научилъ меня не вѣрить ни чьимъ словамъ. Поелику Философія есть ничто иное, какъ самый разумъ; то и должно въ оной слѣдовать одному только разуму. Хотите ли вы, чтобъ я повѣрилъ какому нибудь положенію въ матеріяхъ Философическихъ? Оставимъ въ сторону великія имена и перейдемъ къ доказательствамъ: дайте мнѣ ясныя идеи, а не приводите мѣста изъ Авторовъ, которые могли обманываться. Ежели личная важность имѣетъ какое нибудь мѣсто въ Философіи, то сіе для того, чтобы преклонить насъ изъ уваженія къ извѣстнымъ Философамъ съ большею строгостію изслѣдовать ихъ мнѣнія. Декартъ, которой осмѣлился свергнуть съ себя иго всякой власти, дабы слѣдовать токмо своимъ понятіямъ въ умозрѣніи, самъ не долженъ имѣть надъ нами никакой власти. Ежели бы я хотѣлъ повѣрить какому - либо Философу по причинѣ его знаменитости, то бы лучше повѣрилъ Аристотелю и Платону, которые въ продолженіи толикихъ вѣковъ владычествовали въ рѣшеніяхъ; даже скорѣе бы повѣрилъ Св. Августину, нежели Декарту, въ предметахъ, совершенно Философическихъ: ибо, сверхъ того, что онъ гораздо лучше умѣлъ соглашать ихъ съ Религіею, въ твореніяхъ сего Отца находятъ величайшее усиліе генія въ изслѣдованіи всѣхъ истинъ Метафизики, хотя онъ касался ихъ токмо по случаю и безъ порядка. — Естьли бы какой нибудь просвѣщенный человѣкъ собралъ въ книгахъ Св.

Августина всѣ высокія истины, которыя сей Отецъ разсѣялъ въ нихъ какъ бы случайно, то сіе извлеченіе, сдѣланное съ разборомъ, было бы гораздо превосходнѣе разсужденій Декартовыхъ, хотя сіи разсужденія были величайшее усиліе разума сего Философа.

Я признаюсь вамъ, М. Г., что въ Декартѣ находятся такія вещи, которыя кажутся мнѣ недостойными его, чему примѣромъ можетъ служить его міръ неопредѣленный, которой не значитъ ничего, и заслуживаетъ посмѣянія, ежели не означаетъ дѣйствительнаго безконечнаго. Его доказательство невозможности пустоты есть совершенно ложное умствованіе, въ коемъ онъ слѣдовалъ своему воображенію, вмѣсто того, чтобы держаться идей, просто умозрительныхъ. Много находится такихъ предметовъ, въ коихъ онъ не достигалъ основательной ясности; я говорю сіе тѣмъ свободнѣе, что впрочемъ имѣю великое уваженіе къ разуму сего Философа.

Я знаю, что находится много умныхъ людей, которые называютъ себя Картезіанцами, и которые приняли мнѣнія, какъ мнѣ кажется, весьма смѣлыя, основываясь на началахъ Декартовыхъ; но не желая ни критиковать, ни называть кого-либо по имени, я оставляю каждаго разсуждать свободно столько, сколько Религія сіе дозволяетъ, предоставляя также и себѣ таковую же свободу, и чистосердечно не довѣряя слабому моему просвѣщенію. Мнѣ кажется, что многіе Философы нашего времени, впрочемъ весьма достойные уваженія, не наблюдали довольной точности въ разсужденіяхъ, писанныхъ ими касательно двухъ вашихъ вопросовъ, первое, о на-

турѣ безконечнаго, — и второе, о свободѣ Божіей во внѣшнихъ Его твореніяхъ. — Приступимъ теперь къ изслѣдованію сихъ двухъ вопросовъ.

ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ.

О натурѣ безконечнаго.

Я могу понимать токмо одно безконечное, то есть существо безконечно совершенное, или безконечное во всякомъ родѣ. Всякое безконечное, которое безконечно въ одномъ родѣ, не есть истинное безконечное. Кто говоритъ о родѣ, или видѣ, тотъ очевидно говоритъ о границахъ, или исключеніи всякой дальнѣйшей дѣйствительности бытія, что и означаетъ существо конечное, или ограниченное. Заключать безконечное въ границы рода, значитъ не имѣть довольно ясной идеи объ ономъ. Очевидно, что оно можетъ находиться токмо во всеобщности бытія, которое есть существо безконечно совершенное во всякомъ родѣ и безконечно простое.

Естьли бы можно было представить себѣ безконечныя, ограниченныя частными родами, то справедливо можно было бы сказать, что существо безконечно совершенное во всякомъ родѣ есть безконечно величайшее, нежели сіи безконечныя; ибо, сверхъ того, что оное равнялось бы каждому изъ нихъ въ его родѣ, и превосходило каждое, равняясь всѣмъ имъ вмѣстѣ, оное имѣло бы величайшую простоту, которая содѣлывала бы его безконечно совершеннѣйшимъ, нежели все сіе собраніе вымышленныхъ безконечныхъ.

Впрочемъ, каждое изъ сихъ подчиненныхъ безконечныхъ было бы ограничено опредѣленнымъ мѣстомъ, въ коемъ его родъ поставляетъ его и содѣлываетъ неравнымъ существу безконечному во всякомъ родѣ.

Кто говоритъ о неравенствѣ между двумя существами, по необходимости говоритъ о мѣстѣ, въ коемъ одно изъ нихъ имѣетъ конецъ, а другое не имѣетъ онаго. И такъ допускать неравныя безконечныя значитъ противорѣчить самому себѣ.

Я даже не могу понимать ничего, кромѣ одного токмо единства; поелику единство по своей дѣйствительной безконечности исключаетъ всякую ограниченность и всякой родъ, и наполняетъ всю идею безконечнаго.

Далѣе, какъ я уже замѣтилъ, всякое безконечное, которое не есть простое, не есть истинное безконечное; недостатокъ простоты есть несовершенство: ибо при совершенствѣ, равномъ другимъ, гораздо превосходнѣе быть существомъ цѣлымъ, нежели сложнымъ, то есть, быть только собраніемъ частныхъ существъ. Но несовершенство есть граница: слѣдовательно несовершенство такое, какъ дѣлимость, противоположно натурѣ истиннаго безконечнаго, которое не имѣетъ никакихъ границъ.

Можетъ быть подумаютъ, что все сіе суть токмо пустыя тонкости; но ежели захотятъ совершенно отказаться отъ извѣстныхъ предразсудковъ, то признаютъ, что безконечное сложное есть безконечное токмо по имени, и что оно дѣйствительно ограничено по несовершенству всякаго дѣлимаго существа и приведено къ един-

ству одного рода. Сіе можетъ быть подтверждено предположеніями весьма простыми и натуральными о сихъ выдуманныхъ безконечныхъ, кои суть сложенны.

Покажите мнѣ безконечное дѣлимое; оное должно имѣть безконечность частей, дѣйствительно между собою различныхъ. Отнимите отъ него частичку, столь малую, какъ вамъ угодно; съ тѣхъ поръ, какъ она отдѣлена, я спрашиваю васъ: то, что осталось, есть ли еще безконечное, или нѣтъ? Ежели оно не есть безконечное, то я утверждаю, что цѣлое прежде потери сей части не было истинное безконечное. Доказательство сего есть слѣдующее. Все сложенное конечное, къ коему вы присоединяете частицу, которой оно было лишено, не можетъ сдѣлаться безконечнымъ чрезъ таковое присоединеніе; и такъ оно остается конечнымъ послѣ сего присоединенія: слѣдовательно и прежде отдѣленія оно есть истинно конечное. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли что быть смѣшнѣе, какъ говорить, что одно и тоже цѣлое бываетъ то конечное, то безконечное, смотря по тому, отнимаютъ ли отъ него, или придаютъ къ нему часть, подобную атому? Какъ! не уже ли безконечное и конечное различны между собою только атомомъ болѣе, или менѣе?

Ежели напротивъ сіе цѣлое остается безконечнымъ и тогда, когда уже вы отняли отъ него частицу, то должно допустить, что находятся безконечныя, неравныя между собою; ибо очевидно, что сіе цѣлое было болѣе, когда еще не отнимали отъ него сей частицы, нежели какъ послѣ отдѣленія оной. Это яснѣе солнца,

что отнятіе части есть уменьшеніе цѣлаго, соразмѣрное тому, сколь велика сія часть. Но говорить, что то же безконечное, оставаясь всегда безконечнымъ, бываетъ иногда болѣе, иногда менѣе, означаетъ верхъ нелѣпости.

Сторона, съ которой отдѣляютъ часть, очевидно составляетъ границу по отнятіи оной. Безконечное не есть болѣе безконечное съ сей стороны, поелику тамъ находится означенный конецъ. И такъ сіе безконечное есть воображаемое; и никакое дѣлимое существо не можетъ быть никогда дѣйствительнымъ безконечнымъ. Люди, имѣя понятіе, или идею безконечнаго, прикладываютъ оную несобственнымъ и самой ей противнымъ образомъ ко всѣмъ существамъ, которымъ не могли назначить никакой границы въ ихъ родѣ; но они не разсмотрѣли, что всякой родъ есть самъ по себѣ ограниченіе, и что всякая дѣлимость, будучи несовершенство — которое также есть видимая ограниченность — исключаетъ истинное безконечное, которое есть существо, неимѣющее границъ въ своемъ совершенствѣ.

Бытіе, единство, истина и благо суть одна и та же вещь. И такъ существо безконечное есть безконечно едино, безконечно истинно, безконечно благое, слѣдовательно оно есть безконечно совершенное и недѣлимое.

Изъ сего я заключаю, что нѣтъ ничего ложнѣе, какъ безконечное несовершенное, или ограниченное; ничего ложнѣе, какъ безконечное, которое не есть безконечно едино, и ничего ложнѣе, какъ безконечное, дѣлимое на многія части конечныя, или безконечныя. Сіи химерическія

безконечныя могутъ существовать въ грубомъ воображенiи, но никогда не могутъ быть понимаемы.

Не можетъ быть ниже двухъ безконечныхъ; ибо два, взятыя вмѣстѣ, были бы безъ сомнѣнiя болѣе, нежели каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, и слѣдовательно ни то, ни другое не было бы истинное безконечное.

Далѣе, соединенiе сихъ двухъ безконечныхъ было бы дѣлимо, и слѣдовательно несовершенно, вмѣсто чего каждое изъ нихъ будетъ недѣлимое, и само по себѣ совершенное: и такъ одно безконечное было бы совершеннѣе, нежели оба вмѣстѣ. Ежели напротивъ предположить, что два безконечныя, соединенныя вмѣстѣ, совершеннѣе, нежели каждое изъ нихъ, взятое особенно, то изъ сего слѣдуетъ, что оныя унижались бы, будучи раздѣлены.

И такъ я заключаю, что невозможно понимать болѣе одного существа безконечнаго въ высочайшей степени единаго, истиннаго и совершеннаго.

ВТОРЫЙ ВОПРОСЪ.

О свободѣ Божiей творить и не творить.

Вы очень хорошо можете понимать, М. Г., что когда я говорю; гораздо совершеннѣе быть существомъ плодотворнымъ, нежели не быть онымъ, то не намѣренъ говорить о произведенiи дѣйствительномъ, но токмо объ одной простой возможности творить. Кто говоритъ о плодотворности, тотъ не говоритъ о дѣйствитель-

номѣ произведенiи, но о силѣ производить внѣ себя; такимѣ же образомѣ говорятѣ во всякое время о землѣ, что она есть плодоносна, хотя вѣ сiе время она дѣйствительно и не приноситѣ плодовѣ, поелику она по своей собственной натурѣ можетѣ приносить изобильнѣйшую жатву.

Можетѣ быть мнѣ возразятѣ, что дѣйствiе есть совершеннѣе, нежели могущество, и что болѣе совершенства заключается вѣ томѣ, чтобы производить дѣйствительно, нежели имѣть только возможность производить; но таковое разсужденiе обманчиво. — Дабы уничтожить оное, я прошу васѣ разсмотрѣть слѣдующее.

Правда, что вѣ школахѣ говорятѣ, что *произведенiе дѣлаетѣ совершеннѣе силу и есть дополненiе оной;* но вотѣ что находится существенного вѣ семѣ положенiи:

1. Школьные Философы говорятѣ о произведенiи, какѣ о сущности, отличной отѣ силы и дѣйствiя, и которая есть конецѣ самаго дѣйствiя. Вѣ семѣ смыслѣ конецѣ есть дополненiе, которое приводитѣ силу вѣ совершенство. Никакой Картезiанецѣ не можетѣ говорить такимѣ образомѣ вѣ самомѣ дѣлѣ.

2. Кто говоритѣ о чистой возможности, или простой силѣ, говоритѣ о простой способности существа; напротивѣ, кто говоритѣ о произведенiи, тотѣ говоритѣ о бытiи и совершенствѣ уже существующемѣ и дѣйствительномѣ. Однимѣ словомѣ, то, что заключается вѣ силѣ, есть только возможно; а что находится вѣ дѣйствiи, существуетѣ уже подлинно. Но очевидно, что совершеннѣе быть дѣйствительно

существующимъ, нежели находиться токмо въ возможности, или быть возможнымъ.

Замѣтьте, что одно и то же существо можетъ быть возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и дѣйствительнымъ въ другихъ. Это случается безпрерывно со всякимъ созданнымъ и конечнымъ существомъ; ибо съ одной стороны оное есть дѣйствительно въ отношеніи ко всему тому, что оно уже получило существеннаго и дѣйствительнаго; съ другой стороны только возможно, въ отношеніи ко всему, что остается ему еще получить, и чего въ настоящемъ своемъ положеніи оно имѣетъ токмо простую возможность, или способность получить.

Въ семъ смыслѣ также очевидно, что гораздо совершеннѣе быть дѣйствительно, нежели существовать токмо въ возможности. Но все сіе не имѣетъ никакого отношенія къ силѣ и произведенію въ частныхъ дѣйствіяхъ, которыя свободно творить и не творить, и коихъ иногда находится причина не творить. На примѣръ: я не бываю совершеннѣе говоря, нежели не говоря; даже часто случается, что болѣе совершенства находится въ томъ, чтобы молчать, нежели говорить.

Совершенство состоитъ въ возможности производить таковое дѣйствіе; но я не прибавляю къ оному ничего, производя сіе дѣйствіе: иначе я былъ бы безразсуденъ, не доставляя себѣ совершенства, которое зависитъ отъ меня всякой разъ, когда наблюдаю молчаніе по скромности.

Правда, что душа дѣйствуетъ безпрерывно: она всегда познаетъ, хотя и неясно, ка-

кую - либо истину и соразмѣрно сему желаетъ какого - либо блага; но никакое дѣйствіе, взятое въ особенности, не есть для нея необходимо.

Изъ вышеприведеннаго примѣра явствуетъ несправедливость сего, чтобы дѣйствіе говорить было совершеннѣе въ саморъ себѣ, нежели простая возможность.

Ежели для человѣка не есть совершеннѣе производить дѣйствительно какую - либо вещь, нежели просто имѣть возможность производить оную, то сіе еще справедливѣе въ отношеніи къ Богу; по крайней мѣрѣ должно допустить, что всякое дѣйствіе твари есть видоизмѣненіе, которое она даетъ себѣ. Также справедливо, что она дѣйствуетъ всегда, и слѣдовательно всегда измѣняется то тѣмъ, то другимъ образомъ; но когда она избрала уже лучшее дѣйствіе, то по сему выбору даетъ себѣ и совершеннѣйшее видоизмѣненіе.

Но сего не находится въ Богѣ. По своему безконечному, простому и непремѣнному существу, Онъ неспособенъ ни къ какимъ видоизмѣненіямъ, ибо видоизмѣненіе есть ограниченіе; дѣйствіе же Его есть Онъ Самъ, и ничего къ Нему не прибавляетъ. Ежели бы Его дѣйствіе прибавляло малѣйшее что - либо къ Его совершенству, то бы Онъ не былъ Богомъ, ибо не имѣлъ бы въ Самомъ Себѣ безконечнаго совершенства независимо отъ Своего внѣшняго дѣйствія.

Въ такомъ случаѣ внѣшнее Его дѣйствіе было бы необходимо для Его Божественности, и составляло бы часть оныя.

Еще болѣе: внѣшнее Его произведеніе, которое есть ничто иное, какъ Его тварь, не

могши быть отдѣлено отъ Его плодотворной дѣятельности, было бы необходимо для Его безконечнаго совершенства, и слѣдовательно для Его Божественности; невозможно было бы понимать одно безъ другаго; одно отъ другаго зависѣло бы: тварь была бы необходима Создателю, и смѣшивалась бы съ Нимъ; безконечное совершенство не могло бы иначе существовать, какъ токмо въ семъ цѣломъ, состоящемъ изъ Бога, дѣйствующаго во внѣшности, и Его творенія. Тварь, будучи необходима для Творца даже по своей сущности, не была бы болѣе тварью: должно было бы разсматривать ее совокупно съ Богомъ, также какъ мы почитаемъ Сына и Св. Духа съ Богомъ Отцемъ въ Св. Троицѣ. Въ семъ случаѣ Богъ вѣчно производилъ бы по необходимости все то, что Онъ можетъ произвести совершеннѣйшаго; Онъ долженствовалъ бы симъ Самому Себѣ; никогда бы не былъ Богомъ, какъ токмо въ то время, когда производилъ бы сіе въ дѣйствіе — и ни въ какое время не могъ бы сего не дѣлать. Ежели представить Его себѣ существующимъ хотя одну минуту прежде, нежели Онъ началъ творить, то должно допустить, что начавши производить, Онъ началъ дѣлаться совершеннымъ, дѣлаться Богомъ. Однимъ словомъ, тварь была бы столь необходима для Творца, что невозможно было бы дѣйствительно ихъ различать между собою, и мы привыкли бы не искать болѣе другаго существа, безконечно совершеннаго, кромѣ сего собранія существъ, коихъ тварями именуютъ.

И такъ, что должно дѣлать, чтобы не впасть въ сіе ужасное нечестіе? Должно гово-

рить, что Богъ не бываетъ совершеннѣе, дѣйствуя внѣ Себя, какъ и не дѣйствуя, поелику Онъ всегда есть всемогущъ и безконечно плодотворенъ, даже и тогда, когда Ему не угодно оказывать сіе плодотворное могущество.

Чрезъ сіе будутъ признавать, что Богъ есть свободенъ высочайшею свободою, которой наша собственная есть токмо слабое изображеніе и маловажный участокъ.

Посредствомъ сего можно понять должную благодарность за благодѣяніе, совершенно благодатное, оказанное намъ въ твореніи. Чрезъ сіе-то можно вникнуть въ истинный смыслъ Писанія, которое научаетъ насъ, что Богъ окончилъ Свое твореніе въ шесть дней, потомъ прервалъ Свое дѣйствіе, доводилъ Свое произведеніе мало помалу къ концу и по различнымъ степенямъ; оставлялъ для каждаго дня новой и особенной видъ, и давалъ Своему творенію въ различные пріемы приращеніе совершенства. Каждая вещь и въ каждый день была хороша и достойна Его; но Онъ, въ послѣдствіи времени исправивъ ее, сдѣлалъ еще лучше. Чрезъ сіе Онъ показалъ, сколь Онъ властенъ надъ всѣмъ Своимъ твореніемъ, и можетъ даровать Ему столько и столь мало совершенства, какъ Ему угодно. Онъ могъ прервать Свое твореніе и остановиться на безобразной массѣ: Онъ могъ сдѣлать изъ сей массы твореніе разнообразное, и исполненное красотъ, которое Ему было угодно извлечь изъ оной, и которое вселенною именуютъ.

Нѣтъ ничего ложнѣе, какъ то, когда говорятъ, что Богъ долженствуетъ по порядку, которой есть Онъ Самъ, произвести все то, что

Онъ могъ сотворить совершеннѣйшаго. Сіе разсужденіе могло бы служить къ доказательству, что дѣйствительное произведеніе творенія есть вѣчно и необходимо для Творца. Сіе разсужденіе доказываетъ, что Богъ былъ не въ состояніи остановиться на чемъ-либо въ Своемъ твореніи; что Онъ сдѣлалъ его несвободно, что Онъ долженствовалъ сдѣлать его вдругъ и все цѣлое вмѣстѣ, и даже произвести его отъ вѣчности. Это значило бы утверждать, что Богъ столько же былъ несвободенъ въ образѣ Своего дѣйствованія, какъ и въ сущности Своего творенія. Слѣдуя сему началу, Онъ долженствовалъ бы, дабы не нарушить Своего порядка и не унизить Себя, произвести все Свое твореніе простѣйшимъ образомъ. Однимъ словомъ, естьли бы сіе начало могло быть допущено, всемогущество Божіе въ одно мгновеніе уничтожилось бы; Онъ не могъ бы произвести болѣе ни одного атома; не могъ бы прибавить ни малѣйшей степени совершенства къ самому низкому существу во вселенной. Ежели есть что-либо недостойное Божества, то это таковое понятіе объ Ономъ.

Сколь благороднѣе и съ большею справедливостію Св. Августинъ мыслитъ о Божествѣ! Сей Отецъ представляетъ себѣ степени совершенства, возходя и низходя до безконечнаго, которыя Богъ видитъ раздѣльно однимъ взоромъ. Онъ не находитъ ни одной изъ нихъ, которая бы не была безконечно ниже безконечнаго Его совершенства. Онъ можетъ возноситься, сколь Ему угодно, въ планѣ Своего творенія; но твореніе Его пребудетъ всегда безконечно Его ниже. Онъ можетъ снизойти столько, какъ Ему угод-

но; твореніе Его всегда будетъ добро, совершенно по своей мѣрѣ, различно отъ ничтожества, выше онаго, и достойно безконечнаго Существа. Богъ, избирая между сими безконечными степенями совершенства, призываетъ, или не призываетъ къ онымъ ничтожество; можетъ все, и не долженствуетъ ничего. Безконечное Его превосходство, превышающее Его твореніе, производитъ то, что Онъ не можетъ въ немъ имѣть никакой нужды; самая слава, которую Онъ отъ сего получаетъ, есть, такъ сказать, столь случайна, что оная ограничивается токмо Его увеселеніемъ и совершеннымъ Его произволомъ.

Онъ могъ создать міръ столь рано, или столь поздо, какъ Ему было угодно; но сколь ни рано произошло бы твореніе, но всегда позже Его вѣчности, и сколь ни поздо, но все было бы послѣдуемо сею же самою вѣчностію, которая остается всегда въ цѣлости. Однимъ словомъ, сколь бы ни было долговременно существованіе вселенныя, но она всегда была бы нѣчто конечное въ безконечномъ; и содержалась бы заключенною въ недѣлимой вѣчности своего Создателя.

Св. Августинъ противополагаетъ Манихеямъ сію доброту творенія и сію свободу Художника онаго, поставить его въ такой степени, въ какой Ему угодно. Слѣдуя сему Отцу, *все* есть ничто иное, какъ различныя степени бытія, поелику бытіе и совершенство есть точно одно и то же.

По симъ-то различнымъ степенямъ Богъ дѣлаетъ разнообразнымъ Свое твореніе. Все то, что существуетъ, есть добро и совершенно

въ нѣкоторомъ родѣ. Большее есть совершеннѣйшее, меньшее менѣе совершенно; но все то, что существуетъ, сколь бы въ низкой степени оное ни находилось, достойно Божества, какъ потому, что имѣетъ бытіе, такъ и потому, что потребна всемогущая премудрость, дабы извлечь его изъ ничтожества. Въ то же время всякое созданное существо, сколь бы совершеннымъ его себѣ ни представляли, имѣетъ токмо ограниченную степень бытія, которой не можетъ достигнуть иначе, какъ посредствомъ всемогущей премудрости Того, Который извлекъ его изъ ничтожества. И такъ всякая тварь находится въ срединѣ между сими двумя крайностями въ безконечности Божества.

Богъ не находитъ ничего, что бы не было безконечно Его ниже. Сія безконечная низость всѣхъ существъ самыхъ вышшихъ и самыхъ нижшихъ степеней поставляетъ ихъ въ нѣкоторомъ родѣ равенства въ Его очахъ. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ въ превосходной степени безконечнаго совершенства, которое было бы для него неоспоримымъ правомъ къ тому, чтобы превзойти безконечное Существо. Въ какой бы изъ сихъ различныхъ степеней оное ни находилось; но по необходимости всегда находится въ такой, которая есть конечна, и безконечно ниже Бога. Сіе безконечное неравенство производитъ то, что никакое возможное совершенство не можетъ быть для Него необходимо; и Его безконечное превосходство надъ всякимъ возможнымъ совершенствомъ производитъ Его свободу избирать.

Сіе-то, М. Г., полагаю я себя изучившимъ изъ Св. Августина о свободѣ Божіей въ произве-

деніи внѣшнихъ Его твореній. Я желалъ бы имѣть время объясниться съ вами о всѣхъ сихъ матеріяхъ, и принялъ бы съ великимъ удовольствіемъ все то, что вы пожелаете сообщить мнѣ, ибо я не сомнѣваюсь, что вы сдѣлали великіе успѣхи въ семъ родѣ занятій; но большое Епископство, въ коемъ война безконечно умножаетъ наши замѣшательства, слабое здоровье и трудныя работы о матеріяхъ, до благодати относящихся, отнимаютъ у меня свободу, которую я желалъ бы имѣть, чтобъ разсуждать о Метафизикѣ. Я есмь, и проч.

ПИСЬМО

о истинѣ Религіи, и о практикѣ оныя.

Я думаю, М. Г., что вы должны исполнить три главныя обязанности: первое, объяснить самому себѣ основныя начала Религіи, ежели по какому нибудь случаю вы имѣете въ нихъ нѣкоторое сомнѣніе, или недостатокъ въ живомъ и ясномъ удостовѣреніи; во вторыхъ, испытать свою совѣсть касательно прошедшаго; третіе, сдѣлать планъ Христіянской жизни для будущаго.

I. Нѣтъ ничего такого, что бы можно было съ основательностію противоположить истинамъ Религіи. Въ ней находится великое число самыхъ важнѣйшихъ, которыя сообразны съ разумомъ. Ихъ отвергаютъ токмо по гордости, вольнодумству, по страстямъ и боязни подпасть слишкомъ тягостному игу. На примѣръ, легко видѣть, что мы не создали самихъ себя;

что мы начали быть тѣмъ, чѣмъ не были за сто лѣтъ прежде; что наше тѣло, коего составъ наполненъ пружинами, столь хорошо соединенными, должно быть дѣломъ могущества и искуства удивительнаго; что вселенная во всѣхъ своихъ частяхъ показываетъ искуство высочайшаго Художника, образовавшаго оную; что нашъ слабый разумъ, внутри насъ находящійся, ежеминутно получаетъ наставленія отъ другаго вышщаго Разума, съ Коимъ мы совѣтуемся, и Который насъ поправляетъ, Коего мы не можемъ перемѣнить, поелику Онъ непремѣненъ, и Который насъ перемѣняетъ, поелику мы въ семъ имѣемъ нужду. Весь родъ человѣческій во всѣхъ странахъ и во всѣ времена съ Нимъ совѣтуется; Онъ отвѣчаетъ въ Китаѣ также, какъ во Франціи и Америкѣ. Онъ не дѣлится, сообщаясь: то, что Онъ удѣляетъ мнѣ отъ своего свѣта, не уменьшаетъ нисколько того, коимъ Онъ Самъ преисполненъ. Въ каждую минуту Онъ разливается безъ мѣры, и не истощается никогда. Это Солнце, Коего свѣтъ просвѣщаетъ умы, подобно какъ видимое солнце просвѣщаетъ тѣла. Сей Свѣтъ есть вѣчный и неизмѣримый; Онъ существуетъ во всѣ времена, также какъ и во всѣхъ мѣстахъ. Онъ не есть *я* во мнѣ самомъ, поелику Онъ меня укоряетъ и исправляетъ противъ собственной моей воли; слѣдовательно Онъ выше меня и выше всѣхъ людей, подобно мнѣ слабыхъ и несовершенныхъ. Сей верховный Разумъ, Который есть правило моего, сія Мудрость, отъ Которой всякой мудрецъ получаетъ то, что онъ имѣетъ, сей высочайшій Источникъ свѣта, въ Коемъ мы почерпаемъ все, есть Богъ,

Коего мы ищемъ. Онъ существуетъ самобытно, а мы посредствомъ Его. Онъ создалъ насъ подобными Себѣ, то есть разумными, для того, чтобъ мы могли познавать Его какъ безконечную Истину, и любить какъ неизмѣримую Благость. Вотъ Религія, ибо Религія есть любовь. Любить Бога, и сообщать любовь къ Нему другимъ людямъ значитъ исполнять совершенное Богослуженіе. Богъ есть нашъ Отецъ, а мы Его дѣти. Отцы земные не суть то, что Онъ, а токмо тѣнь Его. Мы долженствуемъ Ему жизнію, познаніемъ, бытіемъ и всѣмъ тѣмъ, что мы есмы. Должно ли, чтобъ мы, имѣя столько отвращенія къ неблагодарности человѣка противъ оказавшаго ему малѣйшія благодѣянія, поставляли славою для себя величайшую неблагодарность въ отношеніи къ Отцу, отъ Котораго получили самое основаніе нашего бытія? Должно ли, чтобъ мы безпрестанно употребляли дары любви Его къ тому, чтобъ нарушать законъ Его и оскорблять Его величіе? Вотъ основныя истины Религіи, которыя самъ разумъ подтверждаетъ. Она не прибавляетъ ничего къ правиламъ мірской честности, кромѣ утѣшенія дѣлать изъ любви и по признательности къ нашему небесному Отцу то, чего самый разумъ требуетъ отъ насъ въ пользу добродѣтели.

Правда, что Религія предлагаетъ намъ другія истины, кои именуются таинствами, и которыя суть непостижимы для нашего разума. Должно ли удивляться, что человѣкъ, который не знаетъ ни пружинъ собственнаго своего тѣла, ежечасно имъ употребляемыхъ, ни мыслей своея души, коихъ не можетъ самому себѣ обна-

ружить, не понимаетъ тайнъ Божества? — Должно ли удивляться, что конечное не можетъ ни изчерпать безконечнаго, ни равняться ему? — Можно сказать, что Религія не имѣла бы характера безконечнаго, отъ котораго она происходитъ, ежели бы не превышала нашъ слабый и недальновидный разумъ? Достойно Божества и сообразно собственнымъ нашимъ нуждамъ, чтобы оный былъ униженъ и приведенъ въ смятеніе сею смиряющею властію таинствъ, коихъ мы проникнуть не можемъ.

Впрочемъ Религія не представляетъ намъ ничего, кромѣ сообразнаго съ разумомъ, любезнаго, трогательнаго и достойнаго удивленія во всемъ томъ, что касается до чувствованій, ею намъ внушаемыхъ, и нравовъ, коихъ она отъ насъ требуетъ. Единственный пунктъ, которой можетъ смутить наше сердце, есть обязанность любить Бога больше, нежели самихъ себя, и относить себя совершенно къ Нему. Но что можетъ быть справедливѣе сего, чтобъ возвращать все Тому, отъ Коего къ намъ все приходитъ, и относить къ Нему это *я*, которое мы отъ Него же получили? Напротивъ, есть ли что несправедливѣйшее, какъ то, что мы съ толикимъ трудомъ обращаемся къ симъ столь разумнымъ и справедливымъ чувствованіямъ? Должно, чтобъ мы были весьма повреждены и слишкомъ заблудились отъ нашего пути, чтобъ быть столь возмутительными противъ толико законной подчиненности? Это слѣпое, бѣшеное, ненасытимое, тиранническое самолюбіе, которое хочетъ имѣть все для одного себя, которое дѣлаетъ насъ идолопоклонниками насъ самихъ, которое

производитъ, что мы хотѣлибъ быть средоточіемъ цѣлаго міра, и чтобы Самъ Богъ служилъ единственно къ потворствованію всѣмъ нашимъ тщетнымъ желаніямъ. Оно-то есть врагъ любви къ Богу. Вотъ глубокая рана въ нашемъ сердцѣ, вотъ великое начало невѣрія. Когда человѣкъ содѣлается правосуднымъ? Когда онъ будетъ поставлять себя на своемъ истинномъ мѣстѣ? Когда онъ будетъ любить себя не иначе, какъ слѣдуя разуму, соразмѣрно тому, сколь онъ любви достоинъ, и предпочитать себѣ не токмо Бога, Который не можетъ имѣть никакого сравненія, но и всякое публичное благо общества другихъ людей, подобно ему несовершенныхъ? Еще разъ, вотъ Религія: познавать и любить Бога. *Въ семъ состоитъ цѣлый человѣкъ*, говоритъ мудрый Еккл. гл. 12, ст. 13; все прочее не есть истинный человѣкъ. Это есть токмо человѣкъ безчувственный, поврежденный и уничиженный, человѣкъ, которой потерялъ все, хотѣвши безумно дать себѣ все, и которой нищенскимъ образомъ испрашиваетъ благополучія у тварей, презирая истинное блаженство, Богомъ ему обѣтованное. Что поставляютъ на мѣстѣ сего безконечнаго блага? Постыдныя удовольствія, призракъ чести, почтеніе людей, которыхъ презираютъ. — Когда вы основательно утвердите начала Религіи въ вашемъ сердцѣ, то должно будетъ вступить въ испытаніе вашей совѣсти, дабы исправить ошибки и заблужденія прошедшей жизни.

II. Первый шагъ къ таковому испытанію есть принять чувствованія, коими вы обязаны Богу. Хотите ли вы, чтобы достойный уваже-

нія человѣкѣ чувствовалѣ ошибки, которыя онѣ сдѣлалѣ вѣ обществѣ противѣ чести, и проступки, недостойные его рожденія? Начните сѣ того, чтобы заставить его войти вѣ чувствованія благородныя и добродѣтельныя, коими праводушіе и честь должны одушевлять его: тогда онѣ весьма живо почувствуетѣ даже малѣйшія ошибки, коимѣ былѣ подверженѣ вѣ таковыхѣ случаяхѣ, будетѣ дѣлать себѣ строжайшіе упреки, и будетѣ оными пристыженѣ и неутѣшимѣ. Дабы насѣ привести вѣ раскаяніе о нашихѣ заблужденіяхѣ, должно, чтобѣ мы имѣли вѣ нашемѣ сердцѣ любовь кѣ добродѣтели противоположную симѣ заблужденіямѣ. Хотите ли вы точно разсмотрѣть всѣ проступки, коимѣ были подвержены противѣ Бога? Начните любить Его. Любовь кѣ Богу просвѣтитѣ васѣ, и произведетѣ вѣ вашемѣ сердцѣ живое разкаяніе о вашей неблагодарности вѣ отношеніи кѣ сей благости безконечной. Спросите человѣка, которой совсѣмѣ не знаетѣ Бога, и которой совершенно вѣ семѣ случаѣ равнодушенѣ, — чѣмѣ онѣ оскорбилѣ Его? Вы найдете его грубымѣ невѣждою касательно собственныхѣ его заблужденій: онѣ не знаетѣ ни того, чего Богѣ отѣ него требуетѣ, ни того, вѣ чемѣ можно измѣнить Ему. Токмо любовь даетѣ намѣ истинную разборчивость вѣ разсужденіи грѣховѣ нашихѣ. Откройте глаза вѣ темномѣ мѣстѣ: вы не примѣтите ничего вѣ воздухѣ; но взгляните вѣ окно на лучи солнечные, вы увидите даже малѣйшіе атомы. — И такѣ научайтесь познавать благость Божію, и все то, чѣмѣ мы Ему долженствуемѣ. Начните сѣ любви кѣ Нему, — и любовь сдѣлаетѣ испыта-

ніе вашей совѣсти лучше, нежели какъ бы вы сами могли это сдѣлать. — Любите — и любовь послужитъ вамъ памятью, дабы порицать васъ упреками нѣжными, и приносящими съ собою утѣшеніе за все то, что вы нѣкогда сдѣлали противъ любви самой. Взгляните на возобновленіе живой и искренней дружбы между двумя лицами, которыя были въ ссорѣ: ничто не избѣгаетъ ихъ вниманія въ отношеніи ко всему, что служило нѣкогда къ уязвленію сердецъ ихъ и къ разрыву единодушія. Вы спрашиваете меня: какъ можно произвести въ самомъ себѣ сію любовь, которой не чувствуешь, а особливо, когда оная относится къ предмету, коего мы не видимъ, и которымъ никогда не занимались? Я отвѣчаю вамъ на сіе, что вы ежедневно любите такія вещи, коихъ совсѣмъ не видите. — Видите ли вы мудрость вашего друга, его искренность, его храбрость, его безкорыстіе, его добродѣтель? Вы не можете видѣть сихъ предметовъ очами тѣлесными, но тѣмъ не менѣе вы ихъ уважаете и любите до такой степени, что предпочитаете оныя въ немъ богатству, пріятной наружности и всему, что можетъ прельщать зрѣніе. Любите верховную мудрость и благость Божію такъ, какъ вы любите ограниченную мудрость и добродѣтель вашего друга: ежели вы не можете имѣть любви сердечной, по крайней мѣрѣ будете чувствовать любовь къ превосходству въ вашей волѣ, которая есть существенный пунктъ.

Но даже и сія любовь не состоитъ въ вашей власти: не отъ васъ зависитъ дать ее самому себѣ; должно ее желать, просить, ожидать, трудиться, дабы заслужить ее, и чув-

ствовать нещастіе быть оныя лишеннымъ. Должно восклицать къ Богу отъ уничиженнаго сердца съ Св. Августиномъ: *О Красота древняя и всегда новая! столь поздо я позналъ и возлюбилъ Тебя!* Сколько потерянныхъ годовъ! Увы! для чего жилъ я, не живъ для Тебя? — Чѣмъ менѣе вы чувствуете сію любовь, тѣмъ больше должны просить Бога, дабы Онъ удостоилъ возжечь ее въ вашемъ сердцѣ. Скажите ему: я молю Тебя объ оной, какъ бѣдные просятъ хлѣба. О сколь бѣдно мое сердце — до какой нищеты оное доведено! О Существо, толико любви достойное, и столь мало любимое! сотвори, чтобъ я любилъ Тебя! Воззови мою блуждающую любовь къ ея центру; научи меня сообщаться съ Тобою; привлеки меня всего къ Себѣ, дабы я вступилъ въ единеніе сердца съ Тобою, единымъ вѣрнымъ другомъ! О Боже! чего я не любилъ внѣ Тебя? Мое сердце погружено въ развратнѣйшихъ склонностяхъ. Я стыжусь того, что любилъ; но еще болѣе стыжусь того, чего не любилъ совершенно. Даже до сего времени я питался ядомъ и нечистотою, съ негодованіемъ отвергалъ хлѣбъ небесный, презиралъ источникъ воды живыя, вырывалъ для себя болотныя водохранилища, прибѣгалъ безумно ко лжи, закрывалъ глаза отъ истины, и не хотѣлъ видѣть бездны, разверзнувшейся подъ моими стопами. О Боже мой! Ты не забывалъ никогда того, которой забылъ Тебя; Ты любилъ меня, хотя я не любилъ Тебя нисколько, и имѣлъ сожалѣніе о моихъ погрѣшностяхъ; Ты искалъ того, который убѣгалъ Тебя.

Какъ скоро вы будете истинно тронуты, то все для васъ сдѣлается легкимъ въ испытаніи, которое вы намѣрены сдѣлать: чешуя, такъ сказать, вдругъ спадетъ въ вашихъ очей; вы узрите проницательными очами любви то, чего другіе глаза никогда различить не могутъ; тогда вы должны удержаться и не понуждать себя далѣе. До сихъ поръ было полезно принужденіе, поелику самолюбіе удержало бы васъ на пути вашемъ тысячею размышленій, недостойныхъ поклоненія Божеству.

Что касается до подробностей испытанія вашей совѣсти, оныя не будутъ затруднительны. Изслѣдуйте ваши обязанности къ обществу и къ вашему собственному званію, какъ владѣлецъ земель, какъ Генералъ въ арміи, какъ Господинъ вашихъ домашнихъ, какъ человѣкъ отличнаго состоянія. Потомъ разсмотрите, въ чемъ вы измѣнили Религіи — весьма смѣлыми рѣчами, любви Христіянской — словами, вредными для ближняго, скромности, весьма вольными выраженіями, правосудію — неисправностью въ платежѣ вашихъ долговъ; вспомните о вашихъ грубыхъ страстяхъ, коимъ вы позволили себя увлекать, о ближнемъ, которой послѣдовалъ вашему худому примѣру, и о соблазнѣ, которой вы подали. Живши долгое время по волѣ страстей своихъ, въ отдаленіи отъ Бога, не возможно привести себѣ на память всѣ подробности; но не замѣчая сего, дѣлаютъ это довольно хорошо, вообще обвиняя себя въ такихъ порокахъ, которые сдѣлались привычками въ теченіи толикаго числа лѣтъ.

III. Въ разсужденіи будущаго нужно исправить ваше сердце для исправленія вашей жизни. Каждый живетъ сообразно своимъ склонностямъ — и любовь каждаго опредѣляетъ все его поведеніе. Когда вы не любили ничего, кромѣ себя и своихъ удовольствій, то вы презирали Бога: вожделѣніе было вашимъ Богомъ; вы простирали удовольствіе *даже до скупости*, какъ говоритъ Св. Павелъ; были ненасытимы въ чувственныхъ увеселеніяхъ, такъ какъ скупые въ деньгахъ; хотѣвши обладать собою независимо отъ Бога, дабы наслаждаться всѣмъ безъ мѣры, вы потеряли все; вы совершенно не сами обладали собою, были преданы тиранству страстей своихъ — и почти разрушили самихъ себя. Какое изступленіе самолюбія! И такъ возвратитесь, возвратитесь къ Богу; Онъ васъ ожидаетъ, призываетъ, простираетъ къ вамъ свои объятія; Онъ васъ любитъ гораздо болѣе, нежели какъ вы сами можете любить себя. Призывайте Его въ смиренной молитвѣ, дабы научиться отъ Него тому, чего Онъ отъ васъ желаетъ. Скажите Ему, какъ говорилъ Св. Павелъ, пораженный и обращенный: Господи! что Ты хощеши, да сотворю? *Дѣяній гл. 9, ст. 6. Господи, что мя хощеши творити?*

Когда вы будете пріучены къ молитвѣ, сдѣлайте съ помощію мудрыхъ и благочестивыхъ совѣтовъ планъ жизни простой, которую бы вы могли выдержать долгое время, и которая привела бы васъ въ безопасность отъ вторичнаго паденія. Изберите себѣ такое знакомство, которое показывало бы перемѣну вашего сердца. Никогда истинный другъ Божій не будетъ ис-

кать того, чтобы жить съ Его непріятелями. Чѣмъ болѣе онъ будетъ чувствовать въ своемъ сердцѣ склонность къ развратнымъ людямъ, тѣмъ болѣе будетъ удаляться ихъ, страшась впасть съ ними опять въ распутство. Наималѣйшее, что можно принести въ жертву Богу, есть чувствовать свою бренность, недовѣрять самому себѣ послѣ столькихъ печальныхъ опытовъ, бѣжать отъ опасности для побѣжденія которой не должно надѣяться на собственныя свои силы, и полагать, что тотъ, кто ищетъ оныя, заслуживаетъ быть побѣжденнымъ. И такъ избирайте себѣ друзей, съ которыми бы вы могли любить Бога, отказываться отъ міра и находить себѣ постоянное утѣшеніе въ добродѣтели. Убѣгайте притворства и принужденности; да будетъ въ васъ видимо благочестіе простое, обращенное совершенно къ вашимъ должностямъ, и воспитываемое мужествомъ, откровенностію и миромъ, которые производятъ чистую совѣсть и искреннее соединеніе съ Богомъ.

Приведите въ порядокъ ваши издержки, и примите всѣ мѣры, которыя отъ васъ зависятъ, дабы удовольствовать вашихъ заимодавцевъ. Обращайте вниманіе на добро, которое вы можете произвести въ вашихъ земляхъ, дабы уменьшить въ оныхъ безпорядки и злоупотребленія, и покровительствовать справедливость и Религію.

Избирайте упражненія полезныя, которыя бы занимали ваше свободное время. Вы любите чтеніе: избирайте для онаго лучшее. Читайте книги, исполненныя твердаго благочестія, дабы питать онымъ ваше сердце, и книги историческія, кои доставятъ вамъ невинное удовольствіе.

Но выше всего требую я отъ васъ, чтобы оставлять ежедневно, предпочтительно всему прочему, четверть часа по утру и столько же ввечеру, для того чтобъ быть въ дружественномъ и сердечномъ сообщеніи съ Богомъ. Вы спрашиваете меня, какъ можно научиться сей молитвѣ; я отвѣчаю вамъ, что вы сдѣлаете оную превосходно, ежели ваше сердце будетъ приносить ее. Какъ говорятъ съ людьми, которыхъ любятъ? Покажется ли долгою четверть часа, проведенная съ добрымъ другомъ? Вотъ вѣрный Другъ, Который не оставляетъ васъ и тогда, когда вы отъ Него отказываетесь, между тѣмъ какъ всѣ прочіе друзья пренебрегаютъ васъ, поелику вы не можете болѣе раздѣлять съ ними удовольствій. Говорите Ему все, слушайте Его во всемъ; часто входите въ самихъ себя, дабы обрѣсти Его тамо. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*, говоритъ І. Х. Не должно искать Его далеко, поелику Онъ столь же близокъ къ намъ, какъ мы сами. Онъ приправляется ко всему, и не хочетъ ничего, кромѣ сердецъ нашихъ; остается токмо принести вами обыкновенныя молитвы и обѣты, выученныя старательно. Ежели воображеніе ваше заблуждается, возвратитесь тихими стопами къ присутствію Божію; не принуждайте себя, не дѣлайте изъ молитвы напряженія разума; взирайте на Бога не такъ какъ на господина, къ коему подходятъ пріуготовившись съ церемоніями и замѣшательствомъ. Свобода и дружественность любви никогда не уменьшаютъ истиннаго почтенія и покорности. Ваша молитва тогда токмо будетъ совершенна, когда вы будете обращаться

свободнѣе съ истиннымъ Другомъ сердца, нежели со всѣми ложными друзьями сего міра. Вы спрашиваете меня, какое раскаяніе должны вы приносить о вашихъ грѣхахъ; я вамъ отвѣчаю такъ, какъ І. Х. женѣ прелюбодѣйцѣ: *ни азъ тебе осуждаю: иди, и ктому не согрѣшай.* Ваше великое покаяніе будетъ состоять въ томъ, чтобы сносить терпѣливо ваши нещастія, быть пригвожденнымъ ко кресту со І. Х., отрѣшаться отъ жизни, находясь въ печальномъ и трудномъ положеніи, въ коемъ она содѣлалась столь тлѣнна, и принести оную въ жертву Богу, ежели это должно, съ смиреннымъ мужествомъ. Превосходное покаяніе подвергать себя власти Божіей въ жизни и смерти! Не значитъ ли сіе вознаграждать всѣ проступки, чтобъ быть терпѣливымъ въ горестяхъ, и готовымъ погубить, когда это будетъ угодно Богу, сію жизнь, изъ коей дѣлали столь худое употребленіе.

Вотъ, М. Г., основныя правила, кои я имѣлъ въ своемъ сердцѣ предложить вамъ; примите оныя за знакъ моего истиннаго къ вамъ почтенія и дружбы.

Разговоръ

Г-на Фенелона съ Рамзеемъ, описанный самимъ Г-мъ Рамзеемъ.

Въ 1710 году имѣлъ я честь видѣть въ первый разъ Архіепископа Камбрейскаго, и почитаю своею обязанностію сообщить публикѣ разговоры, кои я имѣлъ съ нимъ о Религіи.

Родясь въ свободной землѣ, гдѣ разумъ человѣческій можетъ свободно принимать на себя всѣ возможныя формы, я разсматривалъ большую часть Религій, желая обрѣсти истину; суевѣріе и противорѣчія, господствующія во всѣхъ Протестантскихъ системахъ, произвели во мнѣ отвращеніе ко всѣмъ Христіянскимъ сектамъ.

Какъ мое сердце не было повреждено сильными страстями, то по сему и мой разумъ не могъ допускать нелѣпостей Атеизма. Полагать ничтожество источникомъ всего существующаго; и признавать вѣчное уничтоженіе всѣхъ ограниченныхъ существъ, казалось мнѣ глупостію; еще болѣе непостижимою, нежели самые несмысленные догматы какой-либо секты вѣрующихъ.

Я хотѣлъ сдѣлаться благоразумнымъ Деистомъ, и ограничить служеніе Божеству неизмѣнными идеями чистой добродѣтели, не заботясь ни о внѣшнемъ Богослуженіи, ни о священникахъ, ни о таинствахъ — и однакожъ не могъ истребить въ себѣ уваженія къ Христіянству, коего мораль столь возвышенна. Часто тысячи сомнѣній отягощали мою душу. Предаться вдругъ Деизму казалось мнѣ отважнымъ поступкомъ; придерживаться же какой-либо Христіянской секты дѣтскою слабостію. Я блуждалъ туда и сюда въ тщетныхъ началахъ безмѣрной вѣротерпимости (Толерантизма), и не находилъ ничего постояннаго. Въ таковомъ расположеніи пріѣхалъ я въ Камбре.

Архіепископъ принялъ меня съ отеческою благостію и добродушіемъ, которое въ одну минуту привлекаетъ сердца. Въ теченіи шести

мѣсяцовъ я имѣлъ съ нимъ пространные разговоры о Религіи. Я не могу описать здѣсь всего того, что онъ мнѣ говорилъ о сей матеріи, но перескажу только сущность его разсужденій. Вотъ какимъ образомъ я изложилъ ему мои основанія:

Богъ не требуетъ другаго служенія, кромѣ любви къ безконечному Его совершенству, изъ коей проистекаютъ всѣ добродѣтели, Божественныя и человѣческія, нравственныя и гражданскія. Всѣ Философы, всѣ мудрецы, всѣ народы имѣли нѣкоторое понятіе о сей естественной Религіи; и всѣ они смѣшивали оную съ догматами, болѣе или менѣе истинными, и изображали Богослуженіемъ, болѣе или менѣе приличествующимъ. Всѣ виды поклоненія пріятны Всевышнему Существу, ежели люди пользуются церемоніями, мнѣніями, и даже заблужденіями своей секты для того, дабы довести насъ къ поклоненію оному. Нужно внѣшнее Богослуженіе; но всѣ его виды суть то же самое, что разные роды гражданскихъ правленій, болѣе, или менѣе совершенныхъ, смотря по употребленію, которое изъ нихъ дѣлаютъ.

Я не допускаю, чтобы истинная Религія находилась единственно въ частномъ какомъ-либо обществѣ. Я удивляюсь нравственности Евангельской; но всѣ умозрительныя мнѣнія суть дѣло постороннее, въ коемъ Верховная Мудрость мало принимаетъ участія. — Онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Вы не можете оставаться въ вашей Философической независимости, ни въ суетной терпимости всѣхъ сектъ, не почитая Христіянство вымысломъ; ибо нѣтъ никакой благоразумной средины между Деизмомъ и Католичествомъ.

Сія идея показалась мнѣ парадоксомЪ. Я просилЪ его объяснить мнѣ сію мысль. ОнЪ продолжалЪ:

Должно ограничиться одною естественною Религіею, основанною на идеѣ Бога, не допуская никакого сверхЪестественнаго, или откровеннаго закона; или, ежели допустить оной, то должно признать Верховную Власть, Которая бы могла каждую минуту объяснять его. — БезЪ сей видимой и постоянной Власти Церковь Христіянская была бы подобна республикѣ, коей даны мудрые законы, но безЪ власти для исполненія оныхЪ. Какой источникЪ замѣшательствЪ! Каждый пришелЪ бы сЪ книгою законовЪ вЪ рукахЪ спорить о смыслѣ оныхЪ. Божественная книга служила бы токмо пищею для нашего тщетнаго любопытства, ревности кЪ мнѣніямЪ и гордаго предубѣжденія. Не нашлось бы ни одного текста, которой бы не толковали каждый по своему. Раздѣленія и подраздѣленія умножились бы до безконечности. НашЪ Верховный Законодатель не лучше ли промышлялЪ о сохраненіи Своего закона и мира вЪ Своей Республикѣ?

Далѣе, ежели бы не находилось таковой непогрѣшительной власти, которая бы говорила всѣмЪ намЪ: *ВотЪ истинный смыслЪ Св. Писанія,* то какимЪ бы образомЪ грубый поселянинЪ или простой художникЪ могли вступить вЪ разсужденія, вЪ коихЪ сами ученые не могутЪ согласиться? БогЪ не удовлетворилЪ бы нуждамЪ почти всѣхЪ людей, даровавЪ имЪ писанный законЪ, естьли бы вЪ то же время не далЪ надежнаго Истолкователя, дабы пощадить ихЪ отЪ изысканій, кЪ коимЪ они неспособны. Всякой про-

стой и чистосердечный человѣкъ долженъ только хорошо чувствовать свое невѣжество, чтобы видѣть нелѣпость сектъ, кои основываютъ свое отдѣленіе отъ Церкви Католической на намѣреніи сдѣлать его судіею въ тѣхъ матеріяхъ, которыя превосходятъ способности его разума. Должно ли слѣдовать новой реформѣ, которая требуетъ невозможнаго, или древней Церкви, которая снисходитъ слабости человѣческой?

Наконецъ должно отвергнуть Библію, какъ вымыслъ, или покориться сей Церкви. Справьтесь съ Священными книгами. Разсмотрите пространство обѣтованій, сдѣланныхъ I. Христомъ Церкви и Священству, блюстителю Его законовъ. Онъ рекъ, что *все, еже аще связана будутъ на землѣ, связана и на небесехъ*; что *Онъ пребудетъ съ нею до скончанія вѣка*; что *врата адовы не одолѣютъ ей*; что *слушающій ее, Его слушаетъ, не повинующійся же ей, Ему не повинуется*; и что наконецъ *она есть основаніе и столпъ истины*. Вы не можете ни чрезъ какое истолкованіе ослабить силу сихъ текстовъ, не отвергнувшись вмѣстѣ какъ Законодателя, такъ и Его закона.

Какъ, возразилъ я, вы хотите, чтобъ я призналъ какое-либо общество на землѣ непогрѣшительнымъ? Я разсматривалъ большую часть сектъ. Позвольте сказать мнѣ, со всѣмъ должнымъ къ вамъ уваженіемъ: Священники всѣхъ Вѣръ часто бываютъ болѣе испорченны и незнающи, нежели другіе люди. Всѣ они равно мнѣ подозрительны.

Онъ отвѣчалъ мнѣ голосомъ тихимъ и умѣреннымъ: „Ежели мы не возносимся превыше все-

го человѣческаго, то въ многочисленнѣйшихъ собраніяхъ Церкви найдемъ только то, что можетъ насъ раздражить, возмутить нашъ разумъ и питать наше невѣріе: страсти, предразсудки, человѣческія слабости, происки и пронырства. Но тѣмъ болѣе должны мы удивляться всемогуществу и премудрости Божіей, которая совершаетъ свое намѣреніе средствами, кои по видимому долженствовали бы разрушить оное: и въ семъ-то случаѣ Духъ Святый оказываетъ Свое владычество надъ сердцемъ человѣческимъ. Онъ умѣетъ пользоваться всѣми недостатками частныхъ пастырей, употребляетъ ихъ къ совершенію Своихъ обѣтованій, и по Своему бдительному промыслу всегда бодрствуетъ надъ ними, и даже самыя ихъ ошибки направляетъ сообразно своей волѣ. Такимъ образомъ Богъ во всемъ и вездѣ дѣйствуетъ, и какъ въ гражданскихъ, такъ и въ церковныхъ властяхъ все повинуется Его законамъ. Все споспѣшествуетъ Его намѣреніямъ, свободно ли то, или по необходимости. Не святость нашихъ начальниковъ и не личные ихъ таланты производятъ нашу покорность силѣ Божества, но внутреннее и тайное повиновеніе духа порядку онаго.

Я просилъ времени для того, чтобы разсмотрѣть сущность его разсужденій; перебиралъ ихъ въ своей памяти и размышлялъ безпрерывно. Наконецъ, послѣ долгихъ изысканій, согласился, что невозможно допустить откровеннаго закона безъ повиновенія живому его истолкователю. Но сія истина сдѣлала на меня совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какое должна была

бы сдѣлать. Моя душа покрылась густыми облаками, и я чувствовалъ всѣ приступы невѣрія.

Во время сего чрезвычайнаго волненія души я имѣлъ невольное, непреодолимое побужденіе его оставить. Я началъ подозрѣвать его прямодушіе. Одно только средство могло служить къ разрѣшенію моихъ сомнѣній — сдѣлать ему въ оныхъ довѣренность. Какихъ сраженій не долженъ былъ я выдержать прежде, нежели рѣшился на таковое чистосердечіе? И однакожъ необходимо должно было это сдѣлать. Я просилъ у него особенной аудіенціи; онъ согласился на сіе: я повергся предъ нимъ на колѣна и сказалъ: Простите, государь, излишеству моихъ сомнѣній. Ваша ревность для меня подозрительна, и я не могу болѣе слушать васъ съ пользою. Ежели Церковь непогрѣшительна, то вы осуждаете ученіе чистой любви, осуждая вашу книгу правилъ Св. Отецъ. Естьли же вы не осуждаете оное, то ваше повиновеніе притворно. — Произнеся сіи слова, я залился слезами. Онъ поднялъ меня, обнялъ съ нѣжностію, и говорилъ такимъ образомъ:

Церковь, осудивъ мою книгу, никогда не осуждала ученія чистой любви. Сіе ученіе преподается во всѣхъ Католическихъ школахъ; но термины, употребленные мною для изъясненія онаго, были приличны токмо для догматическаго сочиненія. Моя книга не значитъ ничего, и я объ ней нисколько не забочусь. Это незрѣлый плодъ моего разума, а не плодъ помазанія сердца. Я не хочу даже, чтобъ вы ее читали. — Здѣсь онъ говорилъ мнѣ все то, что я самъ

говаривалъ въ разсужденіи сей книги, и изъяснилъ сію матерію до основанія.

Таковое обращеніе разсѣяло всѣ мои подозрѣнія касательно его особы; сомнѣнія же о Религіи умножились. Я видѣлъ, что, разсуждая философически, должно сдѣлаться Католикомъ, или Деистомъ; но благоразумный Деизмъ казался мнѣ крайностію приличнѣйшею, нежели Католичество. Истина скрывалась отъ моего разума, подобно какъ миръ оставилъ мое сердце. Я повергся въ глубокую меланхолію. Нѣсколько недѣль прошли прежде, нежели я могъ съ нимъ разговарить. Онъ пробовалъ многократно открыть мое сердце, и приступалъ къ сему съ таковою вкрадчивостію, что я не могъ болѣе ему противиться. — Наконецъ я сказалъ ему дрожащимъ голосомъ слѣдующее:

Ваше послѣднее разсужденіе сдѣлало странное впечатлѣніе на меня. Все мое чтеніе и изысканія не служатъ мнѣ болѣе ни къ чему. Я вижу подлинно, что нѣтъ никакой благоразумной средины между Деизмомъ и Католичествомъ. Но вмѣсто того, чтобы вѣрить всему, чему Католики обыкновенно вѣруютъ, я лучше избираю другую крайность: я повергнусь въ сей чистый Деизмъ, которой равномѣрно удаленъ отъ безразсуднаго легковѣрія и чрезмѣрной недовѣрчивости. Моя вѣра, освобожденная отъ множества мнѣній, ничѣмъ недоказанныхъ, нелѣпыхъ и утонченныхъ до излишества, возвратится къ Религіи вѣчной, всемірной и неизмѣнной любви. Чтобъ чувствовать истину оной, каждый долженъ только войти во внутренность самаго себя.

Какъ мало находится людей, предпріялъ онъ, которые бы могли такимъ образомъ входить въ самихъ себя, дабы совѣтоваться съ чистымъ разумомъ. Хотя можно положить, что находится нѣсколько человѣкъ разсѣянныхъ повсюду, которые могутъ идти симъ путемъ, совершенно духовнымъ; однакожъ большая часть людей къ сему неспособна, и требуетъ внѣшней помощи. Тонкія страсти не менѣе ослѣпляютъ разумъ, какъ и грубыя. Основныя истины весьма часто избѣгаютъ отъ внимательности самыхъ Философическихъ геніевъ, и часто они не могутъ изыскать твердыхъ началъ, на коихъ могли бы остановиться среди моря неизвѣстностей, въ коемъ они погружены.

Какъ въ гражданскомъ обществѣ *нужно было выразить разумъ на письмѣ*, привести его предписанія въ корпусъ законовъ, учредить правительство для исполненія оныхъ, потому что люди вообще не въ состояніи слѣдовать сами по себѣ естественному закону: точно такъ и въ Религіи люди не хотятъ ни слушать внимательно, ни слѣдовать изъ любви внутреннему гласу Верховной Мудрости. Нѣтъ ничего достойнѣе Бога, какъ то, чтобъ Онъ Самъ произрекалъ Своимъ твореніямъ видимымъ образомъ, дабы убѣдить невѣрующихъ, утвердить мечтателей, научить невѣждъ, и привести всѣхъ къ вѣрѣ однимъ и тѣмъ же истинамъ, къ единому Богослуженію, къ повиновенію единой Церкви. Для чего вооружаетесь вы противъ помощи, столь нужной для слабости человѣческой, безъ которой ученѣйшіе и образованнѣйшіе народы впадали въ самыя гру-

быя заблужденія касательно Божества и нравственности?

Философія, отвѣчалъ я, прервавъ его, есть общая всѣмъ умамъ, всѣмъ народамъ, всѣмъ Религіямъ. Слѣды оной находятся вездѣ, и даже въ нѣдрахъ язычества. Можетъ быть души простыя лучше исполняютъ ея наставленія, нежели какъ Философы говорятъ объ ней. Каждая секта смѣшиваетъ оную съ нелѣпостями. Я нахожу ихъ въ Библіи, такъ какъ и повсюду. Но позвольте мнѣ не говорить далѣе: я боюсь, чтобъ не поносить того, чего не понимаю.

Онъ пребывалъ нѣсколько времени въ молчаніи; потомъ сказалъ: Тотъ, кто не испыталъ трудовъ, кои вы испытываете для достиженія къ истинѣ, не знаетъ цѣны оной. Откройте мнѣ ваше сердце. Не думайте, чтобъ вы могли раздражить меня; я вижу вашу рану: она глубока, но излѣчима, ибо вы ее не скрываете.

Я продолжалъ: Мнѣ кажется, что Законодатель Іудейскій представляетъ Всевышнее Существо въ видѣ тирана, которой подвергъ нещастіямъ весь родъ человѣческій токмо за то, что праотецъ онаго вкусилъ запрещеннаго плода. Потомство его прежде своего существованія не могло участвовать въ семъ маловажномъ преступленіи; но не смотря на сіе, Богъ наказываетъ его не только тѣлесными казнями и смертію, но и предаетъ во власть страстей, и наконецъ — вѣчнымъ мученіямъ. Слѣдуя общей Вѣрѣ, Богъ забылъ всѣ народы земные единственно для того, чтобы пещись о народѣ грубомъ, непокорномъ, несправедливомъ и жестокомъ, ко-

его догматы и обычаи кажутся нимало недостойными Божества.

Является другой Законодатель. Нравственность Его возвышенна; — собственный образъ Его жизни безпороченъ. Я не утверждаю съ нѣкоторыми безразсудными умами, что Онъ былъ обманщикъ; я думаю, что Онъ былъ превосходный Философъ, который жилъ единственно для того, чтобы сдѣлать людей добрыми и щасливыми, и научить ихъ истинному поклоненію Всевышнему Существу. Но ложные истолкователи Его Закона погрузили оный во множествѣ нелѣпыхъ вымысловъ, темныхъ догматовъ и своевольныхъ мнѣній, которыя не могутъ произвести въ насъ любви къ Создателю. —

Онъ слушалъ меня до конца съ удивительнымъ спокойствіемъ, потомъ отвѣчалъ: Богъ въ Своихъ изреченіяхъ смѣшалъ свѣтъ и тѣни такимъ образомъ, что сіе смѣшеніе служитъ источникомъ жизни для тѣхъ, которые ищутъ истину, дабы ее любить, и бездну мрака для тѣхъ, кои, ласкаясь страстямъ своимъ, вооружаются противъ оной. Большая часть возраженій, сдѣланныхъ вами, суть тѣ ложные и злоумышленные обороты, кои невѣрующіе даютъ Религіи. Выслушайте меня со вниманіемъ: вотъ планъ Библіи.

Богъ хочетъ быть любимъ, *какъ Онъ того заслуживаетъ*, прежде нежели дозволитъ Себя видѣть, *какъ Онъ есть*. Блистательный видъ Его сущности принудилъ бы насъ любить Его по необходимости; но Онъ хочетъ быть любимъ свободно и совершенно по избранію. Для сего-то всѣ свободныя существа должны прохо-

дить путь испытанія, прежде нежели достигнутъ высочайшаго блаженства, натурѣ ихъ свойственнаго. Начало ихъ бытія есть вступленіе въ подвигъ любви.

Поелику Ангелы и наши праотцы злоупотребили свою свободу въ раю безсмертія и блаженства; то Богъ измѣнилъ сіе состояніе испытанія въ состояніе смерти, смѣшанное изъ благъ и золъ, дабы, познавши опытомъ суету и ничтожество всего сотвореннаго, мы желали безпрерывно лучшей жизни. Съ сего времени всѣ мы раждаемся съ наклонностію къ злу. Наши души осуждены къ пребыванію въ земныхъ темницахъ, которыя затмѣваютъ нашъ разумъ и дѣлаютъ грубымъ наше сердце; но по благости Искупителя, тѣлесныя вожделѣнія не суть уже непобѣдимая сила, насъ увлекающая, а только случай къ сраженію, и чрезъ сіе источникъ достоинства. Любить Бога въ скорбяхъ и мученіяхъ есть состояніе, гораздо достойнѣйшее, нежели состояніе Ангеловъ, кои любятъ Его среди утѣхъ и блаженства. Вотъ *таинство Креста*, столь соблазнительное для воображенія и самолюбія людей невѣдущихъ.

И такъ всѣ мы раждаемся въ состояніи болѣзни, но всегда можемъ найти лѣкарство для излѣченія. — Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, не отнятъ ни у кого. Сія Верховная Мудрость говорила различно, судя по времени и мѣсту: однимъ въ Законѣ откровенномъ и чудесахъ Пророковъ, другимъ въ Законѣ естественномъ и чудесахъ творенія. Каждый будетъ судимъ по закону, имъ познанному, а не по тому, о коемъ онъ былъ несвѣдомъ.

Никто не будетъ осужденъ иначе, какъ развѣ за то, что онъ не пользовался тѣмъ, что зналъ, дабы заслуживать узнать еще болѣе. (Св. Августинъ.)

Наконецъ Самъ Богъ благоволилъ воплотиться для нашего искупленія отъ власти грѣха, и дабы научить насъ служенію, коимъ мы Ему долженствуемъ. Богъ не можетъ простить преступника, не показывая Своего отвращенія къ преступленію. Симъ долженствуетъ Онъ Своему правосудію, коему токмо І. Х. могъ удовлетворить совершенно. Онъ показалъ людямъ, Ангеламъ и всѣмъ небеснымъ существамъ безконечное отвращеніе Божества къ нарушенію порядка, поелику оное стоило толикихъ горестей и скорбей самому Богочеловѣку.

Далѣе, приношеніе І. Христа, пожертвовавшаго Собою изъ благоговѣнія къ святости Божества, Его глубокое уничиженіе предъ Верховнымъ Существомъ, и безконечная Его любовь къ порядку, пребудутъ вѣчнымъ образцомъ любви, служенія Божеству и благоговѣнія предъ Нимъ всѣхъ существъ разумныхъ. Изъ онаго должны они познавать, чѣмъ долженствуютъ безконечному Существу, видя поклоненіе, воздаваемое Ему въ освященномъ человѣчествѣ.

Религія сего Вѣчнаго Первосвященника состоитъ единственно въ любви. Служеніе, обряды, Священство, суть токмо спасительная помощь для нашей слабости; чувственные знаки, потребные для того, чтобы питать какъ въ насъ самихъ, такъ и въ другихъ, познаніе и любовь нашего общаго Отца; или же наконецъ необходи-

мыя средства къ тому, чтобъ удержать насъ въ порядкѣ, согласіи и повиновеніи.

Но наконецъ, всѣ сіи средства кончатся, и мракъ разсѣется; откроется храмъ Истины; тѣла наши воскреснутъ прославленныя, Богъ сообщится навѣки Своимъ твореніямъ, и мы узримъ Его не токмо въ Его чистой Божественной сущности, но и въ видѣ человѣческомъ, и познаемъ какъ таинства существа Его, такъ и чудеса Его творенія.

Вотъ общій планъ Провидѣнія и, такъ сказать, Философія Библіи. Можно ли найти что-либо достойнѣе Божества и утѣшительнѣе для рода человѣческаго, какъ сіи высокія и благородныя идеи? Не должно ли желать, чтобы они были истинны, предполагая, что невозможно доказать сего дѣйствительно?

Я отвѣчалъ: Моисей и І. Х. не могли ли составить сію прекрасную систему безъ всякаго Божественнаго посланія собственнымъ своимъ разумомъ? Можетъ быть они объявляли о себѣ, что имѣютъ обращеніе съ Богомъ, конечно не для того, чтобы обманывать другихъ, но чтобы пріобрѣсти болѣе довѣренности къ своему Закону, и посредствомъ онаго сдѣлать людей добрыми и щастливыми, научивъ ихъ истинной нравственности.

Онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: Моисей и І. Х. доказали свое посланіе сверхъестественными дѣйствіями, которыя ознаменованы безконечною мудростію и всемогуществомъ.

Я не буду говорить вамъ о чудесахъ Моисея, ни о томъ, что книги, содержащія исторію оныхъ, дошли до насъ въ неповрежденномъ состоя-

ніи; вы можете видѣть доказательства сего въ превосходномъ разговорѣ о Всеобщей Исторіи Епископа Москаго. Онъ показалъ цѣпь преданій съ самаго начала міра. Размышленія его о семъ предметѣ показываютъ равномѣрно какъ высокость его разума, такъ и пространство его учености.

Не буду говорить вамъ о пророчествахъ, содержащихся въ сихъ древнихъ книгахъ, кои требовали не токмо Божественной мудрости для того, чтобъ ихъ предвидѣть, но и безконечнаго могущества для ихъ исполненія. Таково обращеніе язычниковъ къ Христіянству, такое произшествіе, которое, завися отъ свободнаго содѣйствія человѣка, показываетъ, что Богъ, Основатель онаго, имѣетъ непремѣнную власть надъ сердцемъ человѣческимъ.

Я не войду, продолжалъ онъ, въ подробности сихъ происшествіи, кои показываютъ очевидно, что Законъ Іудеевъ низпосланъ свыше. Приступаю къ Христіянству. Доказывая истину онаго, доказывается также истина Іудейскаго закона; ибо Законодатель Христіянъ признаетъ оной Божественнымъ.

Чудеса І. Христа были производимы не въ углу какомъ нибудь, не въ непроницаемыхъ убѣжищахъ, или глубокихъ пещерахъ, но предъ глазами цѣлаго враждующаго и невѣрнаго народа; были распространяемы и возобновляемы Апостолами во многихъ различныхъ націяхъ, коимъ весьма нужно было обличить ихъ во лжи, естьли бы они въ семъ ихъ подозрѣвали. Спаситель напиталъ множество народа двумя, или тремя хлѣбами; неизлѣчимыя болѣзни изцѣлялъ однимъ сло-

вомъ; изводилъ мертвыхъ изъ гроба — и наконецъ Самъ воскресъ изъ мертвыхъ. Все сіе было извѣстно цѣлому народу, и весьма бы легко было открыть самомалѣйшую ложь. — Онъ не дѣлалъ обмановъ, кои бы могли очаровать глаза народа, ни шарлатанствъ, ни физическихъ опытовъ, но дѣйствія ощутительныя, кои были очевидно противоположны общимъ законамъ натуры. Ученые и неученые равно могли судить объ оныхъ. Должно было только видѣть, чтобы признать ихъ за истину.

Далѣе, все сіе ознаменовано благостію и безконечнымъ могуществомъ, которое дѣйствуетъ свободно, не тщеславясь симъ, и кажется производящимъ чудеса единственно изъ сожалѣнія къ слабости человѣковъ, для облегченія тѣлесныхъ ихъ страданій, или для изцѣленія ихъ разума.

Сіи чудеса были производимы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ учредить истинное служеніе Божеству. І. Х. Самъ увѣряетъ насъ, что Онъ дѣлаетъ ихъ единственно для того, чтобъ возвратить человѣка къ собственному его сердцу, дабы онъ могъ найти въ немъ доказательства Его ученія, коего конецъ и совершенство есть любовь.

Наконецъ, первые очевидные свидѣтели сихъ чудесныхъ дѣйствій не могутъ быть подозрительны. Конечно возможно, что люди безразсудные, или предразсудками обладаемые, переносятъ всѣ возможныя бѣдствія для поддержанія своихъ умозрѣній, поелику они сами увѣрены въ истинѣ оныхъ; но чтобъ люди, не имѣя въ виду никакой личной выгоды, не будучи побуждае-

мы честолюбіемъ, и не ожидая никакой ни временной, ни вѣчной награды, рѣшились подвергнуться всѣмъ возможнымъ мученіямъ, и наконецъ мстительному правосудію Бога, врага лжи, единственно для того, чтобъ утверждать, что они слышали своими ушами и видѣли своими глазами такія вещи, коихъ никогда не бывало, — таковая безкорыстная любовь ко лжи и злонамѣренность совсѣмъ несогласна съ природою человѣка, и особенно таковыхъ людей, которые посвятили свою жизнь на исполненіе и возвѣщеніе законовъ нравственности возвышеннѣйшей, каковая токмо когда-либо бывала.

Находятъ ли сіи три признака истины въ ложныхъ чудесахъ волхвовъ и обманщиковъ, Аполлонія и Магомета? Конечно они могли представить народу зрѣлище тщеславія, дабы удивлять и забавлять его, и потомъ сдѣлаться надъ онымъ господами; но могли ли они производить чудеса столь знаменитыя, при подобныхъ свидѣтеляхъ, и для утвержденія столь чистой нравственности?

Религія Моисея, разсматриваемая сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ Христіянству, могла бы подозрѣваема быть въ связи съ Политикою. Можно сказать, что волхвы Египетскіе подражали нѣкоторой части чудесъ, имъ произведенныхъ, и что онъ только превосходилъ ихъ въ искуствѣ Магіи; но невозможно найти никакого предлога не вѣровать Религіи І. Х., никакой тѣни Политики, никакого слѣда выгодъ человѣческихъ. Чудеса доказываютъ Божественное посланіе Законодателя, а чистота Его Закона — что оный не есть обманъ. Когда Законо-

датель хочетъ обмануть народъ ложными чудесами, и злоупотребить его легковѣріе, дабы пріобрѣсти себѣ власть надъ онымъ, — то можетъ ли онъ предложить ему такую Религію, которая уничтожаетъ человѣка совершенно, дѣлаетъ его чуждымъ самому себѣ, низпровергаетъ идолослуженіе *я*, обязываетъ насъ любить Бога болѣе, нежели самихъ себя, и не любить себя иначе, какъ токмо для Него? І. Х. требуетъ отъ насъ таковой любви не токмо какъ поклоненія, должнаго Божескимъ совершенствамъ, но и какъ необходимаго средства къ тому, чтобы самимъ намъ содѣлаться щастливыми.

Поелику мы изгнаны въ сіи дольнія страны на самое краткое время, то Онъ хочетъ, чтобъ мы взирали на сію жизнь какъ на младенчество нашего бытія, и какъ на мрачную ночь, коей всѣ удовольствія суть преходящіе сны, а бѣдствія спасительныя напоминанія, дабы заставить насъ стремиться къ истинному нашему отечеству. Онъ желаетъ, чтобъ мы, будучи проникнуты чувствованіемъ нашего ничтожества, немощи и невѣдѣнія, безпрерывно повергались предъ Существомъ существъ, моля Его, да возобновитъ Оное въ насъ Свой образъ, да облечетъ насъ Своею собственною красотою; да просвѣтитъ и одушевитъ насъ, да даруетъ намъ бытіе и благоденствіе, разумъ и жизнь, совершенную любовь, какъ истинное просвѣщеніе, и чрезъ сіе возродитъ въ насъ всѣ добродѣтели Божественныя и человѣческія, дабы наконецъ, содѣлавшись совершенно Ему подобными, могли наконецъ погрузиться въ Божественномъ Его единствѣ.

Вотъ поклоненіе духомъ и истиною, о коемъ говорится въ Евангеліи, поклоненіе, которое человѣкъ находитъ столь сообразнымъ съ своими идеями, когда ему оное открываютъ, и коего однакожъ не видно никакихъ слѣдовъ между самыми образованнѣйшими язычниками. Поздо уже, когда Христіянство возсіяло въ мірѣ, Философы языческіе, Арабскіе и Персидскіе, начали употреблять сей языкъ, но никогда не говорили онымъ совершенно.

Все сіе соединено въ І. Христѣ, и Его нравы соотвѣтствуютъ Его ученію. Сей Божественный Законодатель не довольствовался тѣмъ, чтобы дать людямъ одни только сухія предписанія возвышенной нравственности; Онъ исполнялъ ихъ Самъ Собою, и представилъ намъ примѣръ совершенной добродѣтели, которая не имѣетъ и не требуетъ ничего на землѣ. Вся Его жизнь есть ничто иное, какъ страданія, безпрерывное поклоненіе и глубочайшее уничиженіе предъ Верховнымъ Существомъ, неограниченное повиновеніе Божественной волѣ и безконечная любовь къ порядку. Наконецъ умеръ, какъ оставленный отъ Бога и отъ людей, дабы показать, что совершенная добродѣтель, будучи подкрѣпляема единственно любовію къ правосудію, можетъ пребывать неизмѣнною среди ужаснѣйшихъ мученій, не имѣя въ виду никакой, ни небесной, ни земной помощи. Можете ли вы найти гдѣ нибудь подобнаго Законодателя, или таковаго закона? Истинное поклоненіе Любви открытой, очищенной и совершенно исполненной, нигдѣ не льзя найти, какъ токмо у Христіянъ.

Учрежденіе таковой Религіи между народами есть одно изъ величайшихъ чудесъ. Вопреки Римскому могуществу, страстямъ, выгодамъ и предразсудкамъ столькихъ націй, столькихъ Философовъ и жрецовъ различныхъ вѣръ, двенадцать бѣдныхъ рыбаковъ безъ знанія, безъ краснорѣчія, безъ силы, распространили повсюду свое ученіе. Не смотря на гоненія, три вѣка продолжавшіяся, которыя, кажется, долженствовали возобновляться безпрерывно, не смотря на безпрестанныя мученія неизчислимаго количества людей всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ странъ, — истина возторжествовала наконецъ надъ заблужденіями, по предсказаніямъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Покажите мнѣ какую-либо другую Религію, которая бы имѣла сіи видимые знаки покровительства Божества. Ежели завоеватель учредитъ силою оружія Религію такую, которая ласкаетъ чувственности; ежели мудрый законодатель заставляетъ слушать себя и уважать по причинѣ пользы, отъ законовъ его проистекающей; ежели секта, уважаемая народомъ и покровительствуемая гражданскимъ правительствомъ, употребляетъ во зло легковѣріе народа: все это возможно; но видѣть побѣдоносные, ученые и неимовѣрные народы столь поспѣшно покоряющимися І. Христу, Который не обѣщаетъ ничего въ здѣшнемъ мірѣ, кромѣ гоненія и страданій, Который предлагаетъ имъ Вѣру таинствамъ, разуму человѣческому невмѣстимымъ, и исполненіе правилъ нравственности, требующей пожертвованія самыми любезнѣйшими намъ страстями, однимъ словомъ, такую Вѣру и Богослуженіе, которое низпровергаетъ вмѣстѣ

и нашъ разумъ, и наше самолюбіе, — есть нѣчто непостижимое. Не было ли бы сіе величайшее и неимовѣрнѣйшее чудо, естьли бы тѣ, коимъ не хотятъ вѣрить, обратили міръ къ подобной Религіи безъ чудесъ? (Св. Августинъ.)

Я возразилъ слѣдующимъ образомъ: То, что вы мнѣ изъяснили, удивляетъ и поражаетъ меня. Однакожъ я и теперь взираю на сіи давно случившіяся происшествія какъ на обезображенныя, увеличенныя и выдуманныя Священниками и Политиками, кои употребляютъ Религію средствомъ къ тому, чтобы господствовать въ народѣ.

Онъ отвѣчалъ: Не должно сомнѣваться въ истинѣ сихъ происшествій, поелику книги, содержащія ихъ Исторію, были въ рукахъ большей части народа, и переводились на разные языки, какъ скоро появились въ свѣтъ. Изъ вѣка въ вѣкъ оныя были читаны въ цѣлыхъ собраніяхъ почти всѣхъ народовъ. Никто не подозрѣвалъ ихъ во лживости, ни Жиды, ни язычники, ни еретики, хотя они и имѣли сильныя причины обличить ихъ въ оной. Правда, Жиды говорятъ, что І. Х. производилъ сіи чудеса посредствомъ Магіи; но не отвергаютъ ихъ, какъ выдуманныя. Язычники не могли противоборствовать въ семъ случаѣ болѣе, нежели Жиды. Цельсъ, Порфирій, Іуліянъ отступникъ, Плотинъ и другіе Философы, которые съ самыхъ первыхъ вѣковъ вооружались противъ Христіянства со всѣми возможными тонкостями, признавали подлинность чудесъ І. Христа, святость Его жизни, и достовѣрность книгъ, содержащихъ Исторію оныхъ. Наконецъ многочисленныя и никогда не прерывавшіяся ереси,

которыя въ каждомъ вѣкѣ возмущали Церковь, неоспоримо доказываютъ, что невозможно было испортить священнаго текста, такъ чтобы обманъ былъ непримѣтенъ.

Такимъ образомъ, возходя отъ вѣка до вѣка, даже до І. Христа, Христіяне, еретики, Жиды, язычники, Греки и Римляне, всѣ засвидѣтельствовали истину сихъ происшествій и книгъ. — Какъ достовѣрность нашихъ идей зависитъ отъ всеобщей и неизмѣняемой очевидности, сопровождающей оныя, точно также и достовѣрность дѣяній зависитъ отъ всеобщности и неизмѣняемости преданій, подтверждающихъ оныя. Невозможно, чтобы цѣлый народъ, а тѣмъ болѣе многіе различные народы могли повѣрить, что они видѣли своими глазами и слышали своими ушами такія вещи, коихъ никогда не бывало; чтобъ память сихъ выдуманныхъ происшествій продолжалась сначала, послѣдовательно, во всеобщности, во всѣхъ вѣкахъ, въ различныхъ народахъ, коихъ выгоды, Религія и предразсудки онымъ противоположны; чтобъ сіи народы сговорились съ своими непріятелями разгласить вымыслъ, который ихъ самихъ приводитъ въ смятеніе и осуждаетъ, и чтобы ни въ настоящее время вымысла, ни въ послѣдующихъ вѣкахъ, обманъ никогда не былъ обнаруженъ, — это, говорю я, не только невѣроятно, но даже совершенно невозможно.

Я восхищаюсь, отвѣчалъ я, симъ соединеніемъ доказательствъ, взятымъ отъ чудесъ и нравственности, изъ внутренняго духа Закона и внѣшнихъ чудесъ Законодателя. Низкія и корыстолюбивыя идеи, которыя обыкновенно имѣ-

ютъ о Религіи, казались мнѣ недостойными Посланника Божества. Чудеса Законодателя были мнѣ подозрительны, поелику я не зналъ превосходства Его Закона. Но для чего же находится въ Библіи сіе чудное смѣшеніе блистательныхъ истинъ и темныхъ догматовъ? Я бы желалъ отдѣлить высокія идеи, о которыхъ вы мнѣ говорили, отъ того, что Священники именуютъ *таинствами*.

Онъ отвѣчалъ мнѣ: Для чего отвергать столько утѣшительныхъ истинъ, поелику оныя соединены съ темнотою, уничижающею разумъ? Истинная Религія не должна ли возвышать и вмѣстѣ сокрушать человѣка, показывая ему какъ высокость, такъ и слабость его? — Вы не имѣете еще полнаго понятія о Христіянствѣ. Оно есть не только священный Законъ, очищающій сердце, но и Верховная Мудрость, покоряющая разумъ? Это вѣчное приношеніе всего *самаго себя* изъ благоговѣнія къ верховному Уму. Исполняя Его нравственность, отказываются отъ удовольствій изъ любви къ высочайшей Красотѣ. Вѣруя Его таинствамъ, жертвуютъ своими идеями изъ уваженія къ вѣчной Истинѣ. Безъ сей двоякой жертвы *мыслей* и *страстей* всесожженіе несовершенно, жертва наша недостаточна. Приономъ человѣкъ уничтожается и изчезаетъ предъ Существомъ существъ. Не должно разсматривать, нужно ли было, чтобъ Богъ открылъ намъ таинства, дабы уничижить нашъ разумъ; нужно знать, открылъ ли Онъ ихъ, или нѣтъ. Ежели Онъ говоритъ своимъ тварямъ — то послушаніе и любовь съ ихъ стороны должны быть нераздѣльны. Въ семъ-

П 2

то состоитъ Христіянство. Поелику вы не сомнѣваетесь болѣе въ доказательствахъ истины онаго, то не должно выбирать въ немъ, чему вѣрить, и чему не вѣрить. Всѣ непонятности, коихъ вы представили примѣры, изчезнутъ, какъ скоро разумъ будетъ излѣченъ отъ предубѣжденія. Тогда уже не трудно будетъ вѣрить, что какъ въ натурѣ Божества, такъ и въ ходѣ Его провидѣнія находится глубина непроницаемая для слабаго нашего разума. Безконечное Существо должно быть непонятнымъ сотворенному. Съ одной стороны видимъ Законодателя, коего Законъ есть совершенно Божественный, и Который доказываетъ Свое посланіе такими чудесами, коимъ нѣтъ причинъ равносильныхъ не вѣрить, какъ тѣ, по коимъ вѣрятъ. Съ другой стороны находимъ многія таинства, невмѣстимыя нашему разуму. Что должно дѣлать между сими двумя крайностями — яснаго откровенія и непроницаемой темноты? Нѣтъ другаго средства, кромѣ жертвоприношенія разума, и сіе приношеніе есть часть поклоненія, коимъ мы обязаны Всевышнему Существу.

Не имѣетъ ли Богъ знаній, коихъ мы совершенно имѣть не можемъ? Когда Онъ открываетъ нѣкоторыя изъ нихъ сверхъестественнымъ образомъ, то не должно разсматривать, какъ совершаются сіи таинства, но токмо достовѣрность ихъ открытія. Онѣ кажутся намъ невозможными, не будучи таковыми въ самомъ дѣлѣ; и сія видимая ихъ невозможность происходитъ отъ малости нашего разума, которой не имѣетъ довольно пространныхъ свѣдѣній, дабы видѣть связь натуральныхъ нашихъ понятій съ сими

сверхъестественными истинами. . . . .
До сего времени вы хотѣли обладать истиною; но вмѣсто того должно, чтобъ истина обладала вами, плѣнила васъ и освободила отъ всѣхъ ложныхъ богатствъ разума. Чтобъ быть истиннымъ Христіяниномъ, не должно привязываться ни къ чему, ниже къ самымъ своимъ понятіямъ. Токмо одинъ Католицизмъ проповѣдуетъ сію Евангельскую бѣдность. И такъ заставьте молчать ваше воображеніе, вашъ разумъ; взывайте непрестанно къ Богу: Научи меня по сердцу, а не по разуму; содѣлай меня вѣрующимъ, подобно какъ Святые вѣровали; содѣлай меня любящимъ, какъ любили они. Такимъ образомъ вы будете равномѣрно удалены какъ отъ невѣрія, такъ и отъ суевѣрія. —

Такимъ-то образомъ Архіепископъ Камбрейскій доказалъ мнѣ, что невозможно быть благоразумнымъ Деистомъ, не сдѣлавшись Христіяниномъ, ни Христіяниномъ-Философомъ, не сдѣлавшись Католикомъ.

Конецъ первой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.